

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 25

Saratov State University
2022

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 25

Саратовский государственный университет
2022

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2022. – Вып. 25. – 211 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Шестов Н.И. (Саратов).

Адаптация социально-антропологического подхода к изучению социально-политического протеста..... 9

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Вихорев А.А. (Саратов).

Французская революция и «тотальная война» 1792 – 1815 гг. в оценках Уильяма Вордсворта 24

Остапкович Д.Ю. (Саратов).

Гувернер Моррис и Французская революция 36

Макаров Н.А. (Москва).

Перед вступлением в континентальную блокаду: попытка России заключить всеобщий мир между Францией и Англией 47

Гунько А.А. (Саратов).

Хронология освобождения Гамбурга весной 1814 г. 58

Беспалова Д.А. (Саратов).

Французская армия в период Наполеоновских войн глазами Арчибальда Элисона 70

Гладышев А.В. (Саратов).

«Дражайшая племянница» лорда Веллингтона и Наполеоновские войны. 78

Лаврентьев М.В. (Саратов).

Условия содержания членов партии «Народная воля» в Шлиссельбургской политической тюрьме в 1884–1905 гг..... 88

Баранов А.В. (Саратов).

Ирано-иракские отношения во взглядах аятоллы Хомейни (1979–1980 годы). 94

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Михайлин В.Ю. (Саратов).

Ритуализированный конфликт Нового времени в зеркале позднейшей фиктивной традиции 108

БИОГРАФИКА

Мельников П.Ю., Колоколов Г.Р. (Саратов).

Граф Д.А. Толстой: версия о сумасшествии..... 125

Калашников М.В. (Саратов).

«И я бы мог [как шут ви...]»: к вопросу взаимоотношений А.С. Пушкина и К.Ф. Рылеева. (Историко-семантический этюд III)..... 131

ПУБЛИКАЦИИ

Кадькалов Ю.Г. (Саратов).

Об историческом образовании в Саратовском педагогическом институте 145

Кац В.И. (Саратов).

Археологические детективы и заметки на полях в качестве гарнира 153

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Синицын А.А. (Санкт-Петербург).

Историки, историография и историко-риторический агон: сопоставление классических эллинских писателей в «Письме к Помпею» Дионисия Галикарнасского (Часть 1) 178

Список аббревиатур и сокращений 209

CONTENTS

HISTORY, POWER, AND MASS CONSCIOUSNESS

Shestov N.I. (Saratov).

Adaptation of the socio-anthropological approach to the study of socio-political protest... 9

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

Vihorev A.A. (Saratov).

The French revolution and the «total war» of 1792-1815 in the assessment of William Wordsworth 24

Ostapkovich D.Ju. (Saratov).

Gouverneur Morris and the French revolution..... 36

Makarov N.A. (Moscow).

Before joining the continental blockade: an attempt of Russia to conclude a world peace between France and England 47

Gunko A.A. (Saratov).

Chronology of the liberation of Hamburg in the spring of 1814. 58

Bespalova D.A. (Saratov).

The French army during the Napoleonic wars through the eyes of Archibald Alison 70

Gladyshev A.V. (Saratov).

Lord Wellington's «dearest niece» and the Napoleonic wars..... 78

Lavrentev M.V. (Saratov).

Conditions of detention of members of the «Navodaya volya» party in the Shlisselburg political prison in 1884-1905..... 88

Baranov A.V. (Saratov).

Iran-Iraq relations in the views of ayatollah Khomeini (1979-1980)..... 94

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

Mikhailin V.Yu. (Saratov).

The ritualized conflict of New time in the mirror of the later fictitious tradition 108

BIOGRAPHY

Melnikov P.Yu., Kolokolov G.R. (Saratov).

Count D.A. Tolstoy: the version of madness..... 125

Kalashnikov M.V. (Saratov).

“I could as well [like jester ha...]”: on the issue of relationships between A.S. Pushkin and K.F. Ryleyev (historico-semantic study III)... 131

PUBLICATIONS

Kadkalov Yu.G. (Saratov).

On the issue of historical education in Saratov pedagogical institute 145

Katz V.I. (Saratov).

Archaeological detectives and marginal notes as a side dish... . 153

SURVEYS, REVIEWS, ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Sinitsyn A.A. (Saint Petersburg).

Historians, historiography and historical-rhetorical agon: on the juxtaposition of Hellenic writers in the *Epistula ad Pompeium* by Dionysius of Halicarnassus (Part 1)... 178

The list of abbreviations and reductions 209

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 316.7+316.37+316.4

АДАПТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Н.И. Шестов¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: nikshestov@mail.ru

Аннотация. Культурные различия часто становятся предпосылкой взаимного непонимания и конфликтов в современном мире, что особенно остро актуализирует проблематику кросс-культурного диссонанса в отношениях между представителями разных социальных групп, переживающих стрессовые ситуации общенационального масштаба, к числу которых бесспорно относятся гражданские конфликты и войны. В этой связи уже сегодня специалисты по гуманитарным дисциплинам в разных странах ставят задачу определения того общего во всех гражданских конфликтах и войнах, что влияет на психологию социума в целом. В конфликтной фазе политического протеста наиболее выражены принципиальные личностные мотивы его участников. Антропологический подход нацеливает на поиск связи между рациональными и иррациональными, ментальными и психологическими мотивами участия людей в протесте. Задача выявления в протесте доминирующих «свойств человеческой природы» может быть решена через анализ социально-мифологического ресурса социума и его политических элит. Использование социальной мифологии в качестве инструмента доработки антропологического подхода применительно к задаче изучения общих и особенных характеристик конкретного социального протеста, открывает перед исследователем достаточно широкий спектр продуктивных творческих стратегий.

Ключевые слова: конфликтология, политическая антропология, социально-политический протест, социальная мифология.

ADAPTATION OF THE SOCIO-ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF SOCIO-POLITICAL PROTEST

N.I. Shestov

(Saratov, Russia)
e-mail: nikshestov@mail.ru

---

¹ Шестов Николай Игоревич, д.п.н., профессор кафедры политических наук юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Annotation. *Cultural differences often become a prerequisite for mutual misunderstanding and conflicts in the modern world, which especially acutely actualizes the problem of cross-cultural dissonance in relations between representatives of different social groups experiencing stressful situations on a national scale, which undoubtedly include civil conflicts and wars. In this regard, already today specialists in the humanities in different countries set the task of determining what is common in all civil conflicts and wars, which affects the psychology of society as a whole. In the conflict phase of political protest, the principal personal motives of its participants are most pronounced. The anthropological approach aims to find a connection between rational and irrational, mental and psychological motives of people's participation in the protest. The task of identifying the dominant "properties of human nature" in the protest can be solved through the analysis of the socio-mythological resource of society and its political elites. The use of social mythology as a tool for refining the anthropological approach in relation to the task of studying the general and special characteristics of a particular social protest opens up a fairly wide range of productive creative strategies for the researcher.*

Keywords: conflict resolution, political anthropology, socio-political protest, social mythology.

К социально-политическому протесту историки и политологи обычно проявляют повышенный интерес. Мотив этого интереса понятен: для исследователя прошлого и настоящего политики это всегда возможность увидеть её мотивы, практики и результаты в их наиболее первичном, человеческом измерении. В протесте ярче, чем в мирной фазе политического процесса, заявляет о себе стремление его участников «почувствовать себя людьми», а также добиться от других участников политики признания своего «человеческого достоинства» и проявления «человеческого отношения» к себе. Наконец, именно в протесте наиболее выражен тот принципиальный мотив, который побуждает людей в политическом процессе держаться вместе и активно, либо пассивно в нем участвовать. Это их ожидание, что по следам такого участия им (а если не им, то их детям и внукам) удастся, наконец, «зажить по-человечески». Таким же «человеческим» желанием, заметим, руководствуются в выборе форм и способов борьбы с протестом его противники. С их точки зрения, менять в политике как раз ничего не нужно именно потому, что это может нанести вред её естественной «человеческой» природе. Либо осуществлять изменения, если противники протеста согласны с их неизбежностью, следует с крайней осторожностью, чтобы не допустить утраты политикой её «естественных основ», не запустить процесс её полного и бесповоротного «расчеловечивания». Потому для идейного и организационного противодействия протесту его противники, как прежде, так и сегодня, нередко используют средства, которые стороннему наблюдателю могут показаться не вполне

адекватными потенциальному ущербу для государства и общества от протестной активности масс и личностей. Применяют, например, физическое насилие для подавления мирных протестов. По их мнению, необходимость сохранения «естественного» порядка человеческих интересов и отношений в политике такое насилие вполне оправдывает даже тогда, когда, формально, протестующие в своих требованиях и действиях не выходят за границы либерально-демократических представлений о гражданских правах и свободах, а также об обязательствах правового государства стоять на их защите².

По этим соображениям одним из наиболее адекватных и работающих теоретических подходов к изучению исторически известных и современных социально-политических протестов, является антропологический подход. Он давно и успешно используется историками и политологами³. Тем и другим этот подход нацеливает на поиск связи между рациональными и иррациональными, ментальными и психологическими мотивами участия людей в протесте, и тем, в каком направлении и каким порядком развивается социально-политический протест, как ожидаемые и неожиданные его результаты побуждают его активистов и противников определять для себя границы «человечного» и «античеловечного» в мыслях и поступках и, по ситуации, эти границы пересматривать.

Простота смысла данного теоретического подхода не исключает проблем, связанных с его практическим применением для изучения социальных протестов, когда общий подход становится методом решения конкретных научных задач. Например, исследователю, реализующему этот подход в качестве метода изучения исторического, либо современного протеста, никуда не деться от одного

---

² Городов П. «Вам разгон с газом или без?». Как пресекают протесты на Западе и в России. – [Электронный ресурс]. – URL: https://aif.ru/politics/world/vam_razgon_s_gazom_ili_bez_kak_presekayut_protesty_na_zapade_i_v_rossii (Дата обращения: 02.08.2019); Голованов Р. Резиновые пули и водометы: Как разгоняют протесты в просвещенной Европе. Мы разбиралась, почему американским и европейским полицейским позволено жестко применять силу. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27010/4072469/> (Дата обращения: 12.10.2022).

³ Далгат Ф.М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-antropologicheskij-podhod-v-istoricheskom-issledovanii> (Дата обращения – 20.09.2022); Бочаров В.В. Политическая антропология. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-antropologiya> (Дата обращения – 20.09.2022).

практического вопроса. А именно, какие «свойства человеческой природы» (из того их богатого списка, который за минувшие три столетия был сформирован усилиями отечественных и зарубежных философов, культурологов, литературоведов и других знатоков «душ человеческих») считать главными факторами, определяющими логику и динамику данного протеста, а в каких видеть лишь нечто второстепенное?

Выборка необходима по двум, как минимум, причинам. Во-первых, потому, что многие «свойства», которые мы сегодня считаем «общечеловеческими», на деле таковыми не являются, ни в историческом, ни в современном их измерениях. Есть, разумеется, общность свойств человека, как биологического вида. Но историю и политологию интересуют явно не они. Предметом этих наук являются те «свойства человеческой природы», к которым применимо общее определение «культура человека». В которых, соответственно, обнаруживают себя те инструменты и механизмы, посредством которых разные этносы и нации обустроивали в прошлом и организуют сегодня и свой внутренний быт, и внеприродную среду своего существования – цивилизацию. Эти инструменты и механизмы, это хорошо известно современной науке, исторически менялись и под воздействием сил природы фактора, и вследствие способности разных человеческих индивидов и сообществ по-разному накапливать и сохранять опыт применения таких инструментов и механизмов. В том числе, менялись инструменты и механизмы обустройства политического быта людей. На индивидуальном и групповом уровнях, менялись представления о потребностях и возможностях их использования. Во-вторых, потому, что только таким образом, выявляя различия в конкретных комбинациях доминирующих свойств «человеческой природы» в мотивации конкретных протестов, он может показать общие и особенные характеристики этих протестов.

Исследователь социального протеста осуществляет как бы реконструкцию его исторического, либо современного генома, и результат этой работы непосредственно зависит от того, какие именно «гены» (интересы, ожидания, фобии, стереотипно-мифологические представления и т.д. участников протеста и его противников) он соединит в концепции протеста, являющегося предметом его внимания. Соединит так, чтобы, с одной стороны, ему самому и читателю его научного текста была видна связь данного социального протеста с иными историческими и современными формами проявления

протестной и анти-протестной активности людей. А, с другой стороны, очевидна была бы уникальность данного протеста.

Найти в конкретном социально-политическом протесте нечто своё, неповторимое – это, собственно, то, что оправдывает трудовые затраты исследователя. В общую схематичную картину логики и механики социально-политического протеста, какой её видит современная наука, он может добавить свои детали и краски и, тем самым, пополнить копилку исторического опыта своего социума. Опыта, который не столько страшит потомков от повторения ошибок предков, сколько позволяет им, потомкам, увидеть причину возникших политических проблем в себе самих. В своей собственной человеческой невнимательности, самонадеянности, завышенных ожиданиях, корысти, разного рода фобиях и т.д.

Суть задачи понятна. Вопрос в выборе рабочего инструмента, при помощи которого исследователь смог бы эту задачу решить. То есть, установить, что в изучаемом им социальном протесте роль доминирующим фактором являются именно эти, а не какие-то другие «свойства человеческой природы» из всего их широкого ряда, доказать, и что именно они определяют антропологию данной кризисной фазы политического процесса.

Инструментом может быть анализ социально-мифологического ресурса социума и его политических элит, который тем и другим служит источником мотиваций для участия в протесте, либо для противостояния ему. С одной стороны, имеет место широкий (особенно в современных социумах) спектр стереотипных и эмоциональных (напряженность политической ситуации к этому обязывает) суждений протестующих о политике и своём участии в ней, о невозможности далее жить и действовать по-старому. Это суждения о неизбежности и естественности протеста для восстановления «человеческого» порядка в политике и во всем, что от неё зависит в повседневной жизни людей и судьбе последующих поколений. С другой стороны – как правило, не менее стереотипные и эмоциональные декларации их оппонентов. Главным образом, в защиту таких ценностей как «порядок», «традиция», «законность», «солидарность», «вера», угрозу которым, по их мнению, несет любой протест против существующего положения дел.

Предложение обязывает привести аргументы в защиту способности социальной мифологии быть инструментом решения такой научной задачи. Слово в защиту мифа необходимо по той причине, что за минувшие два столетия ученые сами приложили немало

усилий, чтобы и самим запутаться в представлениях о смысле и функциях социальной мифологии, и запутать её создателей и носителей – своих сограждан. Политический быт современных обществ и их властных элит существенно отличается от того, что имело место в древности, когда появилось мифотворчество как культурная технология, предназначенная для работы человеческого сознания с информацией, особо важной для самочувствия людей и их коммуникаций. Тем не менее, социально-политическая мифология поныне продолжает играть важную роль в организации этого быта. Этот факт сегодня признаёт большинство историков и политологов, как отечественных, так и зарубежных⁴. Историческая и современная социально-политическая мифология ими активно изучается. Но, преимущественно с позиции её критики и задачи «развенчания мифа».

Над сознанием исследователей социально-политической мифологии вот уже более двух столетий довлеет представление о мифе, как воплощенной лжи. А также о способности сознания человека политического создавать эту ложь, ею оперировать во вред политике и рациональности здорового человеческого рассудка. Миф, в этом смысле, продукт доминирования «темной стороны рассудка» над «рациональным мышлением», бороться к которому, это священная обязанность ученых и, вообще, всех адекватных людей.

Для общих философских рассуждений о политике такой подход приемлем и даже привлекателен. На пагубное влияние мифа на политику и человеческое сознание его ученым критикам удобно списывать многое из того в жизни и взаимодействии современных обществ и государств, чему по тем или иным причинам им сложно, либо не выгодно (по идеологическим и научно-методологическим мотивам) дать логичное научное объяснение. Для конкретно же исторических и политологических исследований социальной и государственной жизни этот подход не продуктивен. По той, в частности причине, что он основан на противопоставлении иррационального социального мифа, как воплощенного человеческого заблуждения, научному факту, как воплощенной научной истине.

Но, факт не «истинен». Знать, как и что в политике в прошлом и настоящем есть «на самом деле», ни историку, ни политологу, не дано. Тот и другой всегда видят и трактуют реальные события только с одной стороны, со своей исследовательской позиции. С той,

---

⁴ См., например: Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование. М., 2004; Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008.

которую определяют доступные и необходимые им для решения исследовательских задач источники информации о событиях прошлого и настоящего, о социальных протестах, в частности. Тем самым, как бы тот или иной максимально добросовестный в пользовании источниками специалист не претендовал на обладание «истинным» знанием о предмете своего изыскания, он, именно в силу своей добросовестности, всегда в предметном поле своего исследования оставляет пространство для появления других «истин», подкрепленных показаниями других источников. Научный факт, в этом смысле, представляет лишь одну из многих разумных трактовок политической реальности, в правильности которой ученый убежден и готов эту убежденность передать потребителю своей научной продукции. Создатель и пользователь социального мифа не менее ученого убеждены, что обладают единственно правильным взглядом на окружающую их политическую реальность, «разумность» и «истинность» которого находит оправдание в их личном и обще социальном опыте участия в политической жизни.

Миф, если принять во внимание сказанное, не есть отрицание факта. Он есть лишь иной способ установления факта иными, чем у науки, средствами. А именно средствами отбора сознанием ценной информации и закреплении её в формате стереотипов, доступными большинству нормальных людей, включая и самих ученых. Последним тоже свойственно и в быту, и в профессиональных коммуникациях уверенно оперировать суждениями о политике, не требующими, по их мнению, научной критики и поиска доказательств, поскольку их «истинность» якобы «всем известна». Из этого ряда, например, уверенность многих отечественных гуманитариев, что политика не может быть лучше того демократического формата, в котором она существует сегодня в наиболее экономически развитых странах Запада. От этого эталона отталкивается и множество политологических и исторических исследований, и преподавание многих дисциплин гуманитарного цикла в школах и вузах РФ. Вопрос о возможности взять в качестве эталона что-то другое, помимо либеральной демократии специалистами обсуждается, но преимущественно в теоретической плоскости⁵.

---

⁵ Галкина Е.В. Противоречия современных демократий: политологический аспект. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechiya-sovremennyh-demokratiy-politologicheskiiy-aspekt> (Дата обращения: 29.09.2022); Убилова И.Д., Шуленина Н.В. "Суверенная демократия" -

Посредством вынесения соответствующих суждений участники всего этого политического действия по обе стороны баррикад организуют устойчивую коммуникацию с партнерами и противниками. Они при помощи таких заявлений легитимируют собственные политические интересы и выбор способов их достижения, а также мобилизуют своих сторонников и дискредитируют несогласных. С их помощью они доказывают, что именно в их отношении к политике наиболее полно реализует себя их «человеческая натура», что их мысли и действия обладают той высшей степенью «человечности», которой не могут похвастаться их противники. В контексте конкретного социально-политического конфликта такого рода стереотипные и эмоциональные суждения приобретают целеполагающий смысл, который (в чем с авторами таких высказываний трудно поспорить) должен прийти до любого «нормального человека» с умом и совестью.

Такого рода стереотипные и политически значимые суждения, так или иначе, фиксируются в исторических и современных источниках политической информации, доступных исследователям социально-политических протестов. За словами, формулами, непротиворечивыми и противоречивыми связями между ними, стоит стремление участников конфликта сделать главным ресурсом своего участия в нем именно те конкретные свойства своего «Я» (своих интеллекта и характера, своих интересов и мировоззрения), которые, как им кажется, максимально убедительно доказывают их право выступать не только от своего имени, но и от имени всего рода человеческого, и даже будущих его поколений. Всё это исследователь источника, историк, либо политолог вполне способен обнаружить посредством методик анализа разного рода текстов (в широком, культурологическом значении этого слова), разработанных и апробированных современным источниковедением.

Миф свойственен сознанию современного ученого не меньше, чем сознанию тех индивидов и социумов, чей опыт участия в политике он обобщает и интерпретирует. И это вовсе не плохо. Историк и политолог, обладая способностью видеть мир политики в мифологическом свете, способны посмотреть на предмет своего исследования, на проблемы развития и угасания политического протеста, в частности, глазами самих очевидцев и участников событий. А значит

создать картину политических событий далеко не «истинную», но обладающую той степенью достоверности, которая необходима для научного понимания характеристик того или иного протеста и для формирования в массовом сознании устойчивого позитивного, либо негативного отношения к нему.

Общая для участников политики и её исследователей способность размышлять о политике и судить о ней на основании мифологических представления о «человечном» и «анти-человечном» в ней, обеспечивает востребованность социальными практиками и понятность для участников таких практик исторического и политологического научного знания. Та же способность помогает исследователю «по-человечески» понять и объяснить читателю своего научного труда интересы, способы действия, удачи и просчёты сторонников протеста и борцов с ним, зафиксированные в различных источниках информации, и, таким образом, максимально последовательно и полно реализовать свой социально-антропологический подход к интерпретации логики и механики протеста.

Такое человеческое взаимопонимание на почве способности мыслить мифами, когда в процессе исследовательской работы оно достигается между участниками протеста, оставившими соответствующие нарративы, и ученым, является для последнего весомым, можно даже сказать решающим мотивом для назначения на роль главных факторов протеста одних свойств «человеческой природы», а также для отказа в этой роли другим свойствам. Миф позволяет определить, какие из свойств действительно стали факторами участия людей в конкретном протесте, а какие исследователи, вероятно, лишь приписали им на том основании, что сочли их «общечеловеческими».

К сказанному следует добавить, что способность человека творить миф, распространять его и верить ему, сама по себе представляет собой одну из базовых характеристик «человеческой природы». Она может быть не только инструментом построения теоретического ракурса исследования, но также и его самостоятельным предметом. Особенно в тех случаях, когда историк и политолог в своих поисках истоков представлений участников конкретного протеста о «человечном» и «не человеческом» в политике, так или иначе, выходят на проблематику формирования и функционирования исторической памяти социумов и отдельных людей, а также проблематику политической памяти, как её форпоста. Историческая и политическая память представляют собой специфическую по форме в разных

обществах, но единую по смыслу технологию отбора массовым и индивидуальным сознанием людей той информации о прошлом и настоящем, которая обладает мотивационным потенциалом, ценна для решения политических и не политических задач, а потому подлежит стереотипизации (мифологизации).

Такой ракурс исследования социального протеста ценен тем, что позволяет специалисту, работающему с конкретными источниками информации, не просто констатировать факт приверженности сторонников протеста и их противников тем или иным «естественным» для них началам политического общежития людей. У него есть возможность объяснить (или, по крайней мере, высказать предположение), откуда, из каких прежних состояний политического процесса, из каких конфликтов, свойственных ему такая приверженность происходит, каковы её социально-мифологические корни.

Есть и другая возможность, которую перед исследователем социального протеста открывает использование им своих знаний о социальной мифологии в качестве инструмента, позволяющего выявить свойства «человеческой природы», ставшие двигателем данного протеста, и ранжировать эти свойства по значимости. Приверженность участников протеста мифологическим представлениям о политике и своём месте в ней позволяет изучать эту конфликтную ситуацию в её внутренней динамике. Миф исторически неизменен как способ форматирования информации, приведения её в удобное для практического использования состояние. Он, тем не менее, очень изменчив в плане содержания информации, заключенной в нём. Изменчивость может заявлять о себе самым радикальным образом, когда миф «переворачивается», когда то, что для его приверженцев в нём выглядело, например, «белым», начинает выглядеть для них «черным», и наоборот. А может иметь и более сложную, но не менее доступную для изучения конфигурацию.

Историкам и политологам хорошо известно, что во многих массовых протестных движениях в нашей стране и других странах наблюдалась более или менее явная эволюция в представлениях их участников о том, например, насколько «человечно» насилие вообще, и какое именно насилие, в какой ситуации может быть оправдано соображениями общего блага. Например, А.З. Манфред в своей работе «Три портрета эпохи Великой французской революции» обращает внимание читателя на важность анализа сути и мотивов такого сдвига в интерпретации ценности насилия в сознании французских революционеров для понимания логики развития

революционного процесса во Франции. А именно того, как попытка реализации революционерами своего проекта социального протеста (изначально одного из самых «человечных», самых соответствующих «естественному состоянию» цивилизованных людей и предусматривавшего использование насилия исключительно в интеллектуальной форме, в форме просвещения «темных» народных масс) обернулась кровавой революционной диктатурой якобинцев. Автор пишет: «... Руссо, которому и в самом деле была присуща повышенная чувствительность и в творчестве и в повседневной жизни, о чем он сам поведал на страницах «Исповеди», – Руссо в то же время в странном противоречии с этой смягченной и смягчающей, нередко омытой слезами чувствительностью был писателем и мыслителем, вдохновлявшим суровых людей 93-го года на беспримерные подвиги, неукротимую энергию действия. Общеизвестный глава и самый авторитетный представитель сентиментализма в литературе стал идейным и духовным вождем революционной диктатуры якобинцев, железной рукой, ввергавшей в небытие всех, кто пытался встать на ее пути. Некоторые авторы были склонны даже драматизировать ситуацию. Так, Альбер Менье пытался, по контрасту, сопоставить образ Жан-Жака, невинно срывающего в саду цветы, с палачом Сансоном, отрубавшим головы жертвам гильотины. Само это сопоставление насильственно и тенденциозно. Но противоречие действительно очевидно. Как его объяснить?»⁶.

Автор, естественно, далее находит собственное объяснение этому парадоксу в антропологии Великой революции, благодаря которой она стала и громадным соблазном, и жестоким уроком для многих поколений революционеров и контрреволюционеров по всему миру. Особенно тех, которые стремились путем разных экспериментов с государством и обществом восстановить в современной им политике утраченный, как им казалось, «человеческий» порядок. И тех, с другой стороны, кто готов был любой ценой таких экспериментов не допустить.

В XIX столетии эволюция в представлениях о том, насколько и какое именно насилие в наибольшей степени соответствует задаче вселенского торжества свободы, равенства, справедливости, труда и прочих основ бытия человека, заложенных в него самой Природой, происходила и в головах русских народников. Они, как их французские предшественники, в понимании «человечности» разных форм насилия

---

⁶ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=19052&p=2> (Дата обращения: 10.10.2022.)

совершили переход от признания необходимым и допустимым принудительного политического просвещения «темного народа» молодыми борцами за его счастье к индивидуальному террору. С наибольшей полнотой смысл этого перехода зафиксировала как раз мифология русского революционного движения, сложившаяся на протяжении XIX столетия. В частности, в сжатом виде, эта мифология оправдания перехода от понимания русскими революционерами той поры насилия, как просвещения «темных масс» молодыми, протестно настроенными интеллектуалами, к пониманию насилия, как тотального крестьянского бунта, изложена в «Прибавлении А» к известной книге М.А. Бакунина «Государственность и анархия»⁷. К этой мифологии обращается и Б. Савинков в своей известной книге, когда пытается объяснить читателю, как он и его товарищи пришли к мысли о «человечности» индивидуального революционного террора⁸.

Такого рода источники по мифологии русской революции способны помочь современному исследователю протестных движений также вникнуть в причины и суть тех раздоров, к которым часто участников протестных движений приводила и приводит их совместная борьба за восстановление «человеческого порядка» в политике, возвращение в неё ценности «человеческого достоинства». Противниками, прежде сплоченных борцов за светлое будущее человечества, часто делает разное толкование ими как отдельных свойств «человеческой природы» (стремления к власти, желание переложить ответственность за принятие решений на лидера, ожидание справедливости и т.д.), так и комбинации их, которая необходима для доведения протеста до желаемых результатов. Например, И.В. Сталина и его бывших соратников в руководстве большевистской партии непримиримыми врагами сделала не сама по себе «воля к власти», как одно из базовых свойств если не человеческой природы вообще, то природы политического активиста точно. Стремления к господству в достатке было у всех руководителей Русской революции. Противниками их сделали разные представления о том, каким именно набором человеческих качеств должен обладать лидер первого в мире Государства Трудящихся, чтобы при известных обстоятельствах он мог бы легитимно перенять у «вождя мирового пролетариата» В.И. Ульянова-Ленина статус «самого человеческого

---

⁷ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Прибавление А. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://document.wikireading.ru/hr10Cewhax> (Дата обращения: 05.09.2022).

⁸ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=24272&p=1> (Дата обращения: 10.10.2022).

человека». В головах русских революционеров в течении долго времени сосуществовали разные представления о том, каким набором деловых и моральных человеческих качеств должен обладать политический лидер, чтобы сосредоточение власти в его руках содействовало бы превращению политики в инструмент обеспечения духовного и физического совершенствования человека, повышения уровня комфортности его гражданской жизни, а не запуская бы процесс «расчеловечивания» политики.

Насколько можно судить по высказываниям В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина на разных этапах их борьбы за власть, отдельные свойства «человеческой природы», важные, с их точки зрения, для лидера протестного общественного движения (а опыт социалистического строительства в нашей стране тоже можно рассматривать как своего рода массовый протест против доминирования в мире либерально-буржуазных принципов и норм демократического общежития и государственного управления), такие как «ответственность», «преданность», «лояльность», «скромность», «настойчивость», «честность», «прагматичность», «хитрость», «решительность», «предусмотрительность», тоже трактовались этими коммунистическими деятелями по-разному⁹

Невнимание исследователя социального протеста к этой связи между историческим и современным варьированием «свойств человеческой природы» и характером человеческих протестных мыслей и действий способно обесценить конечный результат его творческих усилий. Достоверность его выводов может быть легко оспорена коллегами. Они просто укажут ему на то обстоятельство, что в формуле социального протеста, выведенной им, многие величины, представленные им в качестве постоянных величин, на деле являются величинами переменными. И проведут, например, аналогию с ошибкой, допущенной в минувшие столетия теоретиками русского консерватизма. Яркие плоды русской консервативной мысли во многом обесценила нацеленность её творцов на поиск неких универсальных, «всечеловеческих» свойств «природы русского человека», иначе говоря – «русской души». В зависимости от

---

⁹ Революционная этика большевиков. Колебания и изменения. Из книги: Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010; Лаврова Е.М. Проблема этики революционера в политической борьбе 1917 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etiki-revoljucionera-v-politicheskoy-borbe-1917-g/viewer> (Дата обращения: 05.09.2022); Статья Троцкого о Сталине в Saturday Evening Post – [Электронный ресурс]. – URL: <https://stihi.ru/2017/11/05/10007> (Дата обращения: 05.09.2022).

неё были поставлены оригинальные интерпретации причин и следствий революционных и, вообще, политических и культурных процессов в стране.

Консервативная антропологическая картина русского революционного процесса, в результате, оказалась весьма далека от реальности. Как, впрочем, и картина, нарисованная либералами и социалистами, которые с равной уверенностью строили свои политические оценки настоящего и прогнозы будущего России на представлениях об универсальной и неизменной в своей сущности «пролетарской сознательности» русского человека, либо такой же его приверженности «свободе».

Та же история повторилась в начале 1990-х гг., в период радикальных российских либеральных реформ. Их тяжелые для государства и общества результаты были, в сущности, predetermined искренней убежденностью «команды Гайдара» и его иностранных советников в том, что человек он, что в России, что в Америке, человек. Его «натуру», по этой причине, везде и всюду определяет стремление к свободе и обладанию собственностью, к богатству, комфорту и доминированию над себе подобными любыми средствами. В этой связи протестные настроения советских граждан трактовались радикальными реформаторами как свидетельство их окончательной и бесповоротной готовности идти до конца в разрушении своего государства, в отказе от культурного наследия предков и базовых социальных традиций ради участия в глобальном демократическом транзите и вхождения в сообщество «цивилизованных народов». Реальный ход событий в очередной раз показал ошибочность таких трактовок, игнорирующих динамику представлений людей о «человеческом начале» политики.

Таким образом, использование социальной мифологии в качестве инструмента доработки антропологического подхода применительно к задаче изучения общих и особенных характеристик конкретного социального протеста, открывает перед исследователем достаточно широкий спектр продуктивных творческих стратегий. Возможно, для относительно небольшого научного труда, в котором внимание автора сосредоточено на деталях источниковедческого анализа, либо биографиях участников протеста, такой широкий спектр стратегий и не нужен. Доработка социально-антропологического теоретического подхода в том направлении, которое предложено в данной публикации, приобретает позитивный смысл в случае разработки и реализации комплексных междисциплинарных научных проектов, нацеленных на изучение протестного потенциала и опыта протестной активности тех

обществ, которые сегодня лидируют в политических процессах мирового и регионального масштаба.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК [94+323.272](44) | 1792/1815 | :811.111.09+929Вордсворт

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» 1792 – 1815 гг. В ОЦЕНКАХ УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

А.А. Вихорев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: artemvikhorev2003@gmail.com

Аннотация. *Одними из ключевых событий нового времени, безусловно, являются Французская революция конца XVIII века и «тотальная война» 1792-1815 гг., определившие дальнейший облик Европы и оказавшие значительное влияние на умы современников, среди которых оказались и представители такого идейного и художественного направления в культуре, как романтизм. В данной статье рассматривается влияние революционных событий во Франции и войн в Европе на политические взгляды Уильяма Вордсворта. Анализируются основные этапы формирования образа Французской революции, выявляются поворотные моменты в восприятии им значимых событий эпохи революционных и наполеоновских войн. Установлено, что процесс формирования образа войны прошел три последовательных этапа. Сначала Вордсворт выступает в роли стороннего наблюдателя революционных событий во Франции, но уже в период с 1791 по 1798 гг. становится активным сторонником Революции, желая социально-политических изменений и в Англии. Однако после того, как Франция нарушила суверенитет «свободолюбивой» Швейцарии, в сознании поэта окончательно произошел «интеллектуальный переворот», после которого Вордсворт становится консерватором и патриотом своей страны, что определило политический характер его творчества в последующие годы.*

Ключевые слова: Уильям Вордсворт, «Озерная школа», английский романтизм, Французская революция, «тотальная война» 1792–1815 гг.

THE FRENCH REVOLUTION AND THE «TOTAL WAR» OF 1792-1815 IN THE ASSESSMENT OF WILLIAM WORDSWORTH

A.A. Vihorev

(Saratov, Russia)
e-mail: artemvikhorev2003@gmail.com

---

¹ Вихорев Артем Алексеевич, студент бакалавриата направления подготовки «История» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

One of the key events of the new time, of course, are the French Revolution of the late XVIII century and the "total war" of 1792-1815. These events determined the future shape of Europe and had a significant impact on the minds of contemporaries, among whom were representatives of such an ideological and artistic direction in culture as romanticism. This article discusses the impact of the Revolution in France and the wars in Europe on the political views of famous English poet and publicist William Wordsworth, as well as his assessment of these events. The main stages of the formation of the image of the French Revolution in the poet's work are analyzed, turning points are revealed in his perception of significant events of the age of the revolutionary and Napoleonic wars. It was found that the process of forming the image of war went through three successive stages. At first, Wordsworth acts as an outside observer of the Revolution in France, but already in the period from 1791 to 1798 he becomes an active supporter of the Revolution, wanting radical changes in England as well. However, after France invaded Switzerland, an "intellectual revolution" finally occurred in the mind of the poet, after which Wordsworth became a conservative and patriot of his country, which determined the political nature of his work in subsequent years.

Keywords: William Wordsworth, Lake Poets, English Romanticism, French Revolution, Total War 1792-1815.

В конце XVIII в. во Франции произошла Революция, изменившая облик не только данного государства, но и всей Европы. Одним из важнейших ее следствий стали войны общеевропейского масштаба. В сложившийся историографический традиции революционные и наполеоновские войны рассматриваются неразрывно². Учитывая их масштаб, исследователи говорят о «тотальной войне»³. Так, Ж.И. Гийемар заявил, что межгосударственные конфликты эпохи Революции и Империи «в отношении того, что касалось систематической мобилизации людей и ресурсов и апелляции к националистическим идеям, предварили конфликты периода тоталитаризма»⁴. О «тотальном» характере войн той эпохи или о Большой европейской войне, как иногда ее называют, можно говорить и применительно к оценке ее воздействия на самые разнообразные стороны жизни не только французов, но и, шире, западноевропейцев.

---

² См., например: Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021. О монографии см.: Гладышев А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 151-168.

³ Броэрс М. Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 213-226.

⁴ Guiomar J.Y. L'invention de la guerre totale. P., 2004. Цит. по: Петито Н. Французская историография наполеоновских войн // Французский ежегодник. 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 311.

О влиянии революционных событий во Франции на современников в разных частях света существует весьма обширная историография, в рамках которой, пожалуй, самым представительным является сектор «Британия, британцы и Революция во Франции». При этом отдельное внимание исследователи уделяют романтизму – одному из направлений в английской литературе, которое следует рассматривать и как особый тип мировоззрения, характерный для людей той эпохи. Одним из представителей указанного идейного и художественного направления рассматриваемого периода был Уильям Вордсворт (1770–1850) – известный английский поэт и публицист, чьи сочинения были известны современникам и высоко ими оценены. В частности, великий русский поэт А.С. Пушкин называл его одним из творцов, прославивших жанр сонета, и даже посвятил ему одно из своих стихотворных произведений⁵, а коллега Вордсворта по «Озерной школе»⁶ Кольридж называл его «лучшим поэтом своего времени», рядом с которым он себя чувствует «маленьким человечком»⁷.

В западноевропейской историографии существует целый ряд работ, посвященных восприятию английскими поэтами эпохи романтизма Революции и наполеоновских войн, а также влиянию этих событий на их творчество. Среди них можно назвать монографию британского историка Симона Бейнбриджа «Наполеон и английский романтизм»⁸, посвященную образу Наполеона Бонапарта и войн, проходивших в период его правления, в творчестве английских писателей первой четверти XIX в., а также работу Филипа Энтони Брауна «Французская революция в истории Англии»⁹, в которой повествуется о воздействии различных аспектов этого сложного события на внутреннюю жизнь Англии, в том числе и на ее поэзию. В отечественной историографии влияние событий эпохи Революции и Первой империи во

---

⁵ Рябова А.А. Жаткин Д.Н. А.С. Пушкин и поэзия «Озерной школы» // Интеграция образования. 2008. № 3. С. 116.

⁶ Кобелева Е.В. «Озерная школа»: дискуссия о времени возникновения понятия // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 2. С. 168.

⁷ Горбунов А.Н. О природе, человеке и обществе. Вордсворт в период творческого расцвета, 1797-1807 // Вордсворт У. Прелюдия, или Становление сознания поэта / Изд. подг. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т.Ю. Стамова. М., 2017. С. 279–303.

⁸ Bainbridge S. British Poetry and the Revolutionary and Napoleonic Wars. Oxford, 2003.

⁹ Brown P.A. The French Revolution in English History. L., 1965.

Франции на культуру соседней страны также активно изучалось и продолжает изучаться¹⁰.

При этом стоит отметить, что, во-первых, основное внимание в исследованиях уделялось, как правило, влиянию конкретно Революции на английскую общественную мысль. Об империи или восприятии наполеоновских войн в сознании британцев речь заходила гораздо реже. Лишь в последние годы эта лакуна стала закрываться стараниями различных исследователей, а в первую очередь Алана Форреста. Во-вторых, долгое время романтики «Озерной школы» оставались вне рамок интеллектуальной истории, так как историки общественной мысли не уделяли им должного внимания. Но если Кольридж и Саути все же удостоились, в конце концов, внимания в этом отношении¹¹, то в современной российской науке изучением Вордсворта по большей части по-прежнему занимаются филологи, которые акцентируют внимание на его литературных приемах и связях¹².

Между тем, являясь современником эпохи революционных событий во Франции и наполеоновских войн, Вордсворт был довольно активным публицистом, размышлявшим о наилучших формах взаимодействия государства, общества, личности. Сам поэт несколько раз

---

¹⁰ См., например: Рукшина К.С. Эволюция английского просветительского романа в период Великой французской революции // Великая французская революция и проблемы мировой литературы. М., 1991; Петина А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция // Европейское просвещение и французская революция XVIII в. М., 1988; Барг М.А. Образ Великой французской революции в современной ей английской радикальной публицистике (Защита революции историком Кэтрин Маколей) // От Просвещения к революции: из истории общественной мысли нового времени. М., 1990; Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996 и мн. др.

¹¹ См., например: Королев А.В. Кольридж и Французская революция // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. М., 2008. С. 147–155; Мишин И.В. Роберт Саути и наполеоновская Франция // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Мирзеханова. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 62–70. Королев А.В., Мишин И.С. Восприятие Французской революции английскими поэтами-романтиками Кольриджем и Саути // Образ войн и революций в исторической памяти. Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 23–24 апреля 2009 г. Пятигорск-Ставрополь, 2009. С. 188–191; Языкова Е.А. Революции и Наполеоновские войны в оценке Роберта Саути // Вестник Марийского государственного университета. 2021. № 4 (28). С. 382–391.

¹² Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. М., 1978; Горбунов А.Н. Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт. М., 2012.

посещал Францию в беспокойные годы, но никогда лично не участвовал в боевых действиях. При этом он внимательно следил за происходящими в мире событиями через газеты и свидетельства своих знакомых, побывавших в регионах, на территории которых происходили указанные события. Вордсворт, выполняя роль своеобразного «диванного стратега», активно анализировал природу «тотальной войны», ее причины и указывал на предприятия, которые было необходимо провести в жизнь во избежание подобных разрушительных военных конфликтов в дальнейшем.

Изучение взглядов Вордсворта на Революцию и современные ему войны поможет нам лучше понять основы его мировоззрения, краеугольные камни его философии истории и политики, а также поможет нам лучше разобраться в процессах выкристаллизовывания либеральной и консервативной доктрин, борющихся за влияние на умы современников поэта.

Важнейшими источниками для разработки данной темы служат личные письма Вордсворта, а также его публицистические и многочисленные художественные произведения. Среди них отдельно можно отметить его автобиографическую поэму «Прелюдия, или становление сознания поэта»¹³, состоящую из четырнадцати книг. Работу над ней Вордсворт начал еще в конце XVIII в., а продолжил в 1804 г., превратив свою духовную автобиографию в довольно крупное произведение, которое он окончательно отредактировал незадолго до своей смерти в 1850 г.¹⁴. Сразу после издания поэма не вызвала ожидаемого ажиотажа¹⁵. В ней автор попытался разобраться в становлении собственного сознания и выделил наиболее важные события своей жизни, которые оказали наибольшее влияние на формирование его образа мыслей, назвав их «пятнами времени»¹⁶. Реакция Вордсворта на Французскую революцию и начавшиеся войны и постепенное изменение отношения к этим событиям наиболее полно представлены в шестой, девятой и десятой книгах «Прелюдии». Еще один важный источник - памфлет 1809 г., посвященный конвенции в Синтре, подписанной во время Пиренейской войны за год до написания трактата Вордсворта. В нем автор возмущается тем, что английское военное руководство не смогло

---

¹³ Вордсворт У. Прелюдия, или Становление сознания поэта / Изд. подг. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т.Ю. Стамова. М., 2017.

¹⁴ Хаттон П.П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 151.

¹⁵ Алябьева Л.А. Литературная профессия в Англии в XVI-XIX веках. М., 2004. С. 346-347.

¹⁶ Хаттон П.П. Указ. соч. С. 152.

воспользоваться военными успехами англичан и португальцев, позволив французской армии беспрепятственно покинуть регион. За мысли, выраженные в данной работе, один из английских исследователей назвал Вордсворта одним из первых английских националистов¹⁷. Отношение поэта-романтика к этому же событию выражено и в его письме Роберту Саути, относящемся к 1809 или 1810 г.¹⁸ Кроме того, нами был использован ряд его поэтических произведений разных лет, посвященных событиям конца XVIII – начала XIX вв. в Европе.

Первое знакомство Вордсворта с революционной Францией состоялось в 1790 г. во время летних каникул в Сент-Джонс-колледже Кембриджского университета, где учился будущий поэт. Тогда Вордсворт, вместе со своим одногруппником Робертом Джонсом, отправился в путешествие на территорию швейцарских Альп через Францию¹⁹. Наиболее полно этот эпизод из своей жизни писатель отразил в шестом томе своей духовной автобиографии, а также в стихотворном произведении «Описательные зарисовки, сделанные во время пешего путешествия в Альпах»²⁰, в которых хорошо отражены взгляды раннего Вордсворта на события, происходившие в то время во Франции.

Первым делом оба путешественника прибыли во французский портовый город Кале, расположенный в северной части страны. Произошло это в канун годовщины со дня взятия Бастилии. Вордсворт указывает, что даже в обыкновенном провинциальном городке Франции господствует атмосфера всеобщей радости по случаю знаменательного события²¹. Он отмечает, что эти восторги проявлялись на всем протяжении их пути через Францию. В своих «Описательных зарисовках», опубликованных в 1792 г.²², Вордсворт пишет о величии духа свободы во Франции, однако ровно через 10 лет в Кале он напишет стихотворное произведение, в котором будет вспоминать свое пребывание во Франции в 1790 г. и говорить о «бесполезности всех увиденных им торжеств»²³. Важно выделить еще одну деталь путешествия Вордсворта и Джонса – повсюду французы с радостью встречали англичан: «Так, как

---

¹⁷ Dacey A.V. Introduction // Convention of Cintra. L., 1915.

¹⁸ William Wordsworth to Robert Southey // Wordsworth W. Memoirs. L., 1852. P. 511-513.

¹⁹ Williams J. William Wordsworth: A literary life. L., 1996. P. 32-33.

²⁰ Wordsworth W. Poems. Vol. I. L., 1815. P. 70-84.

²¹ Вордсворт У. Указ. соч. С. 116.

²² Wordsworth W. Poems. Vol. I. P. 70-84.

²³ Wordsworth W. Poems. Vol. II. L., 1815. P. 200.

нас, и ангелов, являвшихся пророкам, наверно, не встречали»²⁴. Причину этого называет сам Вордсворт в следующих строках: «Франция в те дни как раз благоволила к англичанам, первопроходцев почитая в них»²⁵. Дело в том, что многие французы сравнивали события, происходившие в их стране, со «Славной революцией», которая произошла в Англии еще в 1688 году²⁶. Некоторые жители Франции признавали в англичанах не только «первопроходцев», как выразился Вордсворт, но и «учителей», стремясь повторить их опыт. Именно это и является главной причиной такого дружелюбного отношения к Вордсворту и Джонсу. Таким образом, в шестой книге «Прелюдий» и «Описательных зарисовках» автор описывает атмосферу, которая стала господствовать во французском обществе в первый год Французской революции. Он выделяет основные ее черты – всеобщая радость и дружелюбие, вера в светлое будущее, а также стремление к обновлению не только государственной системы, но и самой сущности человека.

Уже в следующем 1791 г. Вордсворт снова посещает Францию²⁷. В духовной автобиографии он обосновывает свое возвращение в эту страну, стремлением выучить французский язык, которым он владел плохо. В Париже поэт снова почувствовал революционный дух, который царил кругом. Вордсворту казалось, что все вокруг говорят о скорых политических и социальных изменениях. Сам же поэт утверждает, что сначала не осознавал, какие масштабные события происходят вокруг него. Он выразил свое тогдашнее состояние в метафорической форме: «...я был цветком тепличным или комнатным, не знавшим, что каждый куст и дерево окрест трепещет до корней»²⁸. Постепенно на Вордсворта стали оказывать влияние французские радикалы. Во многом это способствовало его становлению сторонником социально-политических изменений: «Одно лишь не давало мне покоя – что лучшим править было не дано, а я желал, чтоб правили они»²⁹. Довольно подробно его мировоззрение того периода отобразено в сонете 1802 г. «Французская революция», в котором он фактически пишет о наивности своих тогдашних политических взглядов³⁰. Однако на момент своего пребывания во Франции в 1791 г. Вордсворт воспринимал

---

²⁴ Вордсворт У. Указ. соч. С. 117.

²⁵ Там же. С. 118.

²⁶ Emsley C. Britain and French Revolution. Abingdon, 2000. P. 9.

²⁷ Горбунов А.Н. Три великих поэта Англии. С. 171.

²⁸ Вордсворт У. Указ. соч. С. 180.

²⁹ Там же. С. 183.

³⁰ Wordsworth W. Poems. Vol. I. P. 69-71.

революцию как нечто естественное и необратимое. В сонете «Решимость и независимость» он пишет о том, что в те времена наивно полагал, что все необходимое для человека приходит само собой за «добрую веру»³¹. Поэт начал думать о возможности сиюминутных изменений тогда, когда «народ, взяв в руки власть, свои законы немедля установит»³². Таким образом, для Вордсворта в период его «революционного настроения» характерен новый образ революции. Она выходит за рамки простого, хоть и значимого, политического события, а начинает представлять для юношеского сознания Вордсворта чем-то большим, имеющим те же причины, что и природные явления.

После своего возвращения из Франции поэт все еще был верен своим радикальным идеям, но уже тогда его начинают посещать мысли о безумстве, происходивших событий. Молодой Вордсворт (в то время ему было 22 года) страдает, так как жаждет помочь обрести французам настоящую «свободу», но не имеет возможности это сделать. Вордсворт того времени – максималист. Он верит, что после революционных событий во Франции изменится вся Европа, а главное – его родная Англия: «гнилая ветвь на дереве больном людских страданий и грехов, засохнет, погибнув вместе с деревом самим»³³.

Либеральные идеи Вордсворта начала 90-х гг. XVIII столетия во многом определили и его отношение к начавшейся в феврале 1793 г. войне между Францией и Англией. Изначально его симпатии определенно были на стороне первой, а любовь к Родине, как позже признался поэт, «посторонилась скромно»³⁴. Более того, Вордсворт мечтал о «возмездии» Англии за то, что та посмела вступить в конфликт с Францией, которая на тот момент казалась поэту главным носителем и разносчиком свободолюбивых идей. Все в той же «Прелюдии» поэт, вспоминая о поражениях армии своей страны осенью 1793 г., пишет следующее: «Да, я ликовал потом (хоть странно это вспоминать) и праздновал в душе моей, когда войска английские, сокрушены, позорно в бегство кинулись»³⁵.

Однако, по мере ужесточения революционного режима во Франции и увеличения масштаба Революционных войн взгляды Вордсворта на внешнеполитические события начинают постепенно меняться. С этого времени в сознании поэта борются две системы ценностей:

---

³¹ Wordsworth W. Poems. Vol. I. P. 27–34.

³² Вордсворт У. Указ. соч. С. 193.

³³ Там же. С. 211.

³⁴ Вордсворт У. Указ. соч. С. 213.

³⁵ Там же. С. 212.

«Вордсворт-патриот», который боготворит Англию и «Вордсворт-революционер», все еще мечтавший об идеальном государстве. В его душе появляется страх, он задается вопросами, волнующими все европейское общество: «Чем все закончится? Что будет дальше? Какие человечество еще ждут испытания?»³⁶ Последним толчком к радикальному изменению политических взглядов поэта стало нарушение Францией территориальной целостности Швейцарии. В своем письме другу от 4 декабря 1821 г. Вордсворт пишет следующее: «Я не одобрял войну против Франции в самом ее начале, думая, что она, возможно, была ошибкой, что ее можно было избежать, но после того, как Бонапарт нарушил независимость Швейцарии, мое сердце отвернулось от него и от нации, которая стала орудием такого безобразия»³⁷.

Разочарование поэта в революционной Франции позднее перекинулось и на Францию периода правления Наполеона Бонапарта, что определило его отношение к войнам, которые велись в Европе начала XIX столетия. Сам правитель Франции в сознании Вордсворта представлял в виде «военного деспота, пытавшегося поработить мир, для которого собственная страна была предметом величайшей ненависти»³⁸. Он стал боготворить Англию, называя ее «яркой звездой»³⁹, и презирать французский народ. Так, например, в одном из своих стихотворных произведений, написанных в Кале в 1802 г., поэт, обращаясь к французам, пишет об их «немощности» и «склонности к рабству»⁴⁰. В первые годы XIX в. Вордсворт сочиняет ряд сонетов, посвященных внешнеполитическим событиям, связанным с действиями Наполеона Бонапарта. В частности, стихотворное произведение «Об исчезновении Венецианской республики»⁴¹, в котором Венеция представала в образе «Дитя Свободы», «яркого и свободного города, который не могла разрушить никакая сила». Наполеон, фактически ликвидировавший эту свободлюбивую итальянскую республику, автоматически получал образ «угнетателя» и «похитителя свободы». Любопытно, что Вордсворт интересовался событиями и за пределами Европы. Так, в 1802 г. им был написан сонет, посвященный одному из лидеров Гаитянской революции

---

³⁶ Вордсворт У. Указ. соч. С. 215.

³⁷ Wordsworth W. Memoirs. Boston, 1851. P. 23.

³⁸ Wordsworth W. Memoirs. P. 15.

³⁹ Wordsworth W. Poems. Vol. II. P. 199.

⁴⁰ Ibid. P. 200.

⁴¹ Wordsworth W. Poems. Boston, 1897. P. 309.

Туссену Лувертюру, в котором автор выражал сожаление по поводу его ареста⁴².

Одним из важнейших событий в ходе Наполеоновских войн стала Пиренейская война, начавшаяся в 1808 г. Английские интеллектуалы уделяли ей большое внимание, а особенно сильный общественный резонанс в Англии вызвала уже упоминавшаяся конвенция в Синтре. Своеобразной реакцией на этот документ стал памфлет Вордсворта, к которому прилагались «Письма об испанцах» Сэмюэля Тейлора Кольриджа⁴³. Вордсворт пытался проанализировать ход событий на Пиренейском полуострове, указать на ошибки военного командования английского экспедиционного корпуса, а также понять природу наполеоновских войн в целом. Говоря о реакции английского общества на подписание конвенции, Вордсворт пишет следующее: «Не будет преувеличением сказать, что известие об этом событии разнеслось не ветром над нашими головами, а подобно землетрясению, сотрясая почву под нами»⁴⁴. Несколько позже в своем письме к Роберту Саути поэт отметит, что «испытывает отвращение» к самому факту подписания подобного договора⁴⁵. Именно это чувство и сподвигло Вордсворта на написание памфлета. Особенно любопытной представляется попытка автора осмыслить причины успеха военных кампаний Наполеона Бонапарта. Основной причиной Вордсворт называет раздробленность Италии и Германии: «Если бы были разрушены барьеры, разделявшие одну нацию на неаполитанцев, тосканцев, венецианцев и др., а другую – на пруссаков, ганноверцев и т.д. Если бы их смогли научить чувствовать свою общую силу, то французы немедленно были бы оттеснены в свои земли»⁴⁶. Вордсворт предлагает и возможное решение проблемы военных конфликтов в Европе с помощью установления баланса сил в регионе, который поддерживался бы шестью государствами – Испанией, Францией, Италией, Германией, Россией и Англией. Более мелкие же страны, по мнению автора памфлета, должны исчезнуть, войдя в состав более крупных национальных государств⁴⁷. Вордсворт также твердо выступает против гегемонии одного государства: «Горе той стране, чья

---

⁴² Wordsworth W. Poems. P. 309-310.

⁴³ Valladares S. «For the sake of illustrating principles»: Wordsworth, the Convention of Cintra, and Satirical Prints // European Romantic Review. 2013. Vol. 24. P. 539.

⁴⁴ Wordsworth W. Convention of Cintra. L., 1915. P. 6.

⁴⁵ William Wordsworth to Robert Southey. P. 511-513.

⁴⁶ Wordsworth W. Convention of Cintra. P. 237.

⁴⁷ Ibid. P. 238.

военная мощь непреодолима! Я осуждаю подобный расклад для Великобритании едва ли меньше, чем для любой другой страны. Сципион предвидел бедствия, которые постигнут Рим, когда не будет Карфагена, с которым он мог бы бороться. Если нации нечего противопоставить и бояться вовне, она не сможет избежать разложения и потрясений внутри»⁴⁸. Возвращаясь к Пиренейской войне, стоит отметить, что Вордсворт написал несколько сонетов, посвященных этому крупному событию – «Здравствуй, Сарагоса!» (1809)⁴⁹, «Испанские партизаны» (1811)⁵⁰ и др. В них прослеживается уважительное отношение к испанскому народу, который «первым показал Европе как можно бороться с чудовищным гнетом французов»⁵¹.

Важно отметить, что в период Наполеоновских войн с 1812 по 1815 гг. наблюдается снижение интереса Вордсворта к внешнеполитическим событиям. В это время он в большей степени обращается к природе, истории и религиозным проблемам собственной страны. В 1814 г. поэт посещает Шотландию и оставляет ряд сонетов и заметок, посвященных этому путешествию⁵². Наибольший интерес для нас в указанный временной отрезок представляют стихотворные произведения Вордсворта, посвященные русской кампании Наполеона Бонапарта. На первое место среди причин, приведших французскую армию к разгрому на востоке, поэт ставит климатический фактор: «целые легионы (французов – *A.B.*) тонут в снегу и в одно мгновение находят погребение и смерть»⁵³. При этом Вордсворт указывает и на личные качества русских солдат. Так, в сонете, посвященном пребыванию французской армии в Москве, поэт пишет о самоотверженности москвичей и их отчаянной отваге, с помощью которых удалось смутить «гордое хвастовство Фараона»⁵⁴. События же после отступления французов из России представлены в творчестве Вордсворта еще беднее. Определенный интерес представляет письмо рассматриваемого поэта своему знакомому Джону Скотту от 22 февраля 1816 года, в котором Вордсворт категорически осуждает вывоз произведений искусства во Францию в период Революционных и наполеоновских войн, называя это «позорным грабежом» и,

---

⁴⁸ Wordsworth W. *Convention of Cintra*. P. 237.

⁴⁹ Wordsworth W. *Poetical Works*. L., 1889. P. 389.

⁵⁰ *Ibid.* P. 397.

⁵¹ William Wordsworth to Robert Southey. P. 511-513.

⁵² См., например: Wordsworth W. *Poetical Works*. P. 534-538.

⁵³ Wordsworth W. *Poems*. L., 1908. P. 66.

⁵⁴ *Ibid.* P. 67.

призывая вернуть все награбленное в те страны, откуда оно было вывезено⁵⁵.

Таким образом, Французская революция и межгосударственные конфликты, происходившие на территории Европы в конце XVIII – начале XIX веков, оказали большое влияние на творчество и политические взгляды Уильяма Вордсворта. Условно можно выделить три основных этапа формирования отношения поэта к указанным событиям. Первый связан с его пребыванием во Франции в 1790 г. На данном этапе Вордсворт смотрит на Революцию со стороны. Для второго этапа развития его политического сознания характерны прореволуционные взгляды. В этот период, охвативший временной отрезок с 1791 по 1798 гг., рассматриваемый «лейкист» еще восхваляет революционные идеи, мечтает о своеобразной меритократии, т.е. «власти лучших» и поддерживает в войне французов, призирая собственные власти. Однако, уже в это время в сознание поэта закрадываются сомнения в искренности лозунгов Революции и истинных целей французского правительства. Точку в биографии «либерального Вордсворта» поставило нарушение Францией независимости свободлюбивой Швейцарии. С 1798 г. поэт окончательно становится консерватором и защитником интересов своей страны. Он критикует антиправительственную английскую оппозицию, восхваляет противников Франции, а также пропагандирует негативный образ Наполеона Бонапарта. Поворот в сознании Вордсворта во второй половине 90-х гг. XVIII столетия окончательно определил политический характер его творчества.

---

⁵⁵ Wordsworth W. Letters. P. 69-72.

ГУВЕРНЕР МОРРИС И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Д.Ю. Остапкович¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: daryaostapcovich@gmail.com

Аннотация. Г. Моррис (31.01.1752 – 6.11.1816) был свидетелем двух величайших революций в истории – Американской и Французской. Обе они оказали глубокое влияние на его политическую философию. Но, если первая знаменовала пик его политической карьеры, то вторая освещала закат. С начала революции во Франции Моррис выглядит как сторонник монархии и друг аристократов. Он прямо писал о том, что король оставался единственной надеждой на поиск нового политического курса. Моррис не боялся критиковать политический курс, как правительства, иногда прямо говоря о бездарности политиков, так и революционеров, чьи безрассудные действия рушили всякие надежды на бескровный финал. Являясь до января 1792 г. частным лицом во Франции, Г. Моррис не стесняется давать советы действующим министрам и приближенным Людовика XVI о дальнейших действиях. Но события лета 1792 г. и казнь короля являли собой крах всех надежд Морриса. Он был потрясен методами, которые французы использовали для борьбы за «свободу», и знал, что истинные цели Французской революции таким путем никогда не будут достигнуты. Его пугали эксцессы революции, о которых он предостерегал. Моррис всегда поддерживал французское движение, но не его методы.

Ключевые слова: Г. Моррис, Французская революция, салоны Парижа, история дипломатии.

GOUVERNEUR MORRIS AND THE FRENCH REVOLUTION

D.Ju. Ostapkovich

(Saratov, Russia)
e-mail: daryaostapcovich@gmail.com

Annotation. G. Morris (January 31, 1752 - November 6, 1816) witnessed two of the greatest revolutions in history - the American and the French. Both had a profound influence on his political philosophy. But, if the first marked the peak of his political career, the second illuminated the sunset. Since the beginning of the revolution in France, Morris has appeared as a supporter of the monarchy and a friend of the aristocrats. He directly wrote that the king remained the only hope for finding a new political course. Morris was not afraid to criticize the political course of both the government, sometimes directly speaking about the mediocrity of politicians and revolutionaries, whose reckless actions destroyed any hopes for a bloodless

---

¹ Остапкович Дарья Юрьевна, студентка бакалавриата направления подготовки «История» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

ending. Being a private person in France until January 1792, G. Morris does not hesitate to give advice to current ministers and associates of Louis XVI on further actions. But the events of the summer of 1792 and the execution of the king represented the collapse of all hopes of Morris. He was appalled at the methods the French were using to fight for "freedom" and knew that the true aims of the French Revolution would never be achieved in this way. He was frightened by the excesses of the revolution, about which he warned. Morris always supported the French movement, but not its methods.

Keywords: Gouverneur Morris, French revolution, Salon, history of diplomacy

Гувернер Моррис (31 января 1752 – 6 ноября 1816) был свидетелем двух величайших революций в истории, и обе оказали глубокое влияние на его политическую философию. Американский период карьеры молодого человека можно охарактеризовать одной фразой: в 35 лет он стал одним из «отцов-основателей» США. Из Американской революции он вынес убеждение в необходимости существования сильной централизованной (национальной) власти, из Французской революции – необходимость исключить возможные злоупотребления властью во имя свободы.

Г. Моррис – фигура в американской истории, безусловно, знаковая, но вниманием исследователей не избалованная. Первое исследование его биографии появилось еще в 1832 г.² Дж. Спаркс писал о Моррисе многословно и пристрастно, какие-то его действия преувеличенно восхваляя, а какие-то компрометирующие детали, порочащие имя Морриса, пропуская.

Книга Дж. Спаркса была подвергнута резкой критики Теодором Рузвельтом, обвинившим автора в фантазировании и бессодержательности³. Работа Т. Рузвельта о Моррисе также не лишена определенной тенденциозности. Но публикации Дж. Спаркса и Т. Рузвельта не потеряли своей научной актуальности: собранная ими фактологическая база востребована последующими поколениями историков.

В американской историографии XX в., Моррис интересовал исследователей, прежде всего, как один из «отцов-основателей» США. Его пребывание в Европе не становилось темой отдельного

---

² Sparks J. The life of Gouverneur Morris, with selections from his correspondence and miscellaneous papers; detailing events in the American Revolution, the French Revolution, and in the political history of the United States. Boston, 1832.

³ Roosevelt T. Gouverneur Morris. Boston, N.Y., 1888. P. VII.

изучения, а вписывалось в концепцию «великого человека», облеченного обязанностью представлять США во Франции⁴.

Накопление информации подобного плана закономерно вызвало в начале XXI в., с одной стороны, желание популяризировать для широкого круга читателей биографию Г. Морриса, чем и занялся Уильям Ховард Адамс⁵. С другой – стремление более внимательно и детально рассмотреть «французский период» его жизни и деятельности. Анализом дневниковых записей этого времени занялась Мелани Рэндольф Миллер⁶. Вполне частному сюжету – подготовке Прокламации о нейтралитете США в 1793 г. – посвящена магистерская работа Эндрю Адлера⁷.

В советской историографии Моррис с его консервативными взглядами был едва ли не обречен на забвение. Но в начале XXI в. в русле вышеупомянутой последней историографической тенденции, благодаря в первую очередь усилиям М.А. Филимоновой, фигура этого политика была «открыта» для отечественных исследователей. С одной стороны, исследовательница в обобщающем очерке показала роль этого деятеля на фоне Американской и Французской революций⁸. С другой стороны, учитывая вклад Морриса в создание Американской Конституции, она подняла вопрос о его отношении к Французской Конституции 1791 г.⁹.

---

⁴ Например: Mintz M.M. *Gouverneur Morris and the American Revolution*. - Norman, 1970; Brookhiser R. *Gentleman Revolutionary: Gouverneur Morris, the Rake Who Wrote the Constitution*. N.Y., 2003.

⁵ Adams W.H. *Gouverneur Morris: An Independent Life*. New Haven, 2003.

⁶ Miller M.R. *Envoy to the Terror: Gouverneur Morris and the French Revolution*. Dulles, 2005.

⁷ Adler A.N. *Gouverneur Morris and the Foreign Service: Influence on Issuance of the Proclamation of Neutrality of 1793*. Electronic Theses and Dissertations. Paper 2075. 2007 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dc.etsu.edu/etd/2075> (Дата обращения – 12.12.2022).

⁸ Филимонова М.А. *Гувернер Моррис (1752 – 1816): Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 40–67.*

⁹ Филимонова М.А. *Конституция Франции 1791 г. и политикоправовые воззрения Гувернера Морриса // Компаративистика – 2010: сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, сравнительная политология. Пенза, 2011. С. 296–303. См. также: Трояновская М.О. «Отцы-основатели» и Великая французская революция // Проблема «Мы-другие» в контексте исторического и культурного опыта США: Материалы VII международной конференции Ассоциации изучения США. М., 2002. С. 228–240; Романенко Д.А. Инерция революции или только начало: Г. Моррис о Французской революции XVIII века. // «CHRONIS»: мультидисциплинарные науки. 2021. Т. 6 № 7(57).*

Главным источником для изучения «французского периода» жизни и деятельности Г. Морриса являются его дневниковые записи и письма тех лет. Они были собраны и опубликованы в 1888 г. внучкой государственного деятеля. Источник этот весьма важный: не случайно им охотно пользовались исследователи собственно Французской революции. В нем отражены не только личные оценки происходящих событий, сомнения Г. Морриса относительно пути развития Революции, но и повседневная жизнь парижских салонов, образы французских революционеров, перипетии дипломатических переговоров и интриг, характер самого американского наблюдателя, представления о «допустимом» в поведении и политике для подданного другого государства.

Гувернер Моррис родился в Вестчестере, недалеко от города Нью-Йорк. Моррисы представляли собой самое близкое к аристократии семейство, которое можно было найти в колониальной Америке¹⁰.

Политическая карьера Морриса началась в 1775 г., когда он был избран в Конгресс штата Нью-Йорк, где вошел в комитет, занимавшийся военными расходами¹¹. С одной стороны, родственные связи должны были отвести его от революции. Сводный брат Морриса был старшим офицером британской армии, его мать оставалась убежденной лоялисткой. С другой стороны, как и многие его современники, Моррис придерживался принципа, согласно которому, как он выразился, «в каждом обществе его члены имеют право на максимальную свободу при условии общей безопасности»¹². Он стал ведущим сторонником американской независимости.

Основной вклад Морриса в дело американских патриотов оказался не в военной, а в политической сфере. Что касается его политической философии, то, «хотя он и родился в мире богатства и аристократических ценностей, он стал отстаивать концепцию свободных граждан, объединенных в независимую нацию»¹³. В то время, как большинство участников войны за независимость от Англии все еще считало себя гражданами своих суверенных и отдельных государств, Моррис смог сформулировать четкое видение нового и могущественного

---

¹⁰ Петрова Н.В. Жизнь и политические взгляды Гувернера Морриса // *Filo Ariadne*. 2017. № 2. P. 3.

¹¹ Adler A.N. *Op. cit.* P. 24; Morris G. *The Diary and Letters of Gouverneur Morris* / ed. A.C. Morris. N.Y., 1888. P. 22 – 23.

¹² MacGregor M.J., Wright Jr.R.K. *Soldier-statesmen of the Constitution*. Washington, 1987. P. 112.

¹³ *Ibid.* P. 111.

союза. Он был, как позже выразился Теодор Рузвельт, «прежде всего американцем»¹⁴.

Наиболее известным фактом в его биографии считается соавторство в создании Конституции. На Конституционном конвенте в Филадельфии в 1787 г. он представлял Пенсильванию (всего от этого штата было 8 делегатов: Моррис был из них самым молодым)¹⁵. Фраза в преамбуле – «Мы, народ Соединенных Штатов, для того, чтобы сформировать более совершенный Союз» принадлежат руке Морриса. Эти слова ясно отражали его личную позицию: Гувернер был, пожалуй, как писали авторы одного исследования о нем, «самым откровенным националистом среди отцов-основателей»¹⁶.

Чтобы разобраться с некоторыми счетами финансиста-патриота Роберта Морриса (однофамильца)¹⁷, Гувернер Моррис отплыл во Францию 18 декабря 1788 г. Имея в виду эту простую миссию, американский политик никогда не думал, что станет свидетелем одной из самых масштабных и радикальных революций в Европе¹⁸.

Г. Моррис прибыл в Париж 3 февраля 1789 г., и первыми, кого он разыскал, были мистер Джефферсон, в то время американский посланник во Франции, и маркиз де Лафайет. Эти господа приглашали его обедать в последующие два дня. Тем временем он представил свои рекомендательные письма, подыскал жилье и готовился обосноваться в Париже на продолжительное время¹⁹.

С Лафайетом, разумеется, он был хорошо знаком в Америке. После их первого свидания в Париже Моррис пишет в своем дневнике: «Лафайет помешан на делах политики; его переполняют республиканские идеи, это слишком для гения своей страны»²⁰. Можно предположить, что с первого дня своего прибытия во Францию мистер Моррис выказывал очень мало сердечности по отношению к революционерам, хотя некоторые из его друзей и были среди лидеров этой партии. Наиболее близкие отношения у него сложились с теми, кто хотел ограничиться умеренным реформированием старой

---

¹⁴ Roosevelt T. Op. cit.

¹⁵ Филимонова М.А. Гувернер Моррис (1752–1816). С. 53.

¹⁶ MacGregor M.J., Wright Jr.R.K. Op. cit. P. 115.

¹⁷ Филимонова М.А. Роберт Моррис // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 17-33.

¹⁸ Adler A.N. Op. cit. P. 11.

¹⁹ Sparks J. The life of Gouverneur Morris. T. 1. P. 303.

²⁰ Ibid. P. 315 – 321.

системы, осуждая революционные проекты и принципы. Это будет проявляться, судя по дневнику, на каждом шагу.

Благодаря Лафайету, Моррису удастся познакомиться с некоторыми министрами, в числе которых и г-н Неккер, о котором, судя по его дневникам, у Гувернера осталось наибольшее количество впечатлений (вопрос финансов Моррис знал прекрасно). 26 января 1790 г. он пишет о Неккере: «Он гениальный человек, но у него нет таланта, вернее, таланта великого министра. Его банковское образование научило его заключать выгодные сделки и заставило остерегаться рискованных проектов. Г-н Неккер – очень плохой финансист. Я знаю, что это прозвучит как ересь в ушах большинства людей, но это правда. Предложенные им планы слабы и бездарны»²¹.

Наиболее яркой для Гувернера стала встреча с Ее Величеством, которой его представила мадам де Шастеллюкс²². 2 марта 1789 г. Моррис оставляет в дневнике такую запись: «Во время визита Ее Королевское Высочество имеет снисхождение поговорить с тем, кто всего лишь человек. Мой утренний визит научил меня ценить несколько слов, сказанных такой личностью нежным тоном»²³.

Вращаясь в парижских салонах (до восьми визитов в день!), он все-таки не может не реагировать на политические разговоры. Еще в марте 1789 г. ему кажется, что ситуация во Франции неминуемо должна измениться. На контрасте он много рассуждает об Америке: «Моя страна бесконечно предпочтительнее, ибо в ней есть тот равный раздел даров судьбы, которым вы наслаждаетесь! Там нет ни вассалов, ни лордов, но все люди»²⁴. Несмотря на подобные разглагольствования о достоинствах новой американской республики, Моррис вскоре стал считаться во Франции консерватором. Он быстро пришел к выводу, что французы не готовы к республиканскому правительству.

Говоря об идее созыва Генеральных штатов, Моррис изначально проявлял недовольство, отмечая рост ненависти и отвращения общества по отношению к министрам, и что Генеральные штаты станут оправданием избрания «своих же»²⁵. Уже в начале июня, когда шли

---

²¹ Morris G. Op. cit. P. 283.

²² Речь идет о придворной даме Анжелике Виктуар де Дюрфор-Сиврак, графине де Шастеллюкс, которая служила принцессе Виктории, дочери Людовика XV.

²³ Adler A.N. Op. cit. P. 31.

²⁴ Morris G. Op. cit. P. 162.

²⁵ Morris G. Op. cit. P. 57.

затяжные дискуссии о том, как голосовать – поименно или пословно – он пишет о «бессмысленной активности» Генеральных штатов и о том, что они «совершенно запутались в своих целях и требованиях»²⁶. Однако в то же время, с момента первого заседания Генеральных штатов и выступления на этом собрании короля, Моррис становится активным сторонником роялистов.

Моррис погружается в салонную жизнь Парижа и периодически оставляет в дневнике заметки о знакомствах с учеными и политиками. Он совершает поездки в Лондон и некоторые другие города Европы по коммерческим делам Роберта Морриса, и, одновременно с этим, пытается активно воздействовать на происходящие события во Франции. Если сначала Моррис пытается стать тайным советчиком Людовика, но уже ближе к 1791 г., он ограничивается советами видным политикам. Попытка Людовика XVI 20–21 июня 1791 г. покинуть Францию и последовавший политический кризис, стали, по его мнению, точкой невозврата²⁷. 21 декабря 1791 г. он обедает у госпожи Манморен в кампании исполняющего обязанности министра иностранных дел Клода Антуана Делессара. Моррис дает совет: снять с границы и ввести в Париж швейцарские части и кавалерию для поддержания порядка. Прощаясь же, Моррис заявил Деллесару, что король - «единственный кусок дерева, который останется на плаву при всеобщем кораблекрушении». Делессар в целом соглашается²⁸.

27 декабря он пишет Вашингтону о положении дел во Франции. Моррис жалуется на плохую работу почты: адресованные ему письма «носят явные следы патриотического любопытства». По его мнению, это доказательство страха и неуверенности революционеров: с каждым днем все очевиднее, что их новая Конституция никуда не годится. Он уверяет Вашингтона в бездарности революционеров: «Вы не представляете себе, мой дорогой сэр, насколько это слабо организованное общество. Их армии настолько недисциплинированы, что вы даже представить себе не можете. Уже многие дезертируют и переходят на сторону того, кто, как они ожидают, станет врагом. Их Национальная гвардия, собранная из добровольцев, во многих случаях представляет собой развращенное отребье разросшихся городов»²⁹.

---

²⁶ Ibid. P. 96-97.

²⁷ Morris G. Op. cit. P. 225-226.

²⁸ Ibid. P. 491.

²⁹ Morris G. Op. cit. P. 493.

Важно напомнить, что в декабре 1791 г. он все еще являлся во Франции частным лицом, не уполномоченным на какие-либо демарши. Но при этом он интригует, дает советы политического и военного характера, играет роль одного из посредников в переговорах короля и Антуана-Мари-Рене маркиза де Терьер де Монсьеля, назначенным посланником в Майнц.

Нельзя сказать, что Моррис всецело ратовал за восстановление Старого порядка. Он понимал, что это невозможно и Франции нужна конституция, которая станет гарантом как для свободы народа, так и для неприкосновенности короля. Каково же было отношение Морриса к Конституции 1791 года? Ответ на этот вопрос содержится в наброске речи, который был составлен им для Людовика XVI в августе того же года. Моррис проанализировал подготовленный Национальным собранием документ и, фактически, одобрил лишь один элемент: установление наследственной монархии. Негодовал же Моррис относительно неприкосновенности депутатов и отсутствия у короля возможности распустить Национальное собрание. Однако составленный текст был забракован графом де Монмореном³⁰. В итоге Людовик не произнес речь вообще.

Нельзя точно сказать, добился ли Гувернер своего назначения на должность посла во Франции или же это был, как выразился сам Моррис, имея в виду Вашингтона: «знак доверия от человека, чье мнение я считаю самым уважаемым». Но факт остается фактом: с 6 января 1792 г. Моррис получает дипломатическую неприкосновенность.

Однако, не только в конгрессе США, но и в Париже его назначение послом было воспринято неоднозначно. Так 11 мая 1792 г. он пишет в дневнике: «До меня дошли слухи о том, что существуют сомнения относительно моего приема в дипломатическом качестве, более того, г-н Дюмурье не желает принимать меня в качестве посланника вовсе, поскольку многие думали, что он был сторонником монархии Франции, а не сторонником Французской революции так, по крайней мере, сказал мне один член Ассамблеи»³¹.

Ситуация в стране становилась все более серьезной. Возможно, Моррис осознавал уязвимость своего положения, записи в дневнике становятся все более фрагментарными. Запись от 10 августа: «Начинают стрелять пушки. <...> Замок, не защищенный ничем, кроме

---

³⁰ Филимонова М.А. Гувернер Моррис (1752–1816) ... С. 62.

³¹ Morris G. Op. cit. P. 529.

швейцарцев, захвачен, а швейцарцы, где бы их ни нашли, убиты. Король и королева находятся в Национальном собрании». Ни 11, ни 12 августа Моррис не берется оценивать события 10 августа, его, кажется больше волнует необыкновенная жара в Париже: «купленный еще утром живой окунь, к обеду уже протухает»³².

В письме Джефферсону от 18 августа он пишет об «еще одной кровавой революции»³³. «Срединный» путь развития революции невозможен, те, кто ее начинал и был ее главной движущей силой, должны будут примкнуть либо к монархистам, либо к республиканцам. «Теперь дело сводится к простому выбору между абсолютной монархией и республикой, ибо все промежуточные формы упразднены»³⁴.

Г. Моррис считал, что смерть короля потрясет всю страну и станет страшной ошибкой³⁵. Но надежд на спасения уже не было. «Утром 21 января 1793 г. король взошел на эшафот. Перед казнью Людовик обратился к народу: «Я умираю невиновным во всех тех преступлениях, что мне приписали. Я прощаю своих убийц. Молю Бога, чтобы кровь, которую вы сейчас прольете, никогда не пала на Францию». Ударили барабаны, и последующие его слова уже никто не расслышал»³⁶.

Хотя дальнейшие записи Морриса максимально отдалены от политики, мы можем узнать о его деятельности из других источников. Так, в ноябре 1792 г. Джефферсон получил сведения о том, что Моррис в своей резиденции «при гостях и слугах ругал французских министров, называя их сборищем проклятых мошенников»³⁷.

Когда начался террор, связь по всей Франции прервалась, в результате чего Моррис остался без инструкций от руководства вашингтонской администрацией о том, как действовать³⁸. Со своими монархическими настроениями и идеей конституционной монархии Г. Моррис все меньше подходил для все больше радикализирующихся революционеров. Н.Н. Болховитинов писал о нем: «Гувернер Моррис, находившийся на посту посланника в Париже в самые

---

³² Morris G. Op. cit. P. 570.

³³ Ibid. P. 572.

³⁴ Morris G. Op. cit. P. 574.

³⁵ Ibid. P. 612.

³⁶ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 124.

³⁷ Краснов Н.А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775-1801 гг. М., 2000. С. 186.

³⁸ Adler A.N. Op. cit. P. 34.

критические годы революции (1792 – 1794), был мало похож на своих блестящих предшественников – Б. Франклина и Т. Джефферсона. Его фигура, может быть, очень подходила для двора Людовика XVI или, скажем, прусского короля, но в якобинском Париже ему было явно не место: действия Морриса лишь еще более ухудшали и без того вконец испортившиеся отношения между Францией и США после отказа последних оказать поддержку своей бывшей союзнице (прокламация о нейтралитете от 22 апреля 1793 г.) и требования отозвать французского посланника «гражданина Женэ»³⁹. Отношения американского посла с французским правительством испортились: французы начали требовать его отзыва. Вашингтон остался верен своему старому другу, но после инцидента с Женэ⁴⁰ у него не было выбора. Моррис не хотел терять свой пост, но почувствовал облегчение, когда его заменил Джеймс Монро.

Ему становилось все более противно французское правительство из-за необдуманных действий и роста коррупции. Он начал видеть Францию более тиранической, чем когда-либо, поскольку люди не могли даже свободно выражать свое мнение из-за страха перед репрессиями. После снятия с поста Моррис четыре года путешествовал по Европе, вернулся в Нью-Йорк в 1798 году и вплоть до смерти в 1816 больше не возвращался к государственной службе⁴¹.

С первых дней революции во Франции Моррис выглядит как сторонник монархии и друг аристократов. Он прямо писал о том, что король оставался единственной надеждой на поиск нового политического курса. Моррис не видел во Франции достойных лидеров нации и все больше тревожился тем, что происходит с государством. Эйфория от первых месяцев пребывания в Париже быстро развеялась. По мере того, как ситуация все больше и больше выходила из-под контроля, мнение Морриса, естественно, менялось⁴². Моррис не боялся критиковать политический курс, как правительства, иногда прямо говоря о бездарности политиков, так и революционеров, чьи безрассудные действия рушили всякие надежды на бескровный

---

³⁹ Болховитинов Н.Н. Становление российско-американских отношений. М., 1966. С. 201.

⁴⁰ О нем, например, см.: Гладышев А.В. Юность дипломата: Э.Ш. Женэ // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 97–132.

⁴¹ MacGregor M.J., Wright Jr.R.K. Op. cit. P. 114.

⁴² Sparks J. Op. cit. P. 480.

финал. Его часто называли аристократом, подчеркивая презрительное отношение к делу революции⁴³.

Являясь до января 1792 г. частным лицом во Франции, Гувернер не стесняется давать советы действующим министрам и приближенным короля о дальнейших действиях. Но события лета 1792 г. и казнь короля являли собой крах всех надежд Морриса. Он был потрясен методами, которые французы использовали для борьбы за «свободу», и знал, что истинные цели Французской революции таким путем никогда не будут достигнуты. Его пугали эксцессы революции, о которых он предостерегал. Моррис всегда поддерживал французское движение, но не используемые методы⁴⁴.

Что касается республиканского строя, то, возможно, впоследствии Гувернер Моррис просто смирился с тем, что ему долгое время не удавалось принять. В 1802 г. он писал Джону Дикинсону⁴⁵: «Принимая республиканскую форму правления, я не только воспринял это так, как мужчина воспринимает свою жену, но я сделал то, на что немногие мужчины осмеливаются: я принял ее, зная все ее плохие качества»⁴⁶.

---

⁴³ Sparks J. Op. cit. P. 482.

⁴⁴ Ibid. P. 482.

⁴⁵ Джон Дикинсон (John Dickinson) (1732–1808) – американский политический деятель, адвокат, конгрессмен.

⁴⁶ MacGregor M.J., Wright Jr.R.K. Op. cit. P. 114.

ПЕРЕД ВСТУПЛЕНИЕМ В КОНТИНЕНТАЛЬНУЮ БЛОКАДУ:
ПОПЫТКА РОССИИ ЗАКЛЮЧИТЬ ВСЕОБЩИЙ МИР МЕЖДУ
ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ

Н.А. Макаров¹

Институт всеобщей истории РАН
e-mail: mackarov.nik2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена попытка России выступить посредником в заключении всеобщего мира между Англией и Францией в 1807–1808 гг. Определены основные противоречия между данными странами, рассмотрен процесс подготовки переговоров. После заключения Тильзитского мира Англия согласилась принять российское посредничество в переговорах с Францией, но при условии, что ей будут сообщены все статьи договора и представлены доказательства готовности Франции заключить почетный для Англии мир. В Англии не верили намерениям Наполеона относительно заключения мира, если только он не хочет заключить его на своих условиях. Франция несмотря на статью в Тильзитском мирном договоре о посредничестве России в заключении мира между Англией и Францией не внесла уточнений, на каких основаниях мог быть заключён данный мир. Это обстоятельство ещё раз доказывает абстрактный характер указанной статьи Тильзитского договора. М.М. Алопеус видел камень преткновения в том, что Франция желала отказа Англии от морских прав, в то время как последняя видела в них основу существования своей империи. Интересы Англии и Франции были диаметрально противоположны, что предопределило безрезультатность посредничества России в заключении «всеобщего мира».

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Тильзитский мир, Эрфуртская конвенция, М.М. Алопеус, Континентальная блокада.

BEFORE JOINING THE CONTINENTAL BLOCKADE:
AN ATTEMPT OF RUSSIA TO CONCLUDE A WORLD PEACE
BETWEEN FRANCE AND ENGLAND

N.A. Makarov

(Moscow, Russia)
e-mail: mackarov.nik2013@yandex.ru

Annotation. This article considers an attempt of Russia to mediate the conclusion of a world peace between England and France in 1807–1808. The main contradictions between these countries are identified, the process of preparing negotiations is considered. After the conclusion of the Treaties of Tilsit, England agreed to accept Russian mediation in negotiations with France, but on the condition that she would be informed of all the articles of the treaty and evidence of France's readiness

---

¹ Макаров Никита Александрович, аспирант отдела Новой и Новейшей истории, лаборант лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН (Москва).

to conclude an honorable peace for England was presented. In England, Napoleon's intentions regarding the conclusion of peace were not believed, unless he wanted to conclude it on his own terms. France, despite the article in the Treaties of Tilsit on Russia's mediation in making peace between England and France, did not clarify on what grounds this peace could be concluded. This circumstance once again proves the abstract nature of this article of the Treaties of Tilsit. M. Alopaeus saw the stumbling block in the fact that France wanted England to give up maritime rights, while the latter saw them as the basis for the existence of her empire. The interests of England and France were diametrically opposed, which predetermined the futility of Russia's mediation in the conclusion of "world peace".

Keywords: Napoleonic Wars, Treaties of Tilsit, Erfurt Convention, Maximilian von Alopaeus, Continental Blockade

Тильзитский мир 1807 г. между Францией и Россией определил внешнеполитическое положение стран Европы на следующие пять лет. Однако, при определённых условиях он мог стать всеобщим миром. По крайней мере, многие французы на это надеялись².

Попытка России примирить Англию и Францию практически не освещена в историографии. Лишь ряд авторов упоминает об этом моменте. Так, биограф Александра I Н.К. Шильдер считал, что неудача попытки России примирить Францию и Англию была ожидаемой, к тому же Англия ускорила разрыв отношений с Россией бомбардировкой Копенгагена³. А.М. Станиславская считает союз России и Англии против Наполеона Бонапарта таким альянсом, в котором обе страны чувствовали себя соперниками⁴. Англия сделала всё, чтобы отсрочить разрыв с Россией, но по мнению А.М. Станиславской, бомбардировка Копенгагена ускорила его и в ноябре 1807 г. Россия присоединилась к Континентальной блокаде⁵. А.А. Орлов согласен со

---

² «В июле – августе 1807 года [во Франции] радовались не столько могуществу империи, сколько достигнутому наконец долгожданному миру. В те дни царила прочная уверенность, что мир – всеобщий мир («la paix universelle») – утверждён Тильзитом надолго, быть может, навсегда. Тильзит, союз с могущественной северной империей – Россией устраняли вероятность и даже возможность войны на Европейском континенте. Кто решится начать войну против двух величайших и самых сильных держав мира? В те дни распевали песенку, кем-то сочиненную и пришедшую ко времени, «Свидание двух императоров», где слова ils sont d'accord et d'une union si belle («они в согласии и союзе столь прекрасном») рифмовались, конечно, с la paix universelle («всеобщим миром»)). См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1987. С. 487.

³ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1904-1905. Т. 2. 1904. С. 220.

⁴ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. С. 467.

⁵ Там же. С. 492.

А.М. Станиславской в том, что министр иностранных дел Англии Дж. Каннинг приложил все усилия, чтобы отсрочить разрыв с Россией⁶. Вместе с тем, современные исследователи обращают внимание преимущественно на другие аспекты Тильзитского мира. К примеру, В.М. Безотосный рассматривая в одной из последних своих работ⁷ причины заключения Тильзитского мира, дает оценку этому договору и показывает реакцию на него российского общества. Попытка же России организовать в тот момент заключение всеобщего мира осталась практически вне поля зрения историка.

В настоящей статье речь и пойдет именно об усилиях российской дипломатии выступить посредницей при заключении мира между Францией и Англией. Основными источниками для автора стали, во-первых, неопубликованные документы из архива внешней политики Российской империи, в частности, дело № 9002 и дело № 9009⁸, в которых содержатся переписка двух русских дипломатов – посла в Англии М.М. Алопеуса и посла в Париже П.А. Толстого, дающая представление об общественных настроениях в Англии конца 1807 – начала 1808 гг., о содержании некоторых русских нот английскому правительству и отчеты министра иностранных дел Н.П. Румянцева императору Александру I. Другим источником для написания статьи послужила фундаментальная публикация дипломатических документов «Внешняя политика Российской империи в XIX – начале XX вв.»⁹.

Согласно 4-й и 5-й статьям Тильзитского мирного договора в случае, если Англия до 1 декабря 1807 г. не давала согласия на предложение России вступить в союз с Францией, то русский посол покидал Лондон и Россия с Францией приглашали Данию, Швецию и Португалию закрыть свои порты для английских кораблей¹⁰.

В конце июня – начале июля 1807 г. министр иностранных дел А.Я. Будберг написал послу России в Англии М.М. Алопеусу, что тот, как посол должен выступить посредником для заключения всеобщего

---

⁶ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 45.

⁷ См.: Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805-1815 гг. М., 2014.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002; Д. 9009.

⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). Серия 1: 1801 – 1815 гг. Т. 3: Январь 1806 г. – июль 1807 г. М., 1963. Т. 4: Июль 1807 г. – март 1809 г. М., 1965.

¹⁰ Русско-французский договор о мире и дружбе 25 июня (7 июля) 1807 г. // ВПР. Т. 3. С. 631-642.

мира между Францией и Англией¹¹. В ноте содержался обзор действий Англии и России в ходе 1806–1807 гг., описывались обстоятельства заключения Россией Тильзитского мира и в конце ноты Александр I предлагал своё посредничество в заключении мира между Францией и Англией¹². Ещё до заключения Тильзитского мира, Англия, в случае переговоров с Францией, сообщала России о своём желании принять в них участие, но, если только в их основе будут «справедливые условия»¹³. Данные обстоятельства давали надежду на успех переговоров.

М.М. Алопеусу в организации общих переговоров по заключению мира помогал австрийский посланник в Лондоне князь Штаремберг. М.М. Алопеус высоко оценивал его усилия: «Роль, деятельность и таланты князя Штаремберга идеально подходят этому министру для продолжения начатых переговоров, если будет сочтено целесообразным продолжить их»¹⁴. Князю было приказано уведомить английское правительство о том, что тому лучше «не отделять своих интересов от интересов континента»¹⁵. Штаремберг должен был постараться убедить Англию «проявить миролюбивые намерения по отношению к Франции и даже пойти на известные жертвы ради достижения общего мира»¹⁶.

После подписания Тильзитского мира между Россией и Францией М.М. Алопеус отправил ноту Дж. Каннингу с сообщением об этом и предложил своё посредничество для урегулирования отношений Англии с Францией¹⁷. Однако британцы не спешили воспользоваться его услугами. Во-первых, Англия хотела осведомиться обо всех статьях Тильзитского мира и Дж. Каннинг, по словам М.М. Алопеуса, ответил ему: что «трудно окончательно договориться о принятии посредничества, пока совершенно неизвестны статья XIII, упомянутая в моей ноте, и вообще постановления мирного договора, заключенного между Россией и Францией»¹⁸. В итоге Англия согласилась принять российское посредничество, но при условии, что ей будут сообщены все статьи

---

¹¹ Министр иностранных дел А.Я. Будберг М.М. Алопеусу Тауроген, 28 июня (10 июля) 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 11-13.

¹² Министр иностранных дел А. Я. Будберг английскому послу в С.-Петербурге Гоуэру Тильзит, 18 (30) июня 1807 г. // ВПР. Т. 3. С. 627-629.

¹³ Примечание 417 // ВПР. Т. 3. С. 761.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 5 об.

¹⁵ Примечание 13 // ВПР. Т. 4. С. 558.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит. по: Cobbett's parliamentary history of England / Ed. T.C. Hansard. London, 1806-1812. Т. X. P. 113-114.

¹⁸ М.М. Алопеус министру иностранных дел А.Я. Будбергу Лондон, 23 июля (4 августа) 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 23-25.

договора и представлены доказательства готовности Франции заключить почетный для Англии мир¹⁹.

Между Англией и Францией существовало серьезное недоверие после разрыва Амьенского мира. В конце декабря 1807 г. – начале января 1808 г. М.М. Алопеус сообщал, что в Англии не верили намерениям Наполеона касательно заключения мира, если только он не хочет заключить его на своих условиях²⁰. В то же время посол России в Лондоне ждал назначения полномочных представителей для переговоров о заключении мира²¹. М.М. Алопеус писал, что в будущих переговорах особенно сложным будет вопрос о Португалии: «Второе огромное препятствие на пути к заключению мира я помещаю в судьбу Португалии, если императору французов угодно будет распоряжаться этим королевством так же, как он поступал в отношении многих других государств. Англия не согласится на это, если только властный закон необходимости, то есть непредвиденных бедствий, не принудит ее к этому»²².

Кроме того, переговоры замедлило нападение Англии на Копенгаген, самым серьезным образом повлиявшее на условия заключения мира. Не все в российском обществе верили в искренность намерений Англии после бомбардировки Копенгагена. К примеру, министр морских сил П.В. Чичагов в письме к Александру I отметил, что «ответ г-на Каннинга на ноту г-на М. Алопеуса с начала до конца проникнут недоверием к посредничеству и двуличием, которое столь часто проявлялось Сент-Джеймским кабинетом. Они хотели бы знать, на каких справедливых и почетных основаниях, как В[аше] в[еличест]во, очевидно, полагает, Франция желает заключить, и пр. и пр., и далее, что Франция изображается готовой вступить в переговоры. Эти слова, равно как и остальное содержание ноты, серьезным образом ставят под сомнение смысл выражений, употребленных В[ашим] в[еличест]вом в ноте, направленной Англии. Я полагаю, что такая позиция наряду с давней враждебностью по отношению к Франции создаст препятствия для успеха нашего посредничества. <...> Но я готов держать пари на что

---

¹⁹ Сборник Российского императорского общества. СПб., 1867-1916. Т. 89. С. 125-126. (Далее – РИО).

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 25 об.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 27 об.

угодно, что они не хотят мира и не заключат его. Это, безусловно, будет повторение истории с Римом и Карфагеном»²³.

В сентябре 1807 г. Александр I сообщил Наполеону Бонапарту об отказе Англии пойти на заключение всеобщего мира²⁴. Князю Штарембергу же наоборот из Вены было поручено сообщить английскому правительству, что, если Англия не согласится на предложения Франции о мире, Австрия пока не собирается объявлять Англии войну и закрывать для неё свои порты²⁵. Существенным моментом в демарше Штаремберга было требование выплатить компенсацию Дании за бомбардировку Копенгагена²⁶. Ж.-Б. Шампаньи, министр иностранных дел Франции сообщил, что данная попытка князя Штаремберга будет более эффективна, если Александр I поддержит её со своей стороны²⁷. И Александр I предпринял такой шаг. В конце октября – начале ноября 1807 гг. российский император выпустил декларацию о разрыве с Великобританией²⁸. Также последовал указ о наложении на английские суда и имущество англичан эмбарго²⁹.

Известный исследователь Континентальной блокады М.Ф. Злотников отметил, что «дворянство и торговые круги встретили декларацию о разрыве с Англией враждебно»³⁰. На закрытие гаваней для английских кораблей смотрели как на запрет, наложенный на все российские товары, которые Англия покупала и вывозила ежегодно в больших количествах³¹. Забегая вперёд, отметим, что таким образом Россия начала постепенно входить в Континентальную блокаду Англии. Впоследствии Александр I выпустил ещё один указ от 20 марта 1808 г., запрещавший лишь провоз английских мануфактурных товаров, отчего М.Ф. Злотников охарактеризовал его как половинчатый³².

---

²³ Министр морских сил П.В. Чичагов Александру I Петергоф, 23 августа (4 сентября) 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 46-49.

²⁴ Александр I Наполеону I, 10 (22) сентября 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 78.

²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 2

²⁶ Там же. Л. 3; Л. 3 об.

²⁷ Там же. Л. 2 об.

²⁸ Декларация Александра I 26 октября (7 ноября) 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 98-101.

²⁹ Указ Александра I министру коммерции и управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву 28 октября (9 ноября) 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 105.

³⁰ Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М., 1958. С. 138.

³¹ Там же. С. 138.

³² Там же. С. 144.

И наконец, отсутствовала всякая основа для переговоров, о которых хлопотал М.М. Алопеус. Пересказывая свой разговор с Дж. Каннингом в ноябре 1807 г. М.М. Алопеус сообщал: «Мои представления, какими бы настойчивыми они ни были, оставили дело в состоянии нерешительности. Возможно, из него можно было бы выйти, если бы французский двор решил сформулировать основания, которые он считает надлежащими»³³. Действительно, Франция несмотря на статью в Тильзитском мирном договоре о посредничестве России в заключении мира между Англией и Францией не внесла уточнений, на каких основаниях мог быть заключён данный мир. Это обстоятельство ещё раз доказывает абстрактный характер указанной статьи Тильзитского договора. Что мог англичанам предложить Алопеус? Он напомнил им о системе вооружённого нейтралитета, в свое время введённой Екатериной II³⁴. По мнению российского посла такая система пришла бы на смену морскому праву Англии и «стала бы весьма удовлетворительной и особенно полезной для тех, которые имеют большое торговое мореплавание, как, например, Дания, Швеция, Голландия»³⁵.

Однако Англия не желала принимать условий Франции, при которых Наполеон Бонапарт оставался бы в положении властителя Европы. Она хотела равных условий для себя и своих союзников. Ответ министра иностранных дел Англии на предложения о мире, последовавший в конце ноября 1807 г., был довольно расплывчатым: «Его Величество теперь, как это было всегда, готов вступить в переговоры о заключении такого мира, который на равных урегулирует соответствующие интересы держав, участвующих в войне, как должно соответствовать верности Его Величества Своим союзникам, обеспечит спокойствие и безопасность Европы»³⁶.

Таким образом, шансы на то, что Франция и Англия смогут договориться, равнялись нулю: интересы двух держав были диаметрально противоположными. М.М. Алопеус видел камень преткновения в том, что Франция желала отказа Англии от морских прав, в то время как последняя видела в них основу существования своей империи: «Если повести себя осмотрительно и снять требование о формальном отказе Великобритании от так называемых морских прав, по сути дела представляющих собой не что иное, как господство на морях, то возможно и даже вероятно, что обе державы в конце концов и пришли бы к

---

³³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 5-Л. 5 об.

³⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 26.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 7-Л. 7 об.

взаимопониманию, но пока Франция будет требовать, чтобы такой отказ был зафиксирован в одной из статей мирного договора, злополучная борьба не будет иметь конца. Нет такого министра, который осмелится бы пойти на это; весь народ связывает с этим существование Британской империи. Нельзя не согласиться с тем, что именно на поддержании этого принципа покоится независимость Великобритании, каким бы несовместимым он ни казался с принципами справедливости и морали»³⁷. По мнению М.М. Алопеуса, Лондон «боится мира, который начнется с того, что лишит Англию тех преимуществ, в которых она оказалась благодаря своей огромной военно-морской силе, не предлагая ей достаточной безопасности на будущее»³⁸.

К тому же противоречия существовали также между Россией и Англией. Декларация Александра I о разрыве с Соединенным Королевством удивила английское правительство, рассчитывавшее на то, что подобные меры последуют не ранее, чем через шесть месяцев³⁹. М.Ф. Злотников отмечает, что «Россия разорвала мир с Англией на месяц раньше условленного в Тильзите срока»⁴⁰. Посланнику России в Великобританию было приказано покинуть Лондон и отправиться в Германию для ожидания дальнейших распоряжений Александра I⁴¹.

В ответ на декларацию Александра I о разрыве отношений английский король Георг III прислал обширное послание, где заявлял, что «не считает себя обязанным оправдываться перед Россией за экспедиции против Копенгагена. Не тем, кто участвовал в тайных приготовлениях Тильзита, просить сатисфакции»⁴². Упомянул Георг III и о принципах морского права Британии: «Его Величество вновь провозглашает принципы морского права, против которых первоначально был направлен вооруженный нейтралитет под покровительством императрицы Екатерины и против которых объявляются нынешние военные действия России. Эти принципы были признаны и соблюдались в самые счастливые времена в истории Европы...»⁴³. Английский король не считал возможным заключение мира между Лондоном и Парижем, ибо «просьба Его Императорского Величества к Его Величеству о немедленном

---

³⁷ М.М. Алопеус управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву Лондон, 14 (26) ноября 1807 г. // ВПР. Т. 4. С. 115-117.

³⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 42-Л. 42 об.

³⁹ Там же. Л. 22.

⁴⁰ Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 137.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 22.

⁴² Там же. Л. 37 об.

⁴³ Там же. Л. 40 об.

заклучении мира с Францией столь же необыкновенна по существу, сколь и оскорбительна по форме»⁴⁴.

В итоге попытка России организовать переговоры ни к чему не привела. И в ответ на ноту⁴⁵ князя Штаремберга, Дж. Каннинг сообщил следующее мнение британского монарха: «Предложение Его Величества отправить переговорщиков в Париж, не сопровождаемое каким-либо убедительным и недвусмысленным ответом со стороны Франции за заявления, уже сделанные от имени Его Величества, настолько далеко от того, чтобы служить доказательством такого взаимного намерения, что это не может быть истолковано Его Величеством иначе как как подразумевающее неоправданное сомнение...»⁴⁶.

Англия в принципе довольно скептически отнеслась к предложениям князя Штаремберга, ибо у него не было полномочий вести такие переговоры⁴⁷. Английское правительство не хотело посылать своих полномочных представителей в Париж, не имея представления об основах переговоров⁴⁸. И тем более оно не хотело, чтобы переговоры шли во французской столице⁴⁹. Дж. Каннинг указывал: «Его Величество настроен вести дела с Францией, но он хочет этого только на основе полного равенства. Он готов вести дела с союзниками Франции, но переговоры должны охватывать интересы союзников Великобритании»⁵⁰. По слухам, сообщенным М.М. Алопеусу, именно английский король Георг III был противником переговоров, в то время как Дж. Каннинг готов был как минимум отправить полномочных представителей для их проведения⁵¹.

По донесениям М.М. Алопеуса, Великобритания желала сепаратного мира с Россией: «Оставшиеся неизменными принципы г-на Каннинга побуждают его желать, чтобы Россия и Великобритания сблизилась и могли возвратиться к той системе согласия, которая, как показал опыт более чем одного столетия, является столь полезной для той и для другой и благодаря каковой благосостояние и политическое значение России поднялись на самую высокую ступень»⁵².

---

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 40.

⁴⁵ В деле № 9002 не обнаружена.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 45 об. - Л. 46.

⁴⁷ Там же. Л. 50.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 50 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 54 об.

⁵² М.М. Алопеус Александру I Париж, 14 (26) февраля 1808 г. // ВПР. Т. 4. С. 172-175.

Убедившись в бесперспективности переговоров, князь Штаремберг покинул Лондон⁵³. Перед его отъездом австрийский посол в Париже Клеменс Меттерних написал ему, что именно Англия стала главной помехой для заключения мира и попросил распространить некий документ, в котором заявлялись миролюбивые намерения Наполеона Бонапарта⁵⁴.

Отъезд М.М. Алопеуса задержался из-за болезни жены⁵⁵. Но когда он, в конце концов, уехал из Лондона, у него в Париже состоялся разговор с Наполеоном Бонапартом, содержавший его оценку неудавшейся попытки переговоров. Французский император оценил вероятность заключения мира с Англией очень низко и подверг критике британских министров: «У Англии нет больше таких выдающихся государственных деятелей, как Питт и Фокс. Что собою представляет г-н Каннинг? Он должен был бы понять, что мне нужно много времени, чтобы восстановить флот; у меня его нет. Его не восстановить ни в два, ни в три года. Значит, в их власти снова начать войну, когда они будут считать, что у меня начинает появляться флот; они так и сделают. Они делают всё, что хотят. Английские министры – деспоты; они всем распоряжаются более свободно, чем я могу это делать в Париже, а ваш государь – в России. Пусть ваш император сделает что-нибудь вопреки воле Сената. Он натолкнется с самого начала на противодействие, в то время как английский народ позволяет распоряжаться собой как угодно, лишь бы это прикрывалось фразой: так хочет народ»⁵⁶. Как видим, французский император возложил всю вину за не состоявшиеся переговоры на английских министров.

Новая попытка начать переговоры с Англией состоялась после принятия Россией и Францией Эрфуртской конвенции осенью 1808 г.⁵⁷. Согласно 1-й и 2-й статьям, Россия и Франция согласились назначить уполномоченных для переговоров с Англией в любом городе, в котором она пожелает⁵⁸. Основой переговоров должен был выступить принцип *uti possidetis*⁵⁹.

---

⁵³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9002. Л. 61.

⁵⁴ Там же. Л. 65.

⁵⁵ Там же. Л. 56.

⁵⁶ М.М. Алопеус Александру I Париж, 19 (31) марта 1808 г. // ВПР. Т. 4. С. 207–213.

⁵⁷ Союзная конвенция между Россией и Францией Эрфурт, 30 сентября (12 октября) 1808 г. // ВПР. Т. 4. С. 359–363.

⁵⁸ Союзная конвенция между Россией и Францией Эрфурт, 30 сентября (12 октября) 1808 г. // ВПР. Т. 4. С. 352.

⁵⁹ Там же.

Король Англии готов был заключить соглашение с Францией и Россией о всеобщем мире⁶⁰. Однако, по условиям Англии в переговорах должны были участвовать Швеция, Сицилия⁶¹ и Испания в лице повстанческого правительства Хунты. Разумеется, Наполеон Бонапарт не мог пойти на данные условия. Свой отказ допустить Испанию к переговорам французский император аргументировал тем, что официально Англия не являлась союзником Испании⁶².

Могли ли переговоры Франции и Англии при посредничестве России и Австрии завершиться успехом? При должных уступках Франции и выработке основ, на которых переговоры могли состояться, сами по себе они были возможны. Однако имелось множество позиций, по которым у Англии и Франции существовали противоположные точки зрения: война в Португалии, морское право и т.д. Ни Франция не желала уступать те территории, которые успела присоединить, ни Англия не желала пересмотра принципов морского права, обеспечивавших её превосходство на море.

---

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9009. Л. 27.

⁶¹ Там же. Л. 28.

⁶² Там же. Л. 99.

ХРОНОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГАМБУРГА ВЕСНОЙ 1814 г.

А.А. Гунько¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: asus.05@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история сдачи Гамбурга весной 1814 г. После падения Парижа в конце марта 1814 г. ещё два месяца бывший Вольный город Гамбург сохранял формульную верность Наполеону и его идеям; солдаты Великой армии в условиях осажденной крепости продолжали мужественно оборонять город от армии союзников. В результате почти годовой оккупации (июнь 1813 - май 1814), сопровождавшейся регулярными депортациями неимущих и больных из города, разразившейся в феврале-марте 1814 г. эпидемией брюшного тифа, обстрелов города, население Гамбурга сократилось вдвое (с 100-128 тысяч в начале 1813 г. до 55-70 тысяч в середине 1814 г.). На основе анализа личной переписки горожан, рапортов Л.-Н. Даву и Л.Л. Беннигсена, а также газетных статей анализируются причины, побудившие французского маршала оттягивать переговоры о сдаче города союзникам, настроения жителей Гамбурга, а также процесс и условия сдачи союзникам этого последнего бастиона Первой империи.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, осада Гамбурга, имагология, кампания 1813–1814 гг., Л.-Н. Даву

CHRONOLOGY OF THE LIBERATION OF HAMBURG IN THE SPRING OF 1814

A.A. Gunko

(Saratov, Russia)

e-mail: asus.05@yandex.ru

Annotation. The article deals with the problem of the surrender of Hamburg in the spring of 1814. After the fall of Paris at the end of March 1814, for two more months Hamburg remained loyal to Napoleon and his ideas; the soldiers of the Grand Army in the conditions of the besieged fortress continued to courageously defend the city from the Allied army. As a result of almost a year of occupation (June 1813 - May 1814), accompanied by regular deportations of the poor and sick from the city, an epidemic of typhoid fever broke out in February-March 1814, shelling of the city, the population of Hamburg was halved (from 100-128 thousand at the beginning of 1813 to 55-70 thousand in the middle of 1814). Based on the personal correspondence of local citizens, the correspondence between L.N. Davout and L.L. Bennigsen, as well as newspaper articles, analyze the reasons that prompted the French marshal to delay

---

¹ Гунько Андрей Анатольевич, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи», аспирант кафедры всеобщей истории СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

negotiations on the surrender of the city to the Allies, the mood of the citizens of Hamburg, as well as the process and conditions for the surrender of the last bastion of the First Empire.

Keywords: Napoleonic wars, Siege of Hamburg, imagology, campaign of 1813–1814, L.-N. Davout

31 марта 1814 г.² после непродолжительной осады союзными войсками был взят Париж, за которым вскоре последовало отречение Наполеона Бонапарта. К тому времени уже почти все крупные города Европы, завоеванные великим корсиканцем, были освобождены союзниками от тягостного и опостылевшего французского режима, на освобожденные территории вернулось прежнее государственное устройство и законодательство. Последним оплотом или, точнее, осколком наполеоновской империи оставался Гамбург, гарнизон которого под командованием маршала Даву не желал сдаваться. С конца 1813 г. город находился в осаде 52-тысячной русско-прусской армии под командованием Л.Л. Беннигсена. Первоначальная цель осады – сдерживание корпуса XIII армии под командованием Л.-Н. Даву и недопущение возможного отступления Наполеона к Нидерландам после битвы под Лейпцигом³.

Учитывая, что некоторые события 1813 г., связанные с осадой Гамбурга, уже были нами рассмотрены ранее⁴, в данной публикации мы проследим хронологию освобождения города весной 1814 г., рассмотрим условия, в которых происходила сдача Гамбурга, а также проанализируем образ военных действий и повседневной жизни осажденного города глазами местных жителей.

Надо сказать, что гордость Гамбурга – богатство и многолюдность – обернулось для его жителей проклятием в годы французской оккупации. Прославленный своими боевыми подвигами великий корсиканец принёс на немецкую землю не только плоды Просвещения (например,

---

² Здесь и далее даты указаны по новому стилю.

³ Hourtoulle F.-G. Davout le Terrible: duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl, le meilleur lieutenant de Napoléon, colonel-général des grenadiers, 1770-1823. Paris, 1975. P. 407. Карл Мёнкеберг оценивает общую численность войск Даву в 44251 человек: «Если добавить, что в боях погибло 4600 человек в лазаретах 7799, и 400 дезертировали, то армия маршала, несомненно, состояла примерно из 44251 человека». См.: Mönckeberg C. Hamburg, unter dem Drucke der Franzosen, 1806 – 1814: historische Denkwürdigkeiten. Hamburg, 1864. S. 292.

⁴ Гунько А.А. К вопросу о сдаче Гамбурга отрядом Ф.К. Теттенборна в мае 1813 г. // Вестник современной науки. Серия: Гуманитарные науки. М., 2021 № 1. С. 13-26; Гунько А.А. Жизнь в оккупированном городе: о тифе в Гамбурге в 1814 г. глазами Э. Кампэ // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2022. Вып. 24. С. 43–54.

Кодекс Наполеона), но и несчастья, придушив экономику северогерманских городов-государств, основой которой была активная торговля британскими колониальными товарами. Однако самые тёмные времена для горожан Гамбурга связаны с маршалом Л.-Н. Даву, который дважды оккупировал город: сначала как унитарную единицу 32-военного округа (с момента включения Гамбурга в состав Первой Империи – январь 1811 г.⁵ до кратковременного освобождения города отрядом Ф.К. Теттенборна в марте 1813 г.), а затем как осажденную крепость, наказанную по прямому указанию Наполеона «за предательство»⁶. Страх и ненависть – вот чувства, которые овладевали горожанами при одном только упоминании имени маршала, прозванного за глаза «Marschall Wuth» («маршал Зло», «маршал Ярость»).

Чем дольше длилась осада города, тем больше ненависти французские оккупанты вызывали у горожан. Тому способствовали и изгнание местных жителей, неспособных прокормить себя и/или выплатить свою часть колоссальной контрибуции, наложенной Наполеоном на город, и вероломное разграбление местного банка, где хранились накопления горожан, и разразившееся эпидемии тифа, которую справедливо увязывали с больными французскими солдатами в городских госпиталях. Число высланных жителей составило около 30 тыс. человек⁷. Сам Даву объяснял эти меры необходимостью сохранения здоровья и боеспособности личного состава вверенного ему корпуса.

Осада Гамбурга продолжалась даже после того, как союзные войска вступили в Париж. За два дня до сдачи французской столицы Даву лично повёл отряд из 3000 пехоты и 1000 кавалерии в сторону Харбурга (одного из ключевых аванпостов союзников) с целью выжечь землю в

---

⁵ Гамбург де-факто находился под властью Наполеона с осени 1806 г., когда на волне успешного разгрома прусской армии под Йеной и Ауэрштедтом 19 ноября 1806 г. маршал Мортье вступил со своими войсками в Вольный город и занял его «именем императора», хотя Гамбург ни малейшего участия в той войне ни де-юре, ни де-факто не принимал. И, хотя формально Гамбург оставался (до конца 1810 г.) «freie und Hansestadt», фактически он уже оказался под рукой Наполеона.

⁶ См. подробнее: Гунько А.А. Л.-Н. Даву в Гамбурге в 1813-1814 гг. глазами Элизабет Кампэ // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. Саратов, 2021. Вып. 22/23. С. 100–112.

⁷ Белоусов С.В. Пензенское ополчение в России и Европе в 1812 – 1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: матер. XV Междунар. науч. конф. (Бородино, 9 – 11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/17_Belousov.pdf (дата обращения – 05.08.2022); Гунько А.А. Л.-Н. Даву в Гамбурге в 1813-1814 гг. глазами Элизабет Кампэ... С. 110.

округе, «чтобы не беспокоиться так часто о Харбурге, а также облегчить себе доступ к поставкам провизии»⁸. Первого апреля около пяти часов дня маршал атаковал Мурбургские окопы⁹, занятые союзниками. Завязалась ожесточённая перестрелка, продолжившаяся до десяти вечера. После кратковременного перерыва стрельба возобновилась ночью и продолжилась на следующий день. Завершились бои только с наступлением внезапной оттепели. Горожанка Гамбурга Э. Кампэ в своих письмах рассказывает забавную историю, когда Даву были посланы пироги, паштеты и деликатесы дабы скрасить горечь разочарования провалившейся операции, но повара не смогли доставить угощения до места назначения: переправа через Вильгельмсбургский мост была затруднена, а проход по льду, ввиду резкого потепления оказался небезопасен¹⁰. Второго апреля горожане узнали о сдаче Бордо англичанам: по сведениям мемуаристки, «там растоптали трехцветную кокарду и надели белую, а также с триумфом привели в город герцога Ангулемского (будущего Людовика XIX)»¹¹. Эти новости заметно приободрили гамбургцев и вселили надежду на скорый конец их страданиям.

Но долго радоваться горожанам не пришлось: шестого апреля Даву ненадолго возвращается в Гамбург, где собирает военный совет с целью обсуждения «плохих новостей из Франции». Был отдан приказ никому не покидать город, в результате чего множество нуждающихся семей, которые уже давно согласились покинуть город и всё подготовили к этому, впали, по словам Э. Кампэ, «в самое гнетущее состояние»: они были вынуждены принять в своих домах самых нищих из оставшихся в городе горожан и кормить их за свой счёт. Так продолжалось до 15 апреля и до того времени было приказано никого не выпускать из города¹². На следующий день 16 апреля в город попала из соседней

---

⁸ Campe E. Hamburgs außerordentliche Begebenheiten und Schicksale in den Jahren 1813 und 1814, während der ersten Besitznahme durch den General Tottenborn bis zum allgemeinen Frieden. Hamburg, 1814. S. 178. Сам же маршал в своих мемуарах, упоминая этот поход, ссылается на недостаток фуража и «желание сохранить для Франции превосходную артиллерию и кавалерию». Davout L.-N. Mémoire de M. Le Maréchal Davout, prince d'Eckmühl, au Roi. P., 1814. P. 32–33.

⁹ Ныне это – один из районов Гамбурга, в котором располагается электростанция. Здесь же установлен мемориал в память о событиях тех дней. См. подробнее: Gerdtts H.A. 200 Jahre Moorburger Schanze. Die Kämpfe in der Franzosenzeit. – [Электронный ресурс]. – URL: gerdtts.pdf (hamburg-moorburg.de) (дата обращения: 05.08.2022).

¹⁰ Campe E. Op. cit. S. 179–180.

¹¹ Ibid. S. 181.

¹² Ibid. S. 184–185

Альтоны Бременская газета, из которой горожане узнали об отречении Наполеона¹³.

Даву, естественно, знал об этом и раньше. Почему маршал медлил со сдачей города? Ответ на этот вопрос раскрывается в переписке Беннигсена и Даву. Беннигсен попытался 13 апреля через своего адъютанта Оберта (Aubert) договориться о прекращении огня, ссылаясь на «официальное известие из Парижа»¹⁴. Даву на следующий день дал лаконичный ответ: «Я не могу ответить на это письмо иначе, чем просто подтверждением получения; человек чести не считает себя освобожденным от своих клятв верности, если его государь мог испытать неудачи»¹⁵.

Но Беннигсен не намеревался отступить. В тот же день 16 апреля Оберт вновь попытался согласовать встречу генералов Луазона де ла Вилля (Loison de la Ville) с одной стороны и генерала Оппермана (Oppermann) с другой, которая должна была состояться в пивной Клейнворта («или в любом другом месте на усмотрение маршала»)¹⁶, а также «послать одного из французских офицеров в сопровождении русского офицера в Париж в штаб-квартиру императора Наполеона, чтобы они оба смогли убедиться о положении вещей во Франции». Посредниками в переговорах стали датские власти. Во время этого вояжа предлагалось заключить «молчаливое перемирие». Все эти предложения ещё больше смутили маршала. Мысль о капитуляции, изложенной в ультиматуме¹⁷ Оберта была для Даву «оскорбительна»¹⁸. Ответ последовал от самого де ла Вилля 20 апреля: «Император или король не стали бы использовать русских офицеров, если бы у них были приказы или депеши для передачи Его превосходительству (маршалу Даву – А.Г.)»¹⁹.

---

¹³ Campe E. Op. cit. S. 188.

¹⁴ Беннигсен пытался этим письмом снять с себя ответственность за «бесполезно пролитую кровь двух народов, <...> которые отныне не считают себя врагами». См. Davout L.-N. Op. cit. P. 132.

¹⁵ Ibid. P. 133; Mönckeberg C. Op. cit. S. 277-278.

¹⁶ Davout L.-N. Op. cit. P. 135.

¹⁷ Первоначально речь шла о военной оккупации Альтон русскими, на что маршал пойти не мог. Маршал продолжал настаивать на нейтралитете Альтон, так как, по его мнению, это было бы «унизительно для Великой армии, храбро оборонявшей Гамбург». Holzhausen P. Davout in Hamburg: ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813–1814 / von einem Freunde historischer Wahrheit. Mülheim (Ruhr). 1892. S. 184-185. В конечном итоге, после обещания не вводить более одного батальона в нейтральный город, Даву согласился на «невоенную оккупацию Альтон». См.: Holzhausen P. Op. cit. S. 186.

¹⁸ Davout L.-N. Op. cit. P. 36-37.

¹⁹ Ibid. P. 39, 135; Holzhausen P. Op. cit. S. 182-183.

Таким образом, Л.-Н. Даву противился двум вещам: тому, что звезда славы Наполеона может погаснуть под ударами союзников и тому, что маршалу приносят известия о взятии Парижа русские. И основания для недоверия у Железного маршала были: ещё со времен «Франкфуртского меморандума» союзники активно боролись с наполеоновской пропагандой, заваливая территорию Франции своими памфлетами. Главная цель в этой борьбе за умы – внести раздор в общественное мнение французов, противопоставить личные амбиции Наполеона интересам Франции, предотвратить возможные народные волнения и отечественную войну французов. Задача Наполеона в свою очередь – сплотить вокруг себя нацию, задача союзников в свою очередь – изолировать императора²⁰. Ещё одной возможной причиной столь затяжных переговоров о судьбе Гамбурга и находившейся в нём армии мог стать высочайший указ Наполеона от 24 декабря 1811 г. об устройстве и обслуживании штабов и крепостей, по которому комендант осажденной крепости должен был быть «глух ко всем слухам, распространяемым неприятелем, или к прямым и косвенным известиям, которые он мог бы ему послать, даже когда он хотел бы убедить его, что армии Франции разбиты». Маршал просто мог не доверять «письмам от вражеских офицеров»²¹. Окажись новости об отречении Наполеона слухами, его ждал бы военный трибунал и расстрел.

Однако новости из Парижа оказались подлинными. Армия Беннигсена получила курьером известие о воцарении Людовика XVIII 20 апреля 1814 г., а «великий и ужасный друг кровожадных честолюбцев» уже отплыл на о. Эльба. Автор «Походных записок...» продолжает: «Тотчас Г.Л. Марков приказал поставить перед неприятельской целью белое знамя с изображением лилий и надписью “Виват, Людовик XVIII, король французский!” . Принц Экмюльский, увидев это, прислал своего адъютанта сказать, чтобы знамя сняли, а ежели не снимут, то он будет стрелять. На всякий случай войска были приготовлены, знамя простояло до самой ночи, но ни единого выстрела не последовало»²².

---

²⁰ Гладышев А.В. Антинаполеоновская пропаганда союзников и кампания 1814 года // Известия Саратовского университета. 2017. Т. 14. № 2. С. 480. Подробнее см.: Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

²¹ Davout L.-N. Op. cit. P. 139. Атмосфера тотального недоверия была не только среди военных: профранцузская администрация также терялась в неведении касательно политической обстановки вне осажденного города.

²² Походные записки прапорщика пензенского ополчения 1813-1814 // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 39.

За то время пока шли переговоры возобновилась поставка продовольствия из окрестностей (в частности, из соседней нейтральной Альтоны), и если кто-то получал разрешение привозить их в город, то приходилось в обязательном порядке делиться с больницей, где по-прежнему находились раненные французские солдаты²³. Цены на продукты выросли настолько, что они становились попросту недоступными для обнищавших горожан. Несмотря на, казалось бы, позитивные события – долгожданная свобода уже близко – обстановка внутри города была далеко не радостной. Кампэ сообщает, что «18 апреля французами были реквизированы последние слитки серебра, находившиеся в городском банке (80 штук), кожа, ткани и белье, с намерением использовать их на нужды гарнизона. Неимущих граждан заставляли работать в госпитале на самых отвратительных работах (и это после недавней эпидемии в городе²⁴). Несколько человек из низшего класса были расстреляны в эти дни за то, что они слишком громко рассуждали о текущих событиях, другие за то, что они вводили солдат в заблуждение и активно агитировали их дезертировать»²⁵.

В ночь с 28 на 29 апреля в Гамбург прибыл французский посланник на встречу с Даву, который привез с собой свежие выпуски «Moniteur» и «Journal des Débats», подтверждавшие информации Беннигсена: Наполеон действительно отрёкся от престола, и Людовик XVIII «вернулся на трон своих отцов»²⁶. Только теперь своим приказом от 29 апреля Л.-Н. Даву завершил военные действия на немецкой земле. Он вступил в переговоры с русскими о перемирии и установлении демаркационной линии между двумя армиями²⁷. В том же приказе говорилось, что «с сегодняшнего дня и далее города Гамбург и Харбург будут охраняться и защищаться от имени Его Величества Людовика XVIII»²⁸.

---

²³ Campe E. Op. cit. S. 185.

²⁴ «Анонимные письма», опубликованные в *Allgemeine Zeitung* и датированные 10 мая, сообщали, что дизентерия в городе всё еще свирепствовала. См.: *Allgemeine Zeitung*. – [Электронный ресурс]. – URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00609_u001/1 (дата обращения: 17.10.2022).

²⁵ Агитация действительно была эффективной. По словам Кампэ, из десяти сбежавших голландских офицеров трое вернулись, самый храбрый из них был застрелен. См.: Campe E. Op. cit. S. 196. О проблемах с рекрутскими наборами и дезертирами на закате Первой империи см.: Гладышев А.В. Закат империи Наполеона: «общественный дух» французов и сопротивление властям // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. Саратов, 2021. Вып. 22/23. С. 130-135.

²⁶ Holzhausen P. Op. cit. S. 186.

²⁷ Ibid.

²⁸ Davout L.-N. Op. cit. P. 154.

Также предполагалось ежедневное обеспечение военных госпиталей свежим мясом (3000 фунтов), которое должно было доставляться русскими комиссарами (оплата провианта оплачивалась наличными со стороны гарнизонного управления)²⁹.

В тот же день город пробудился в недоумении: горожане с раннего утра начали стекаться в местный порт, где был вывешен белый флаг. Это зрелище чрезвычайно удивило и обрадовало гамбургцев; «радостная суета была видна во всех переулках, которую только и нарушали гуляющие тут и там патрули жандармов; каждый хотел своими глазами увидеть священный символ»³⁰. Наконец, в полдень с башни Св. Михаила (Sankt Michaelis) показался тот же «священный знак»: никто не сомневался, что это знак мира, все молчаливо трепетали в ожидании открытия городских ворот³¹. Но до окончательного открытия города внешнему миру оставалось еще около двух недель.

Вот что сообщает Э. Кампэ, находившаяся в тот момент в центре событий: «это был прекрасный момент, когда после столь позорного времени мы наконец-то достигли цели, когда после пятимесячного заключения под давлением гнусных слуг-тиранов³² наконец пришло спасение, словно молодое весеннее утро после пережитой жестокой зимы! Общим настроением было чувство радости; все желали друг другу счастья; все были в предчувствии близкого освобождения. Во всех лавках белая кокарда выставлялась рядом с ганзейской». По словам мемуаристки, «между горожанами и офицерами в пустующих домах и на набережной было несколько мелких конфликтов. Только высшие офицеры были одеты в белые кокарды, все остальные по-прежнему предпочитали трехцветную. Тревога и негодование были заметны на многих лицах... Народ почти не принимал участия в торжествах и гуляниях, улицы были пусты и всё это больше походило на празднование смерти, устроенное французами над самими собой, чем на показ радости, а скудные огни в их собственных окнах [в домах префекта и губернатора – А.Г.] можно было символически рассматривать как угасание их всякого рода континентального господства»³³. Среди самих офицеров возникали политические споры, которые велись в открытую и иногда заканчивались вызовом на дуэль³⁴. Однако на следующий день город

²⁹ Davout L.-N. Op. cit. P. 146, 148.

³⁰ Campe E. Op. cit. S. 200.

³¹ Ibid. S. 200-201.

³² Здесь имеется в виду профранцузская администрация. К примеру, тот же мэр Рюдер, который исчез из Гамбурга в неизвестном направлении.

³³ Campe E. Op. cit. S. 203-204.

³⁴ Ibid. S. 207.

вновь погрузился в гнетущее ожидание. Кампэ фиксирует напряженное отношение горожан к оккупантам; население города находилось в нетерпении, у всех на лицах читался только один немой вопрос: «Сколько ещё можно терпеть этих тиранов?!»³⁵.

Тем временем переговоры о сдаче города близились к завершению. Уже 4 мая в город прибывает французская делегация во главе с Фуше. Цель визита – согласовать окончательные условия сдачи города. В тот же день рано утром запрещается проход к Альтоне по причине убийства французского унтер-офицера, который пал жертвой драки местных жителей. Однако истинной причиной Кампэ видится попытка избежать наплыва гамбургцев, по-прежнему пытавшихся покинуть город³⁶. На следующий день Даву в своем ежедневном распоряжении объявляет, что граф Артуа, брат короля, достиг соглашения с союзниками об эвакуации французов из Гамбурга и Харбурга в течение этого месяца³⁷. 9 мая маршал Даву в сопровождении Фуше лично нанёс визит Беннигсену в Альтону, куда генерал ранее перенес свою штаб-квартиру³⁸, а на следующий день в Гамбург прибывает новый главнокомандующий XIII армейским корпусом, назначенный Людовиком XVIII граф Ф.А.К. Жерар. Сложив с себя командование и попрощавшись с вверенным ему корпусом, Даву отправился в пригород Сент-Джордж, где когда-то проживал его шурин Леклерк³⁹.

---

³⁵ Campe E. Op. cit. S. 206. Также мемуаристка отмечает, что несмотря на договоренности с Беннигсеном не взимать реквизиции, они продолжались и в начале мая: французы стали требовать ещё больше кожи и ткани. См.: Ibid. S. 211. Мы согласимся с выводами Хольцхаузена, что эти изъятия предназначались на пошив обуви и одежды для солдат, которые вскоре должны были отправиться домой во Францию. Holzhausen P. Op. cit. S. 187.

³⁶ Проблемы с выдачей паспортов для тех, кто желал покинуть город, продолжались и в дальнейшие дни. См.: Campe E. Op. cit. S. 210.

³⁷ Holzhausen P. Op. cit. S. 188.

³⁸ Campe E. Op. cit. S. 215.

³⁹ Mönckeberg C. Op. cit. S. 291; Campe E. Op. cit. S. 215. Газета *Allgemeine Zeitung* от 6 июня 1814 г., ссылаясь в свою очередь на «Северогерманский листок» (*Norddeutsches Blatt*), пишет об «аресте Даву, которого хорошо охраняют в загородном поместье недалеко от Гамбурга». Позднее – в выпуске от 16 июня 1814 г. – газета опубликует опровержение новости об аресте маршала. См.: *Allgemeine Zeitung*. – [Электронный ресурс]. – URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00681_u001/1 (дата обращения: 01.11.2022). Здесь же сообщается, что «Даву уже вернул 3 миллиона наличными и 1,5 миллиона в слитках, которые он забрал из банка и передал нескольким банкирам в качестве своей частной собственности. Однако его положение не изменилось, потому что союзники потребовали, чтобы он возместил все, что снова взял из банка согласно международному (народному) праву; и, зная, что он очень богат, можно питать некоторую надежду на возмещение потерянного».

А тем временем жизнь города постепенно возвращалась в привычное русло: уже 17 мая открылась первая торговая сессия местной биржи: были заключены значительные (наличные и вексельные) сделки. Особенно много сделок было заключено с Голландией, потому что оттуда пытались привлечь контрагентов для восстановления Гамбургского банка; те же «частные письма» утверждают, что резко вырос спрос (и соответственно цена) на сахар и жильё в Гамбурге⁴⁰. 26 мая городской сенат провёл первое публичное заседание «после ужасных, навечно запомнившихся в истории Гамбурга лет»⁴¹, а на следующий день созвал парламент, который занялся рассмотрением «предложений по улучшению нашей Конституции и слиянию лучшего из нового с хорошим из старого».

Военное руководство в городе сменилось, но оставался вопрос, что делать рядовыми солдатами? Что делать с постояльцами военных лазаретов? Предполагалась их поэтапная эвакуация через Бремен, которая должна была завершиться к концу мая. По сообщениям газет, «французский гарнизон Гамбурга уже начал отход: часть артиллерии прошла через Бремен 26 мая, остальные должны были прибыть 27 мая. Войска ожидалось в [Бремене] в следующие дни: 28 мая – 3600 человек и 813 лошадей, к 30 мая 3400 человек и 400 лошадей, к 1 июня 3000 человек и 682 лошади, к 3 июня 2300 человек и 634 лошади. В общей сложности в те дни удалось эвакуировать около 12309 человек личного состава и 2529 лошадей. Чиновники [профранцузского] правительства и таможенные чиновники, больные, выздоравливающие будут отправлены на Эльбу»⁴². Помимо этого, до того момента, когда последний француз покинет пределы Гамбурга, предполагалось, что все горожане, военные и администрация должны до 25 мая «безотлагательно выплатить свои

Allgemeine Zeitung. – [Электронный ресурс]. – URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00641_u001/1 (дата обращения: 01.11.2022). Сам маршал в своих мемуарах говорит, что «оставил в армейской казне 1718254 франка, которые предназначались для покрытия жалования». См.: Davout L.-N. Op. cit. P. 30. Хольцхаузен ссылается на распоряжение Жерара – нового главнокомандующего 13-ым армейским корпусом – к начальнику банка: «согласно указу из Парижа, он должен заплатить армейскому корпусу к 1 июня из средств оставшегося банковского фонда». Holzhausen P. Op. cit. S. 187.

⁴⁰ Allgemeine Zeitung. – [Электронный ресурс]. – URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00637_u001/1 (дата обращения: 13.11.2022). Рост цен на сахар опирался на надежды на возобновление работы в следующем году важных для горожан сахарных заводов.

⁴¹ Campe E. Op. cit. S. 222.

⁴² Allgemeine Zeitung [Электронный ресурс]. URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00637_u001/1 (дата обращения: 13.11.2022).

взаимные долговые обязательства»⁴³. Отдельным распоряжением создавалось бюро, в котором принимались жалобы от местных жителей на неправомочные действия оккупационного правительства и расквартированной армии (жалобы принимались до 20 июня)⁴⁴. Все эти меры были предприняты для того, чтобы новое французское правительство «под самые священные гарантии» возместило в дальнейшем расходы на французскую армию⁴⁵. Официальную церемонию сдачи города назначили на 30 мая 1814 г.⁴⁶

Важно отметить, что отступление французов проходило далеко не безоблачно: нередки были нападения на колонны возвращающихся во Францию солдат Великой армии, доходило дело и до кровопролития. В своих письмах Э. Кампэ оправдывает «трусливую ярость мелких лавочников» «тайной клятвой мести, <...> из-за привычки французов властвовать и недостойно вести себя по отношению к немцу»⁴⁷. Ярость гамбургцев по отношению к угнетателям (помимо многолетней оккупации города, его разорения и физического уничтожения⁴⁸) разгорелась с новой силой в результате одного инцидента. Когда 1 мая в город прибыл русский парламентёр в сопровождении казака, горожане, заметив их, активно приветствовали аплодисментами и ликованием. Даже после завершения дипломатической миссии и попытки спрятать «гостей города» от глаз толпы, народные овации и не думали прекращаться. Тогда дежурящие у входа в город жандармы набросились на толпу с саблями наголо⁴⁹. Этот акт жестокости со стороны французов вкупе с общим недовольством и усталостью от военных действий побудил местных жителей взять дело возмездия за своё Отечество и за своих близких в свои руки.

---

⁴³ Allgemeine Zeitung [Электронный ресурс]. URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00637_u001/1 (дата обращения: 13.11.2022).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Campe E. Op. cit. S. 217-218.

⁴⁶ Здесь угадывается символизм, отмеченный ещё репортёрами-современниками: «именно в тот день, когда в предыдущем году начались бесчисленные и непоправимые страдания) наступит новое счастье Гамбурга». См.: Allgemeine Zeitung. – [Электронный ресурс]. – URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00637_u001/1 (дата обращения: 13.11.2022).

⁴⁷ Campe E. Op. cit. S. 225.

⁴⁸ Несмотря на то, что Даву сжигал целые районы Гамбурга ради выгодного артиллерийского обстрела, та же Элизабет Кампэ неоднократно даёт своё видение этой проблемы, описывая действия маршала «жестокими, гнусными и кровавыми». С другой стороны, следует учитывать тот факт, что Железный маршал присягал на верность Франции, а не Гамбургу и действовал согласно указаниям Императора.

⁴⁹ См. подробнее: Campe E. Op. cit. S. 207; Holzhausen P. Op. cit. S. 190.

Повторное освобождение Гамбурга Л.Л. Беннигсеном «от когтей самого страшного тирана»⁵⁰ принесло его горожанам неопишущую радость. Однако это торжество обернулось для лояльных французам горожан⁵¹ (а впоследствии любого человека, разгуливающего по узким грязным улочкам города в военной форме⁵²) настоящей травлей. В своей статье «Даву в Гамбурге...» Пауль Хольцхаузен отмечает, что в последний день оккупации – 31 мая 1814 г. – оставшиеся французские солдаты и жандармерия уходили с заряженными ружьями, так как город до этого всё больше полнился слухами различной достоверности о нападении и убийствах французских граждан, на которых набрасывалась «гамбургская чернь в трусливой жажде мести, ища помощи у военных»⁵³.

По итогу почти годовой оккупации (июнь 1813 – май 1814 гг.) население города сократилось вдвое (с 100–128 тысяч в начале 1813 г. до 55–70 тысяч в середине 1814 г.) в результате регулярных насильственных депортаций неимущих и больных из города, эпидемии брюшного тифа, особенно разразившейся в феврале–марте 1814 г., вероломным разграблением гамбургского банка в начале ноября 1813 г. и многого другого. И вновь гамбургцы, как год назад встречали Ф.К. Теттенборна, будут рады видеть в своём городе Л.Л. Беннигсена.

---

⁵⁰ Campe E. Op. cit. S. 230.

⁵¹ Горожан не смущал тот факт, что от подобной почести нельзя было отказаться в условиях военной оккупации и осадного положения.

⁵² Об этом подробно высказался Андрей Раевский в своих мемуарах, оставленных во время визита в Гамбург вскоре, после прибытия туда Л.Л. Беннигсена: «В Гамбурге, как и в Лондоне, военное звание уважается весьма мало: скоро утихло первое волнение обрадованных граждан, скоро привыкло их зрение к мундирам русским, и некоторые безумные мещане, у которых степень достоинства определяется количеством золота, осмелились явным образом оказывать глупую свою гордость, но русские умели смирить их: два или три происшествия, делающие честь имени русскому и унизившие надменность движущихся мешков, победили закоренелый их предрассудок насчет воинов, и особенно насчет воинов Александра». Цит. по: Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 2013. С. 73.

⁵³ По всей видимости, у военных под командованием Беннигсена. См. подробнее: Holzhausen P. Op. cit. S. 190-191.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН ГЛАЗАМИ АРЧИБАЛЬДА ЭЛИСОНА

Д.А. Беспалова¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: dbespalova421@gmail.com

Аннотация. После завершения военных действий на территории Европы были открыты границы, которые позволили многочисленным путешественникам, в том числе англичанам, отправиться во Францию. Цели поездок могли быть самыми различными, но многие по горячим следам старались донести до своих соотечественников картины страны, с которой они столь долго боролись. Одним из таких путешественников был молодой сэр Арчибальд Элисон (1792–1867), юрист, историк и политический деятель Шотландии, посетивший Францию в конце 1814 г.

Ключевые слова: Арчибальд Элисон, литература путешествий, имагология, наполеоновские войны, Реставрация во Франции, воинская честь.

THE FRENCH ARMY DURING THE NAPOLEONIC WARS THROUGH THE EYES OF ARCHIBALD ALISON

D.A. Bespalova

(Saratov, Russia)
e-mail: dbespalova421@gmail.com

Annotation. After the end of the war in Europe in 1814, the borders were opened, allowing numerous travelers, including the British, to go to France. The purposes of the journeys could be very different, but many tried to convey to their compatriots the pictures of the country with which they had been fighting for so long. One such traveler was the young Sir Archibald Alison (1792–1867), a Scottish lawyer, historian and politician who visited France in late 1814.

Keywords: Archibald Alison, travelogue, Imagology, Napoleonic Wars, The Bourbon Restoration, military honor.

Сотрясавшие с 1792 по 1815 гг. почти без перерыва Европу войны породили новую «культуру войны», составной частью которой стало формирование нового образа армии противника или союзника. Источниками формирования этого образа помимо официальной

---

¹ Беспалова Дарья Алексеевна, студентка бакалавриата по направлению подготовки «История» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

пропаганды, рапортов военных и писем с фронта стали заметки тех редких путешественников, которые успели посетить те или иные страны в периоды военного затишья.

Крах империи Наполеона, временная оккупация Франции войсками союзников, реставрация прежней династии Бурбонов, даже весьма мягкие условия Первого Парижского мира стали сигналом для посещения иностранными гражданскими лицами Франции и, особенно, Парижа – места «откуда все началось». Кто-то искал во Франции новые коммерческие возможности, кто-то удовлетворения своего любопытства.

Одним из таких путешественников стал Арчибальд Элисон, юрист, историк и политический деятель Шотландии, известный как автор многотомного сборника по истории Европы, который был несколько раз переиздан и считается одной из первых работ в английской научной среде, посвященной рассмотрению темы Французской революции². Принято считать, что во время путешествия по Франции Элисон и задумал написание этой работы³.

Основные биографические сведения об Арчибальде Элисоне доступны из автобиографии, опубликованной невесткой Элизабет Тайтлер и сыновьями после спуска несколько лет после его смерти в 1883 г. в журнале *The Quarterly Review*⁴.

Сэр Арчибальд происходил из «хорошего рода, будучи по отцовской линии потомком Элисонов из Ньюхолла, а по материнской связан с длинным родом Грегори, прославившихся в науке и литературе»⁵. Ровесник начала эпохи революционных войн Арчи с детства прислушивался к политическому дискурсу. Как пишет один из его биографов, «континентальные войны и восстание в Ирландии стали главными темами разговоров, которые он подслушивал»⁶. В 1800 г. его отец переехал в Эдинбург, чтобы возглавить епископскую часовню в Каутейте. Как заметил Стивен Лесли, переезд был спланирован, чтобы «дать детям лучшее образование»⁷. В Эдинбурге юный

---

² Cannon J.A. *The Blackwell Dictionary of Historians*. Oxford; N.Y., 1988. P. 7.

³ MacLehose J. *Sir Archibald Alison, 1792–1867*. Glasgow, 2012. P. 20.

⁴ Review of Some Account of my Life and Writings: an Autobiography by the late Sir Archibald Alison, Bart / ed. by Lady Alison // *The Quarterly Review*. 1883. № 155. P. 139.

⁵ MacLehose J. *Op. cit.* P. 20.

⁶ *Ibid.*

⁷ Leslie S. Alison, Sir Archibald (1792–1867) // *Dictionary of National Biography*. Vol. 1. N.Y., 1885. P. 287.

Арчибальд часто наблюдал военные маневры на Брантсфилд-Линкс: вот тут (если верить биографам) и зародилось трепетное чувство к военному делу, которое он потом, став отцом, передаст своим детям, которые станут выдающимися военными офицерами. Его дядя – Джеймс Грегори возглавлял медицинскую школу в Эдинбургском университете, в котором учился на юридическом факультете и сам Арчибальд Элисон.

В историографии чаще всего Арчибальд Элисон рассматривается именно как видный адвокат и юрист. Так Джеймс Маклхоз в собрании «Мемуары и портреты ста мужчин из Глазго», отмечая, что его карьера была наполнена огромным количеством захватывающих эпизодов, основное внимание уделяет его работе в качестве шерифа города Глазго⁸. Хотя Джеймс Маклхоз и оговорился, что поездка во Францию «способствовала определению направления будущих мыслей Арчибальда», никаких подробностей относительно этого путешествия не привел⁹.

Арчибальд Элисон окончил университет в 1814 г., но не сразу стал работать адвокатом: в возрасте 21 года он «с братом и друзьями, снабженный рекомендационными письмами»¹⁰, отправился в Париж. Непосредственным результатом поездки стало его первое сколько-нибудь важное литературное произведение «Путешествие по Франции в 1814 – 1815 годах: включая описания проживания в Париже во время пребывания союзных армий, и в Эксе, в период высадки Бонапарта», вышедшее в свет в 1815 г. и переизданное через год.

Второе издание претерпело несколько изменений, Арчибальд воспользовался возможностью исправить неточности перевода, сократить некоторые детали повествования и заменить их «общими наблюдениями о состоянии страны, основанными на его собственных воспоминаниях и воспоминаниях его попутчиков»¹¹. Сегодня историки более или менее уверенно говорят о том, что это «Путешествие» было написано в сотрудничестве с его братом Патриком Фрейзером Тайтлером. Но определить конкретный вклад каждого попутчика Арчибальда Элисона, о которых он, кстати,

---

⁸ Leslie S. Op. cit. P. 21.

⁹ MacLehose J. Op. cit. P. 20.

¹⁰ Review of Some Account of my Life and Writings. P. 139.

¹¹ Alison A. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte. 2 v. Edinburgh, 1816. Vol. I. P. 6.

неоднократно упоминал в книге, представляется весьма затруднительным, если только не предположить, что исправления во второе издание внесены исключительно под их влиянием, а не по собственном рассуждении автора. Но эти отсылки на «сотрудничество» могут быть и простым жестом вежливости за советы и дружескую критику.

По форме (а в большей степени и по содержанию) «Путешествие...» Эллисона – перечень городов и коммун, которые он посетил, и людей, с которыми ему удалось встретиться. Но местами в его сочинении проскальзывают пассажи, дающие нам возможность оценить представления молодого шотландца, мечтавшего в детстве стать полководцем, о Франции, французах и, в частности, о французских военных¹².

В сознании британцев есть свои особенности и традиция в изучении и восприятия образа французской армии. В данном случае можно говорить, о наличии стереотипических характеристик, но интересными являются непосредственно британские травелоги, которые вносят в описание характеристику национальной самоидентификации¹³. Внимание Арчибальда привлекали самые различные сюжеты: от фронтовой повседневности до взаимовосприятия противоборствующих сторон и исторической памяти о войне. Но при этом далеко не все он видел собственными глазами, многое записано со слов его знакомых.

Первая составляющая дискурса Арчибальда Эллисона о французских военных – рассуждения о специфике французского духа. По его словам, «у французов неутомимый, амбициозный, предприимчивый дух, который не сопровождается, как в Англии, чувством личной важности и желанием отдельной личности: у французов он изменен привычками подчиняться деспотической власти и подогнан под влияние беспощадного правительства для подчинения воинской дисциплины»¹⁴.

Арчибальд Эллисон изображает наполеоновскую Францию как своего рода военизированное государство с деспотическим руководством во главе. В своих записях сэр Эллисон ссылается на излюбленное высказывание Наполеона: «Каждый француз является солдатом, и в

---

¹² MacLehose J. Op. cit. P. 23.

¹³ Подробнее об этом феномене британских травелогов см.: Еремин В.С. Образ армии союзников на страницах британских травелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, А.С. Мезина. Саратов, 2021. №22/23. С. 183–196.

¹⁴ Archibald A. Travels in France during the years 1814-1815. Vol. I. P. 204.

таком качестве находится в распоряжении Императора»¹⁵. По мнению Элисона, это высказывание выражает принцип, который прививался и навязывался властями и, в конечном итоге, нашел отражение в характере и привычках французского народа. Неугомонный характер французов и их бушующая энергия, которой не удавалось вырваться столько лет, при Наполеоне смогла преодолеть оковы внутренней темницы, вырваться и сфокусироваться «на военном господстве и национальном величии»¹⁶.

Отношение французов к войне изображается сэром Элисоном почти как страсть, как черта национального характера: «Француз не рассматривает войну как просто серьезную борьбу, в которой должны быть испытаны его патриотизм и доблесть; он любит ее ради нее самой, он любит ее за то чувство и волнение, которое она дает его разуму; это его игра, его слава, его восторг»¹⁷.

Таким образом, в глазах Элисона французы – это превосходные солдаты. Такими они стали благодаря своему характеру, который отличается «беспокойностью, жизнерадостностью и гибкостью»¹⁸, именно такой характер позволил преодолеть им все трудности во время Наполеоновских войн.

Вторая составляющая дискурса Арчибальда Элисона о французских военных касается представления самих французов о своей армии. Он уделяет этому вопросу отдельное внимание. В ходе путешествия, по уверениям автора, он общался с простыми крестьянами, землевладельцами, участниками военных действий. В общении с крестьянами он подмечает, то, как они «глубоко заинтересованы в славе французского оружия»¹⁹. При подробном изучении травелога складывается впечатление, что такие мысли выражает большинство людей, с которыми общался сэр Арчибальд. Один землевладелец у которого не было, по словам Элисона, никакой непосредственной связи с армией и который мало мог рассказать о себе или и о других

---

¹⁵ Archibald A. Travels in France during the years 1814-1815. Vol. I. P. 205.

¹⁶ Ibid. Эти наблюдения Элисона соответствуют мнению Алана Форреста: «Можно сказать, что для французов военная служба это привычное и даже обязательное дело для каждого молодого человека». См.: Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн / Пер. с англ. А.Ю. Терещенко. Под ред. А.В. Чудинова, Н.В. Промыслова. Москва, 2022. С. 176. См. так же: Гладышев А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 151-169.

¹⁷ Alison A. Travels in France during the years 1814-1815. Vol. I. P. 206.

¹⁸ Ibid. P. 205.

¹⁹ Ibid. P. 207.

интересующих автора вопросах, смог в то же время продемонстрировать изумительное знание военной тактики²⁰. Элисон приходит к выводу, что французы гордятся своей армией, и однозначно полагают, что в военном отношении они «не имеют себе равных, по крайней мере, на европейском континенте»²¹.

Третья составляющая дискурса Арчибальда Элисона о военной силе Франции – понятие воинской чести. Хотя Элисон и отдает должное боевому характеру французских солдат, но полагает, что первостепенное значение для них на поле битвы имеет понятие чести. Элисон открыто заявляет, что французские солдаты обладают более сильным чувством чести, чем солдаты почти любой другой страны²². И это чувство настолько сильное, что они будут преодолевать опасности, лишения и бедствия всякого рода с удивительной стойкостью и даже бодростью²³.

Совсем другую характеристику он дает французским офицерам. Арчибальд называет их поведение бесчестным и не имеющим оправдания. Объясняется это тем, что французские офицеры «всю свою жизнь посвятили активному и несправедливому служению; они привыкли смотреть на успех, как на лучший критерий заслуг, и рассматривать привязанность к своим лидерам и их знаменам как единственную обязанность солдат»²⁴. Офицеры, которые смогли продвигаться по карьерной лестнице, принесли с собой на самые высокие должности не более утонченных настроений, чем те, которыми очень часто руководствуются рядовые военнослужащие²⁵. Видимо, карьерные возможности для простолюдинов в армиях Революции и Империи не согласуются с его представлениями об элитарности офицерского корпуса.

Четвертая составляющая дискурса баронета Арчибальда Элисона – сравнение обучения во французской «Ecole Militaire» с военными английскими училищами. В первую очередь обращается внимание на внешний вид солдат и их отношение к армейской субординации. В униформе французов господствует необычайное разнообразие, а в отношении к старшим по званию наблюдается неполноценность, из чего Арчибальд Элисон делает вывод, что будущее

---

²⁰ Archibald A. Travels in France during the years 1814-1815. Vol. I. P. 207.

²¹ Alison A. Travels in France during the years 1814-1815... Vol. I. P. 215.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 216.

²⁴ Ibid. P. 221.

²⁵ Ibid. P. 215.

поколение французской армии можно считать «как недостаточно дисциплинированное»²⁶. Хотя при этом автор оговаривается, что солдаты подчиняются офицерам, исходя из уважения «к их превосходящему интеллекту и знаниям и из уважения к благам службы»²⁷.

Анализируя рассуждения Эллисона, можно прийти к выводу, что французская армия, не смотря на все положительные моменты все же имеет противоречивые черты. Если в начале своего травелога он говорит о сильном чувстве чести, то уже под конец своих заметок он приходит к выводу, что это качество действительно широко распространено среди французов, но все дело в его проявлении. У него возникает вопрос в подлинности этого чувства. Подлинная честь отсутствует так как у солдат нет «чувства ответственности перед своей страной»²⁸. При этом ее отсутствие он находит не только среди солдат, но и среди высшего армейского руководства, которое по его утверждению не обладает «развитым чувством человечности»²⁹.

Помимо рассуждений о французской армии в сочинении мы встречаем описания союзных войск. Во время пребывания в местечке Ла-Фер ему удалось пообщаться с французскими офицерами. После чего сэр Арчибальд дает характеристику: англичанам, пруссакам, австрийцам и, конечно же, русским, основываясь на тех сведениях, которые ему пришлось услышать в разговоре с французами. Об австрийцах он писал: «у них блестящая кавалерия, но пехота ничего не стоит»³⁰. Про русских и пруссаков он пишет весьма обобщенно: армия их умеет воевать и у них хорошие солдаты³¹. Примечательно, что сэр Арчибальд всячески пытался разузнать отношение французов к британской армии. Чаще всего его собеседники уходили от ответа, меняя тему разговора. Но в своем травелоге он выделяет один момент, который ему удалось вычленил из бесед. Действительно французы представляют британскую армию, как достаточно профессиональную, которая хорошо сражается³². Эллисон выделяет ключевое слово, которое французы часто использовали по отношению к британским военным – «loyaute» (верность)³³. Таким образом

---

²⁶ Alison A. Travels in France during the years 1814–1815. Vol. I. P. 224.

²⁷ Ibid. P. 224.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 213.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 213.

французы неоднократно подчеркивали чувство преданности, преобладавшее в строю британской армии.

Интерес вызывает и характеристика русских солдат. Еще во времена наполеоновской пропаганды, опиравшейся на распространенные в предшествующее столетие стереотипические представления о России, российское общество часто изображалось на Западе как дикое, воинственное, склонное к масштабному насилию и грабежу³⁴. В записях Арчибальда Элисона русская армия представлена «очень сильной и суровой, как душа дьявола»³⁵. Характеристика слишком коротка, чтобы ее можно было как-то интерпретировать. Но одно осталось неизменным: все, что связано с Россией имеет в глазах западноевропейца оттенок inferнальности.

Принимая во внимание все выше сказанное, следует констатировать общую тенденцию критичного образа французской армии, представленного на страницах британского травелога. Французская армия предстала перед Арчибальдом Элисоном с разных точек зрения. Особый характер французов помог Наполеону в формировании сильной армии, которая была способна превозмочь все невзгоды. Гражданские лица с уважением и даже восторгом отзываются о героизме своих солдат. Развитое чувство чести французских военных превосходит аналогичное чувство в армиях других государств, но применяется оно на практике не к тому, к чему бы следовало его применить в первую очередь: французам не хватает ответственности перед своей страной. Эллисон подводит читателя к мысли, что военная карьера и почитание императора не должны затмевать ответственность перед народом.

---

³⁴ Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М., 2019; Гладышев А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 163.

³⁵ Alison A. Travels in France during the years 1814–1815... P. 213.

«ДРАЖАЙШАЯ ПЛЕМЯННИЦА» ЛОРДА ВЕЛЛИНГТОНА И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

А.В. Гладышев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются письма племянницы лорда Веллингтона леди Присциллы Бёргерш (Burghersh) своим родным и близким (матери, сестре и отцу) от 1813-1814 г., написанные во время ее путешествия по Европе вместе с мужем, выполнявшим дипломатическую миссию в главной квартире союзников по антифранцузской коалиции. Один из повторяющихся сюжетов в этих письмах – описания русских вельмож и казаков. В письмах совмещены различные уровни восприятия «Другого», от чего образ русского казака выглядит противоречивым или амбивалентным. Когда двадцатилетняя Присцилла передает свои личные наблюдения, то статные красавцы казаки вызывают у нее восторг. Ей нравятся внешний вид казаков, любопытны казачьи песни и обряды. Она даже готова поверить в отчаянную отвагу казаков, перед которыми бегут целые полки противника, и восхищаются обветренным лицом седовласого атамана Платова. Но, когда в сознании непосредственной Присциллы просыпается осмотрительная леди Бёргерш дискурс ее становится насыщен стереотипами казачьего «варварства». Видимо, с чужих слов она повторяет, что воровство – «ремесло» казаков: едва ли она была непосредственной свидетельницей грабежей и разбоев, чинимых казаками. Знакомство с изнанкой войны – страданиями местного населения – меняет интонации ее посланий: на место описаний светского общества в штаб-квартире союзников приходят сетования на усталость от картин различных эксцессов.

Ключевые слова: антропология военной истории, гендерный подход, наполеоновские войны, кампании 1813 и 1814 гг., травелог, А. Веллингтон, П. Бёргерш, образ казака.

LORD WELLINGTON'S "DEAREST NIECE" AND THE NAPOLEONIC WARS

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)

e-mail: gladav2002@mail.ru

---

¹ Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедры региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

Annotation. *The article analyzes the letters of Lord Wellington's niece Lady Priscilla Burghersh to her family and friends (mother, sister and father) from 1813-1814, written during her trip to Europe together with her husband, who carried out a diplomatic mission in the main quarter of the allies in the anti-French coalition. One of the recurring themes in these letters is descriptions of Russian nobles and Cossacks. The letters combine different levels of perception of the "Other", which makes the image of the Russian Cossack look contradictory or ambivalent. When twenty-year-old Priscilla transmits her personal observations, the handsome Cossacks cause her delight. She likes the appearance of the Cossacks, is curious about Cossack songs and rituals. She is even ready to believe in the desperate courage of the Cossacks, before whom whole enemy regiments are running, and admire the weathered face of the gray-haired ataman Platov. But when the osmotic Lady Burghersh wakes up in Priscilla's mind, her discourse becomes saturated with stereotypes of Cossack "barbarism". Apparently, she repeats from hearsay that theft is the "craft" of the Cossacks: she was hardly a direct witness to the robberies and robberies committed by the Cossacks. Familiarity with the underside of the war – the suffering of the local population – changes the intonation of its messages: in place of descriptions of secular society at the headquarters of the allies, complaints about fatigue from pictures of various excesses come.*

Keywords: anthropology of military history, gender approach, Napoleonic wars, campaigns of 1813 and 1814, travelogues, A. Wellington, P. Burghersh, the image of a Cossack.

На стыке антропологического подхода к истории наполеоновских войн и изучения травелогов о войне находится изучение источников личного происхождения, оставленных женщинами – участницами или свидетельницами батальи того времени. Военные историки время от времени и ранее иллюстрировали свои тезисы ссылками на письма или воспоминания женщин, но попытки представить «гендерное измерение войны» как самостоятельное направление предприняты не так уж давно. В сборнике 2010 г. «Гендер, война и политика» исследовательницы обратились к вопросам женского взгляда на патриотизм и гражданский долг в условиях венного времени, к оценке британскими «синими чулками» революционных войн в Америке и Франции, к анализу британской женской литературы в годы Наполеоновских войн²... Но, как сетовали и через десять лет специалисты в этом вопросе, несмотря на всю массу исследований, гендерное измерение войны еще лишь незначительно отразилось на работах военных историков. Речь ведется о желательности

---

² Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1755–1830 / Ed. K. Hagemann, G. Mettele, J. Rendall. Basingstoke, 2010. Подробнее см.: Гладышев А.В. О гендерном подходе к изучению наполеоновских войн // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. М., 2022. С. 264–285.

«более тесной интеграции» труда военных историков и труда исследователей «гендера»³.

Одним из источников такого рода являются письма леди Бёргерш (Burghersh) своим родным и близким от 1813-1814 гг., написанные во время ее путешествия по Европе вместе с мужем, выполнявшим дипломатическую миссию в главной квартире союзников по антифранцузской коалиции.

Речь идет о Присцилле Энн Фэйн (Fane), урожденной Уэлсли-Поул (Wellesley-Pole), графини Уэстморленд (Westmorland) (1793-1879). С 1811 по 1841 гг. она была известна как леди Бёргерш. Присцилла была четвертым ребенком достопочтенного Уильяма Уэлсли-Поула – впоследствии первого барона Мэриборо (Maryborough) и третьего графа Морнингтона – (Mornington) – от Кэтрин Элизабет, старшей дочери адмирала Джона Форбса (Forbes). Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон, был ее дядей.

Присцилла была любимицей Веллингтона. Об отношении Веллингтона к своей племяннице можно судить по переписке между ними, изданной ее дочерью Розой Вейгалл и неоднократно переиздававшейся⁴. Письма Веллингтона «моей дорогой Присцилле» составляют большинство в этой публикации. Веллингтона часто характеризуют как человека достаточно скупого по части излишества чувств, даже бесчувственного. Успех, слава, богатство – с одной стороны, а с другой одинокая личная жизнь. Но его эмоциональная связь с племянницей демонстрирует как раз, что семейная привязанность не прошла мимо него.

Когда Артур Уэсли отправился воевать на Пиренейский полуостров, он взял с собой Джона Фейна (Fane), лорда Бёргерша (Burghersh). Джон Фэйн был сыном Джона Фейна, 10-го графа Уэстморленда (Westmorland) и дочери известного банкира Сары Чайлд (Child). Лорд Бёргерш, 11-й граф Уэстморленд служил под началом Арстура Уэлси еще в Ирландии в 1809 г. Тогда стремительная военная карьера непрямого парламентария (в мае он был майором, а через несколько дней в качестве подполковника стоял «над головами 600 офицеров») вызвала кривотолки и разбирательство на уровне

---

³ Hagemann K. Introduction: Gender and the History of War – The Development of Research // Oxford Handbook of Gender, War and the Western World since 1600 / Ed. K. Hagemann, S. Dudink, S.O. Rose. Oxford, 2020. P. 1-34.

⁴ Correspondence of Lady Burghersh with the Duke of Wellington / ed. Rose Weigall. London: J. Murray, 1903. – 220 p. (Переиздания: 2008, 2016 гг.). В письмах много упоминаний о современной политике, но почти все они о личных делах.

Каслри и закончилась отменой приказа о его назначении подполковником. В ходе пиренейской кампании Бёргерш служил у Уэсли адъютантом⁵.

Вернувшись из Португалии, он стал частым гостем в доме брата лорда Веллингтона, мистера Уэсли Поула и в июне 1811 г. женился на его младшей дочери Присцилле. Лорд Веллингтон был в восторге от этого брака своей любимой племянницы со своим бывшим адъютантом. Эта пара оставалась привязанной к герцогу Веллингтону самыми теплыми узами. У Присциллы и Джона было пять сыновей и одна дочь, но из них остались только Фрэнсис Фейн, 12-й граф Уэстморленд, и леди Роуз Вейгелл (Weigall).

Присцилла Бёргерш известна как опытный лингвист и неплохая художница. Она в свое время получала уроки рисования у художника-портретиста Уильяма Солтера (Salter) и со временем стала его покровительницей. Самая знаменитая картина Солтера «Банкет в Ватерлоо 1836 года» с 83 включенными портретами, была написана с подачи лорда Бёргерша, и, возможно, его жены.

В сентябре 1813 г. Джон Фейн – солдат, политик и дипломат – направлен в штаб союзных армий под командованием принца Шварценберга в Германии в качестве военного комиссара. Он присутствовал во время кампании 1814 г. во Франции, от взятия Лангра до взятия Парижа. 14 августа 1814 г. будет направлен в качестве чрезвычайного посланника во Флоренцию.

Назначение в Берлин супругам не слишком понравилось, лорд Бёргерш предпочел бы остаться служить на родине. Путь из Англии в Германию тогда лежал через Швецию. Супругам расставаться не хотелось, а поездка предстояла не из легких. Молодая двадцатилетняя жена не испугалась и, несмотря на увещевания родных, слабое здоровье и неопытность в путешествиях, решила сопровождать мужа. Главная трудность в подготовке к такой длительной поездке, состояла в замене молодой лондонской горничной Присциллы на более опытную «няньку». Поехать согласилась пожилая француженка мадам Легу (Legoux), которая дружила с матерью Присциллы

---

⁵ Письма Бёргерша отцу и письма ему герцога Веллингтона опубликованы: Westmorland J. Correspondence of Lord Burghersh, Afterwards Eleventh Earl of Westmorland, 1808-1840. London: J. Murray, 1912. Книга выдержала 8 изданий. См. также: Westmorland J. Memoir of the Early Campaigns of the Duke of Wellington in Portugal and Spain. 1820. (10 изданий); Westmorland J. Memoir of the Operations of the Allied Armies: Under Prince Schwarzenberg, and Marshal Blucher, During the Latter End of 1813, and the Year 1814. London, 1822. (12 изданий).

и знала ее с детства. Взяли с собой и слуг-мужчин, и личного секретаря, и лошадей...

Написанные во время этой поездки 43 письма леди Бёргерш будут изданы дочерью Р. Вейгелл⁶. Публикация эта привлекла в свое время внимание историков гораздо меньше, чем переписка с Веллингтоном или письма собственно ее мужа. Письма Присциллы увидели свет гораздо позже, чем письма лорда Бёргерша: издатель уверяла, что причина тому – в нежелании ее матери придавать гласности личные бумаги. Но время для того пришло, когда упоминаемые события стали «историей»⁷.

Как писала Р. Вейгелл, «почти все передовые люди Европы собрались вместе в штаб-квартире союзных суверенов». Но Присцилла не чувствовала себя неловко среди таких выдающихся людей: она с детства привыкла вращаться в самом блестящем обществе, ее дом был одним из мест, где в неофициальной обстановке встречались вполне официальные лица. Видела она и эмигрировавших представителей французской аристократии, в том числе Бурбонов, которые имели связи с ее родственниками. Она в совершенстве знала французский и итальянский и имела общее хорошее представление об актуальных проблемах текущей политики, хотя позднее и признавалась в некоторой поспешности своих выводов⁸.

Один из повторяющихся в различных письмах сюжетов – русские казаки, русский император, русские вельможи.

В письме от 3 декабря 1813 г. из Франкфурта она описывает общество при русской штаб-квартире. Сестер Александра I, великих княгинь Екатерину и Марию, она именует принцессами Турн-и-Таксис, возможно, имея в виду, что их мать, супруга Павла I императрица Мария Федоровна была внучкой принцессы Марии-Августы Турн-и-Таксис... Обе они «по-своему очаровательны», но особое впечатление на англичанку произвела Великая княжна Екатерина Павловна, вдова молодого принца Ольденбургского, за ее «восхитительное выражение кротости». Великая княгиня Мария, супруга принца Веймарского удостоилась более скупой похвалы – «хорошенькая». Эти принцессы Турн-и-Таксис – племянницы английской королевы Шарлотты и сестры королевы Пруссии Луизы, умершей в 1810 году.

---

⁶ Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh (afterwards Countess of Westmorland) from Germany and France during the campaign of 1813-14 / ed. Rose Weigall. London : J. Murray, 1893. (Переиздание 2009 г.).

⁷ Weigall R. Preface // Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 6.

⁸ Ibid. P. 6-8.

Это, помимо Присциллы, были единственные дамы в здешнем обществе, естественно им приходилось часто видеться⁹. Родня Уэлсли-Полула и Джона Форбса могла не волноваться – Присцилла вращалась в аристократических кругах. Присцилле понравилось обедать у посла Англии в Пруссии Чарльза Стюарта, 3-го маркиза Лондондерри, воевавшего еще под началом ее дяди Артура Уэлсли: «меня представили двадцати пяти мужчинам, всем здешним шишкам, которые вершат судьбы мира!» Здесь и Шварценберг, и Меттерних, и Гарденберг... На следующий день обед дал Джордж Каткарт, на следующий – посол Великобритании в Австрии лорд Джордж Гамильтон Гордон Абердин... Присцилла немного кокетничает: «Подумайте, как странно для меня быть единственной женщиной за столом с пятнадцатью-тридцатью мужчинами! Сначала я находила это ужасным, но затем совершенно привыкла: я такая редкая птица, что со мной все возятся».

Присцилла в восторге от парада Собственного Его Императорского Величества Конвоя: «невозможно представить себе более великолепное зрелище, чем телохранители императора». Все казаки самые высокие и очень красивые... Император России, император Австрии, король Пруссии, – все вместе прибыли на парад верхом, за ними следовала толпа генералов и офицеров, все в парадных мундирах, с орденами – прекрасное зрелище. После парада состоялась обедня: «Это очень необычно и очень красиво». Пение русских воинов неопишимо, все голоса басовые, но поют ладно и сдержано. Это был первый раз, когда Присцилла увидела этих королевских особ. Тем лучше, что ее тоже заметили и пригласили на обед к Шварценбергу!

Конечно, нужно принимать во внимание адресат Присциллы: она пишет не герцогу Веллингтону, который, якобы, столь ценил ее мнение о политике, а матери или сестре. Информацию о «великих особах» она сообщает словно речь идет о знаменитых скакунах. Император России разочаровал ее, оказавшись похожим на знакомого дантиста: плечи прекрасные, но в целом сложен он плохо, держится с наклоном вперед, и все приближенные подражают этой манере. Император Австрии – вообще сморщенный старик, а вот король Пруссии хорош! «Я никогда не видела более интересного человека»: несмотря на то, что он не красавец, во всей его фигуре есть солдатская стать, а меланхолическое выражение лица интригует. Среди

---

⁹ Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 109.

перечня поразивших Присциллу особ нашлось место и атаману Платову, с его обветренным лицом, изображения которого она уже видела в Лондоне. Описаниям Баркляя де Толли, Чернышова, Милорадовича или великого князя Константина внимания в письме уделено меньше, чем той лошади, которую ее семейству одолжил посол Чарльз Стюарт.

Что касается военной кампании, то Присцилла передает слухи о победе Веллингтона во Франции у реки Нивель 10 ноября 1813 г. В этой связи, якобы, Платову даже предложили отправиться с 1500 казаками через Францию и встретиться с лордом Веллингтоном. Если бы этому проекту дали ход, то казаки, несомненно, его бы реализовали: «они все умеют, а их все так бояться, что от горстки казаков бежит целый полк». В то же время, уверяет леди Бёргерш, казаки – ужасные воры: они крадут все, что увидят, и вы постоянно наблюдаете, как они самым наглым образом ведут за собой двух или трех лошадей, нагруженных добычей¹⁰.

В письме матери от 10 декабря 1813 г. из Франкфурта она возвращается к характеристике полководцев армии союзников. Большое впечатление на нее произвел Блюхер, хотя он очень плохо говорил по-французски, а Присцилла по-немецки вообще никак. Для нее он образец прекрасного старого героя, чья красота может быть сравнима лишь с красотой другого старого вояки – атамана Платова. Конечно, матушка должна была слышать об этом казачьем атамане, который для одних величайший воин, красавец и богатырь, а для других – величайший разбойник и самый отвратительный фанфарон, которого когда-либо видел свет¹¹.

15 декабря 1813 г. из Фрейбурга в письме сестре Присцилла описала «страшный» случай, который произошел с ней накануне. Поздно вечером на почтовой станции муж неосторожно оставил ее одну, а она, не понимая, в какую дверь идти, попала на кухню, что вызвало возмущение хозяйничающей здесь старухи. Ругаясь громко по-немецки, старуха схватила Присциллу за руку и вытолкала ее, несмотря на все сопротивление, из кухни в другую комнату, где ужинали четыре казачьих офицера... Конечно, тут любой бы испугался! Хорошо, что один из офицеров заговорил по-французски. Присцилла умоляла его выйти на ночную улицу и посмотреть, где ее муж. Но тут другой учтивый офицер признал в ней даму, которую он видел на улицах Франкфурта и «которая столь украшала собой нашу

¹⁰ Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 109-115.

¹¹ Ibid. P. 125.

штаб-квартиру». Когда муж вернулся, он нашел жену сидящей за одним столом с лучшими друзьями. Конечно, Присцилла никогда еще не ужинала с четырьмя незнакомыми мужчинами. Да еще с русскими казаками. Хорошо еще, что с ней не было мадам Легу, которая, несмотря на всю ее храбрость в других отношениях, ужасно боялась военных, особенно этих «уродливых казаков»¹². Действительно, просто страшно подумать, как бы пошло дело, окажись тогда мадам Легу рядом!

Страхи перед казаками, кажется, развеялись. Присцилла как само собой разумеющееся восприняла назначение Шварценбергом ей в личную охрану двух казаков. Судя по ее письму отцу от 22 декабря из Лорраха, это ее успокоило¹³. 10 января 1814 г. из Базеля в письме матери она с надеждой смотрит на развивающуюся кампанию: Веллингтон побеждает, казаки Платова уже в Нанси и скоро установят с ним связь через юг Франции¹⁴.

14 января 1814 г. из Базеля, где тогда расположилась штаб-квартира союзников, Присцилла опять шлет сестре восторги относительно внешнего вида казаков. Видимо, ей опять попалась на глаза охрана Александра I. Она уверяет, что, как бы это не показалось смешным солдатам, в большинстве русских полков есть своя изысканность и кокетство (*recherche and coquetterie*), что делает величественным их зрелище. Их вычищенные и ухоженные мундиры довольно красивы. А сами они еще красивее! Кажется, Присцилла уже повторяется: казаки императорской гвардии – отборные мужчины, первые красавцы империи. Их отбирают из самых высоких мужчин, каких только можно найти в России. Мундиры их снабжены специальной подкладкой, чтобы визуально расширить грудь и плечи, поэтому они и выглядят как выточенные статуи. Сестра должна поверить: «Не думайте, что я преувеличиваю, здесь все в восторге от них. Пруссаки – прекрасные войска, и, вероятно, гораздо лучше, как войска, но на них невозможно смотреть после русских»¹⁵.

22-28 января штаб-квартира Александра I располагалась уже на территории Франции, в Лангре. Супруги Бёргерш были здесь же. Присцилла сообщала, что 24 января состоялось сражение к юго-востоку от Бар-сюр-Об между австро-вюртембергскими войсками наследного принца Вюртембергского и частями французского

---

¹² Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 130.

¹³ Ibid. P. 142.

¹⁴ Ibid. P. 161.

¹⁵ Ibid. P. 163.

маршала Мортъе, которые обороняли переправы через Об. Успех был на стороне союзников: австрийцы потеряли около 800 чел., а французы – 2 000 чел. и отступили. 27 января Присцилла, якобы, уже гуляла по этому городу, сожалея, что «никого не видно»: горожане позакрывали свои лавки из-за опасения быть ограбленными. Леди Бёргерш резюмирует: местные страшно боятся казаков, и не без причины, ибо грабеж для них – система по отношению и к врагам, и к друзьям¹⁶.

Аналогичные интонации, когда речь пусть и мимолетно заходит о казаках, звучат в ее письме матери от 8 февраля из Труа. Присцилла пишет, что страна совершенно истощена, в местности, через которую они проезжали, совершенно не осталось пищи. Несмотря на все старания командиров для предотвращения грабежей, невозможно удержать войска от всякого рода эксцессов, ведущих к полному разорению несчастного народа. Действительно, сцен страданий, свидетелем которых можно стать, достаточно, чтобы разбить сердце, и, что хуже всего, от этого нет лекарства. Государи союзных держав позиционируют себя по отношению к местному населению крайне гуманно и благонамеренно, но относительно казаков это вообще бесполезно, так как они не знают закона: «я сыта по горло войной и ее ужасами»¹⁷.

Та же мысль повторяется и в письме отцу из Труа от 13 февраля. Леди Бёргерш полагает, что общему доброму делу освобождения Франции от узурпатора могут повредить «ужасные бесчинства», совершаемые войсками. Несмотря на большие старания и очень строгие приказы всех командиров, они не могут поддерживать дисциплину. Если так будет продолжаться, то можно предположить, что если у французов осталась хоть искра энергии, то они попытаются отомстить сами за себя. Дисциплина очень хорошо поддерживалась, пока мы не прибыли в Лангр, войска повсюду принимались как друзья и избавители, но в Лангре они встретили первое сопротивление, прозвучало несколько выстрелов... Виноваты в этом, по ее мнению, не регулярные части, а казаки: к чести русских и прусских войск, на них не поступало никаких жалоб. Это казаки все воруют и грабят, это их ремесло. Но также в эксцессах замечены баварцы, вюртембергцы

---

¹⁶ Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 178.

¹⁷ Ibid. P. 197. О ситуации в Труа см.: Гладышев А.В. «Свои» и «чужие» в Труа в феврале 1814 года // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 19. С. 17-55.

и, к сожалению, некоторые австрийцы¹⁸. Леди устала от созерцания сцен страданий и надеется как можно скорее покинуть Труа. При этом в ее поездке из Труа в Шатильон, а из Шатильона в Шомон Присциллу по-прежнему охраняли те же казаки и гусары¹⁹.

Больше она в своих письмах о казаках не писала, ее больше волновали сцены покоренного Парижа. Образ казака в том виде, в каком он нашел отражение в ее письмах за 1813-1814 гг. отцу, матери, сестре отличает амбивалентность. Личные наблюдения за статными казаками из конвоя Александра I вызывают у двадцатилетней женщины неподдельный восторг. После пары комплиментов она быстро адаптируется к компании казачьих офицеров; ей нравятся внешний вид казаков, любопытны казачьи песни и обряды. Она даже готова поверить в отчаянную отвагу казаков, перед которыми бегут целые полки противника, и восхищаться обветренным лицом седовласого атамана Платова. Едва ли Присцилла была непосредственной свидетельницей грабежей и разбоев, чинимыми казаками. Она могла видеть казаков, ведущих за собой несколько лошадей с поклажей, но сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Тем не менее, когда в сознании непосредственной Присциллы просыпается осмотрительная леди Бёргерш, дискурс становится насыщен стереотипами казачьего «варварства»²⁰. Видимо, с чужих слов она повторяет, что воровство – «ремесло» казаков. Знакомство с изнанкой войны – страданиями местного населения – меняет интонации ее посланий: на место описаний светского общества в штаб-квартире союзников приходят сетования на усталость от картин различных эксцессов.

---

¹⁸ Westmorland P.A. The letters of Lady Burghersh. P. 207-208.

¹⁹ Ibid. P. 234.

²⁰ Подробнее см.: Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М., 2019.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ
«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЕ В 1884–1905 ГГ.

М.В. Лаврентьев¹

ПАГС имени П.А. Столыпина
e-mail: geo3716@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена актуальным аспектам содержания членов партии «Народная воля» в Шлиссельбургской политической тюрьме в 1884–1905 гг. Автор отмечает, что на начальном этапе заключения отношения к арестантам и условия их содержания были самыми плохими. Однако в дальнейшем, ценой гибели большего количества заключенных, удалось добиться лучшего содержания.*

Ключевые слова: История России, «Народная воля», Шлиссельбург, пенитенциарная система России.

CONDITIONS OF DETENTION OF MEMBERS OF
THE NARODNAYA VOLYA PARTY IN THE SHLISSELBURG
POLITICAL PRISON IN 1884-1905

M.V. Lavrentev

(Saratov, Russia)
e-mail: geo3716@yandex.ru

Annotation. *The article is devoted to topical aspects of the detention of members of the Narodnaya Volya party in the Shlisselburg political prison in 1884-1905. The author notes that at the initial stage of the detention, the attitude towards the prisoners and the conditions of their detention were the worst. However, in the future, at the cost of the death of more prisoners, it was possible to achieve better content.*

Keywords: History of Russia, «Narodnaya Volya», Shlisselburg, penitentiary system of Russia.

Борьба партии «Народная воля» против самодержавия окончилась тяжелым поражением. Пять главных участников царубийства окончили жизнь на эшафоте, а остальных революционеров ждали эмиграция, тюрьма, каторга и ссылка. Одним из мест заключения членов партии «Народная воля» стала старая Шлиссельбургская крепость, превратившаяся в Шлиссельбургскую политическую тюрьму

---

¹ Лаврентьев Максим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (Саратов).

и ставшая местом заключения, а в некоторых случаях и местом казни, для более чем полусотни «отъявленных революционных злодеев».

Условия содержания узников в Шлиссельбургской тюрьме делятся на два этапа. Первый этап - с 1884 по 1889 гг. - характеризуется строгим выполнением инструкции, созданной для содержания заключенных Департаментом полиции. В это время произошло массовое вымирание узников, случаи самоубийства, голодовка политзаключенных, оставшихся в живых, в 1889 году. Второй этап - с 1890 по 1905 гг. - отличается некоторым улучшением условий заключения узников ценой гибели многих революционеров. Мы остановимся преимущественно на условиях содержания узников с 1884 по 1889 гг., так как здесь наиболее показательное действие тюремной инструкции.

Новая тюрьма была выстроена с использованием всех лучших достижений тогдашних наук о тюрьмах. С собой она представляла «здание из красного кирпича: два этажа, подслеповатые окна и две высокие трубы на крыше - ни дать ни взять какая-нибудь фабрика»². Практически все мемуаристы отмечают, что Новая тюрьма была похожа на производственное здание, «фабрику» для уничтожения узников. Внутри здания «два этажа не разделены ничем, кроме сетки и узкого бордюра, который в виде балкона проходит вдоль ряда камер верхнего этажа. Благодаря такому устройству вся внутренность тюрьмы, все сорок железных камер видны сразу»³. Сетка была устроена для того, чтобы заключенные не могли покончить жизнь самоубийством, упав со второго этажа вниз. В.Н. Фигнер вспоминала: «Однажды, когда я была наказана и меня вели в карцер, я видела ее при ночном освещении. Небольшие лампочки, повешенные по стенам, освещали два этажа здания, разделенных лишь узким балконом и сеткой. Эти лампы горели, как неугасимые лампы в маленьких часовнях на кладбище, и сорок наглухо замкнутых дверей, за которыми томились узники, походили на ряд гробов, поставленных стоймя»⁴.

Каждого узника содержали в отдельной одиночной камере. Камера представляла собой небольшое помещение «в 2,8х3,5 м. Довольно большие окна имели высокий покатый подоконник и могли

---

² Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 8; Новорусский М.В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933. С. 56; Волкенштейн Л.А. 13 лет в Шлиссельбургской крепости. СПб., 1905. С. 36.

³ Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Там же. С. 13.

быть открываемы; потом их забили гвоздями наглухо и сделали сверху открывающуюся фрамугу... Стекла, прозрачные, но струйчатого строения, хорошо пропускали свет, видеть же, что творится на дворе, не позволяли. Потолок - сводом, стол со стулом напоминали ученическую парту, - это тоже потом переделали; в стену вогнали два толстых штыря (для стола побольше, для стула - поменьше) и подперли их железными полосами. Тут же у стола помещался кран с водой, под ним раковина, а дальше в углу стульчик с конусом с крышкой. <...> Напротив стола на противоположной стене, на шарнирах вертелась железная кровать с матрацем и подушкой; эту кровать можно было и опускать и запирать на замок, приложив с матрацем и подушкой к стене. Пол асфальтовый, шершавый, впоследствии был окрашен желтой, масляной краской и представлял обычный вид хорошего, деревянного окрашенного пола. Отопление паровое; в камере в углу помещался круглый с ребрами калорифер. Хорошо была устроена и вентиляция, но ее скоро испортили, сломав все заслонки. <...> Были заделаны кирпичом и углы в камере. Жандармы, глядя в глазок, не могли видеть, что творится в этих углах, а некоторые нарочно становились туда, когда им надоедало назойливое заглядывание. При размерах 4х5 аршин ходить по камере было очень утомительно и приходилось, чтобы выгадать один шаг, прыгать в углу»⁵. Вдобавок позже камеры «выкрасили пол черной масляной краской; стены вверху - в серый, внизу почти до высоту человеческого роста - в густой, почти черный цвет свинца»⁶.

Сохранились и свидетельства заключенных о характере питания в тюрьме. «Пища была недоброкачественная - горячее без навару со следами мяса, каши и масла чуть - чуть, постная похлебка из гнилых снетков, грибные щи с минимальным числом капусты и грибов, жидкий горох с плавающими червями»⁷. Л.Ф. Янович вспоминал: «...среда и суббота были постными днями, в эти дни нам давали на обед гороховый суп или грибной суп. В последнем я часто находил червей, и понятно не мог его есть»⁸. Конечно, жандармы не делали разницы между больными и здоровыми заключенными. Например, Д.Т. Буцинский - «страдавший от ужасных желудочных болей (у

---

⁵ Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. М., 1932. Т. 2. С. 166-168.

⁶ Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 12, 13.

⁷ Ашенбреннер М.Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924. С. 101-103.

⁸ Шлиссельбуржец Л. Янович. Биография, из воспоминаний, о юности, о процессе, о Шлиссельбурге; письма из ссылки; приговор. СПб., 1907. С. 32.

него был рак желудка), ел то же, что и здоровые...»⁹. Пища была однообразна и лишена необходимых для организма витаминов. Практически все шлиссельбуржцы переболели цингой. Например, М.П. Шебалин писал: «Сначала она (пища - М.Л.) не производила на меня отталкивающего впечатления. Ел я ее исправно, несмотря на обилие тараканов (молодых) в ужине преимущественно. В обеденное горячее вся эта тараканья молодежь, очевидно, не успевала забираться в таком количестве. Ужин же состоял из разогретого обеденного блюда. Но года через два - три мне просто опротивела сначала размазня с постным маслом, потом суп со сметками, затем в последовательности: пшенная каша, ячменная каша, борщ - свекольник, суп картофельный, щи, и, наконец, гречневая каша. Под конец, т.е. незадолго до введения нового улучшенного меню, я ел только выловленные кусочки мяса, две - три ложки какого-нибудь из менее опротивевших мне блюд и черный хлеб. Желудок работал исправно, но я стал замечать сильное ослабление и должно быть, нажил цингу, если бы положение не улучшилось»¹⁰.

Борьба заключенных за лучшие условия содержания увенчалась успехом. С 1890 г. после введения огородов узники получили возможность самостоятельно выращивать продукты питания, овощи, фрукты и тем самым разнообразили свой пищевой рацион. Более того, была повышена сумма расходов на одного заключенного - с 11 копеек до 70 копеек в день. Все это было добыто ценой жизни многих арестантов.

Распорядок дня в тюрьме практически не изменился за 20 лет. Подъем был в 6.30 или в 7.00 часов утра. В 8.00 начинался завтрак, затем «свободное» время, в 12.00 - обед, в 16.00 - чай и в 18.00 ужин. Ложились спать в 21.00 (зимой) или в 22.00 (летом)¹¹. До обеда или после обычно происходили прогулки, первоначально по 15 минут. С 1885 г. была введена прогулка вдвоем. Так, например, вспоминала об этом В.Н. Фигнер: «...14 января (1886 г. - М.Л.), когда меня привели на прогулку и дверь в вагончик, который мы называли первой «клеткой», отворилась, я неожиданно увидела фигуру в нагольном полушубке, с холщовым платком на голове, которая быстро заключила меня в свои объятия, и я с трудом признала, что это Волкенштейн»¹².

---

⁹ Колосов Е.Е. Государева тюрьма Шлиссельбург (по официальным данным). М., 1930. С. 84.

¹⁰ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 84.

¹¹ Фроленко М.Ф. Указ. соч. С. 177.

¹² Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 25.

Для прогулок были устроены небольшие огороженные помещения во дворе, заключенные называли их «стойлами». «На дворе около тюрьмы сделано было шесть небольших помещений, в длину около 18-20 шагов. Высокие, деревянные, с двойными стенками, заборы или по радиусам от центра к крепостной стене и упирались и в нее, и в деревянный забор. Над центром возвышалось крытое помещение, там находился жандарм для наблюдения. В стойла насыпали так много песка, что ноги уходили в него и не слышно было гуляет ли кто по соседству»¹³. Этот песок заключенные должны были перебрасывать с места на место, чтобы таким методом, по мнению начальства, восстанавливать свои силы.

Каждую неделю узников подвергали обыску, не исключая и женщин (правда в течение первых трех лет). По воспоминаниям В.Н. Фигнер: «Мужчин гнусным образом обыскивали жандармы, а меня водили в пустую камеру, в которой ждала специально позванная для этого женщина. Одну за другой она снимала с меня часть одежды и через полуотворенную дверь передавала в коридор жандармам»¹⁴. Лишь со временем, по неизвестной причине, узников перестали подвергать такой процедуре.

Для непокорных заключенных был создан карцер, точнее под карцер использовались десять камер Старой тюрьмы. Например, по инструкции 1884 г. за незначительные проступки «назначаются наказания: 1) лишение чая, 2) лишение матраца на койке, 3) заключение в карцер до пяти дней, 4) заключение в темном карцере на такое же время на хлебе и воде»¹⁵. За более значительные нарушения «назначаются наказания: 1) заключение в карцере до 8-ми дней, 2) заключение в темном карцере на такое же время с содержанием на хлебе и воде с наложением оков»¹⁶. Нужно прибавить к этому то, что заключенные спали в карцере на голых досках и на полу.

Единственной доступной радостью для узников в первые годы заключения были книги. Они входили в список разрешаемых лишь по велению начальства вещей. Со временем узники отвоевали себе право собирать библиотеку, и даже некоторую регулярную сумму выделял Департамент полиции.

---

¹³ Фроленко М.Ф. Указ. соч. С. 168.

¹⁴ Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 48-49.

¹⁵ Инструкция (для заключенных в Шлиссельбургской крепости) // Былое. 1906. № 3.

¹⁶ Там же.

С 1890 г. положение изменилось. Долгая и упорная борьба за свои права принесла узникам успех. В качестве иллюстрации приведем строки из доклада полковника Каирова, ревизовавшего крепость после того, как В.Н. Фигнер, 2 марта 1902 г., нанесла оскорбление действием смотрителю. Каиров писал, что «арестанты никаким дисциплинарным взысканиям за свои проступки никогда не подвергаются. Отдельных карцеров в тюрьме нет, а в одной камере в окне сделана ставня, которую можно запирает для того, чтобы образовать из нее карцер, да и эта камера занята библиотекою...»¹⁷. Больше того, после завтрака «напившись чаю, арестанты, кто желает, идут на работу или прогулку, а другие остаются в камерах, где работают или читают. <...> В новой тюрьме каждый арестант имеет две камеры. В верхнем этаже, они живут, обедают и спят, а в нижнем каждому из них отведена другая камера для работ. <...> В течение целого дня, кроме обеденного времени, они свободно ходят в Новой тюрьме с верхнего этажа на нижний, в рабочие камеры или из одной тюрьмы в другую...»¹⁸.

Подобные нарушения инструкции были так ужасающи для жандармского начальства, что со своих постов полетела вся администрация крепости. Попытались восстановить действие инструкции 1884 года в полном объеме, но вовремя опомнились, так как это грозило массовой гибелью уже не молодых узников. До временного закрытия тюрьмы в 1905 г. положение арестантов оставалось практически неизменным.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что Департамент полиции сознательно создавал такие условия заключения для узников Шлиссельбурга, чтобы многие из них как можно скорее умерли в стенах этой крепости, но упорная борьба заключенных привела к относительному смягчению условий их содержания.

---

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 159. Л. 28-29.

¹⁸ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 151.

ИРАНО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ВО ВЗГЛЯДАХ АЯТОЛЛЫ ХОМЕЙНИ
(1979-1980 ГОДЫ)

А.В. Баранов¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: baranovav@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу эволюции взглядов аятоллы Хомейни касательно его концепции «Исламского пробуждения» под влиянием взаимоотношений Ирана с Ираком в первые постреволюционные годы. Исламская революция в Иране вызвала неоднозначную реакцию у региональных правительств, усмотревших в ней признаки «шиитской экспансии». В эпицентре противостояния революционному Ирану оказался Ирак, где в 1979 году произошли события, связанные с установлением единоличной власти Саддама Хусейна. В своей политике по устранению и подавлению внутренней оппозиции, одной из жертв стали иракские шииты, в лице аятоллы Мохаммада Бакира ас-Садра поддержавшие Исламскую революцию в Иране. Массовые репрессии по конфессиональному принципу в Ираке весной 1979 и 1980 годов, привели к формулированию аятоллой Хомейни принципа «защиты/обороны» ислама силовыми методами от покушения со стороны тиранического режима силами иракского народа по примеру действия иранского народа в период антишахского движения 1978-1979 годов.*

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Исламская революция, Исламское пробуждение, ирано-иракская война, «священная оборона».

IRAN-IRAQ RELATIONS
IN THE VIEWS OF AYATOLLAH KHOMEINI
(1979-1980)

A.V. Baranov

(Saratov, Russia)

e-mail: baranovav@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the evolution of Ayatollah Khomeini's views regarding his concept of "Islamic Awakening" under the influence of Iran's relations with Iraq in the first post-revolutionary years. The Islamic Revolution in Iran caused a mixed reaction from regional governments, who saw signs of "Shiite expansion" in it. Iraq was at the epicenter of the confrontation with revolutionary Iran, where events related to the establishment of the sole power of Saddam Hussein took place in 1979. In their policy of*

---

¹ Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока».

eliminating and suppressing internal opposition, one of the victims were Iraqi Shiites, in the person of Ayatollah Mohammad Bakir al-Sadr, who supported the Islamic Revolution in Iran. Mass repressions on the confessional principle in Iraq in the spring of 1979 and 1980, led to the formulation by Ayatollah Khomeini of the principle of "protection/defense" of Islam by force from an assassination attempt by the tyrannical regime by the forces of the Iraqi people, following the example of the actions of the Iranian people during the anti-Shah movement of 1978-1979.

Keywords: Iran, Khomeini, Islamic Revolution, Islamic Awakening, Iran-Iraq war, "sacred defense".

Конфликт между Ираком и Ираном, длившийся восемь лет – с 1980 по 1988 год, и унесший от половины до миллиона жизней с обеих сторон², по признанию экспертов должен был закончиться как минимум в 1982 году, когда иракские войска были выведены с большей части территории Ирана. Однако вместо прекращения войны, Иран принял решение о ее продолжении уже на территории противника. Во многом данный шаг был продиктован волей Лидера исламской революции (рахбара) аятоллы Рухоллы Хомейни, так как прекращение войны с режимом Саддама Хусейна не вписывалось в разработанную концепцию «священной обороны» (перс. дефа-и мокаддас - دفاع مقدس), окрашенную в религиозные тона и ставшей идейным обоснованием борьбы до победного конца.

Можно согласиться с выводами, сделанными в работе Мейсама Таебипура³, который, проанализировав обращения аятоллы к иракскому народу в годы ирано-иракской войны, пришел к заключению, что для обозначения войны Ирана против Ирака, Хомейни чаще использовал термин «оборона» (перс. дефа - دفاع), так как «война» (перс. джанг - جنگ) между исламскими народами запрещена Кораном. Характерно, что данный термин фактически не фигурирует в работах российских исследователей о внешней политике ИРИ в период ирано-иракской войны⁴, которые следуют в рамках «западной»

---

² Кулагина Л.М. Внешнеполитический курс ИРИ в условиях ирано-иракской войны // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 401; Amjad M. Iran: from royal dictatorship to theocracy. N.Y., 1989. P. 153; Kamrava M. The Modern Middle East. LA, 2005. P. 183.

³ Tayebipour M. Ayatollah Khomeini: Through the Lens of the Iran-Iraq War. N.Y., 2023. 239 p.

⁴ См. например: Ниязатов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989. 174 с.; Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир (1979-1998 гг.). М., 1999. 210с.; Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М., 2002. 768 с.; Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.) М., 2012. 384 с.

историографии⁵, предпочитая говорить исключительно в терминах «экспорта исламской революции».

Для анализа формирования концепции «священной обороны» потребовалось привлечь речи, выступления, обращения и беседы аятоллы Хомейни, собранные и опубликованные Институтом по сбору и публикации трудов имама Хомейни в Тегеране, которые составили, в общей сложности, 22 тома⁶. Расположенные в хронологическом порядке материалы, облегчили анализ появления и эволюции данной концепции, что дает возможность проследить ход размышлений аятоллы Хомейни над данной проблемой, которая стала, де-юре, идейным обоснованием возможности силового распространения идей Исламской революции за пределами собственных границ Ирана.

Ирак по многим параметрам, действительно занимал особое место в политике ИРИ после революции. Прежде всего, на Ирак приходится самая многочисленная шиитская община за пределами Ирана. Согласно статистике, по разным подсчетам, доля шиитов варьируется от 55 до 60% от численности населения, причем среди арабов шиитов насчитывается около 80%⁷. К тому же не менее, а даже большее, значение имеет тот факт, что на территории Ирака находятся почитаемые святыни шиитов – мавзолеи шести из двенадцати праведных имамов в городах Неджеф, Кербела, Казимейн и Самарра. Тогда как, собственно, в Иране находятся мавзолеи только одного праведного имама Али ар-Резы в городе Мешхед. Остальные, как известно, похоронены в Медине. На территории Ирака расположено одно из самых уважаемых высших богословских учебных заведений среди шиитов – хауза аль-Ашраф в Неджефе, являвшаяся одним из центров шиитского богословия. Да и как признался сам аятолла Хомейни, выступая перед иностранными послами 11 февраля

---

⁵ См. например: Mannetti L. Iran and Iraq: nations at war. N.Y., 1986. 91p.; Hiro D. The longest war: the Iran-Iraq military conflict. N.Y., 1991. 376p.; Williamson M, Woods K.M. The Iran-Iraq War : a military and strategic history. Cambridge, 2014. 410 p.; Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. Hachette, 2017. 460 p.

⁶ Khomeini, R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 vols. Tehran, 2008.

⁷ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2008. С. 128.

1981 года: «Если вы изучите историческую подоплеку, вы поймете, что вопреки пустым заявлениям Саддама Ирак был частью Ирана»⁸.

Согласно своему первому воззванию после победы Иранской революции, 12 февраля 1979 года, аятолла Хомейни объявил ее исламской, заявив, что это – «великая победа ислама»⁹. Однако иранский народ лишь в начале большого пути, сопряженного с дальнейшей борьбой. Окончательная победа будет возможна только при сохранении единства между всеми слоями общества. Хомейни отвергает конфессиональные различия между шиитами и суннитами. Для него приверженцы этих направлений ислама являются «мусульманами, братьями», которые едины и не делимы. По словам аятоллы, в Иране будет построено общество, в котором будут уважаться все религиозные меньшинства, и в котором не будет «никакого вопроса, названного суннитско-шиитским вопросом»¹⁰.

Исламский характер Иранской революции и принцип религиозного братства суннитов и шиитов сразу стали ведущими лозунгами, провозглашенные аятоллой Хомейни. Развивая свою мысль о единстве мусульман, он отрицает и разделение по национальному принципу: «Ислам так повелел, что мусульмане, из какого бы племени они ни были, являются братьями. Быть арабом, не арабом, курдом или турком - это не проблема»¹¹.

Хомейни признает фактическую слабость революционного Ирана, который «обладает лишь незначительным количеством материальной силы» для поддержки освободительной борьбы палестинского народа против «сатанинской силы» в лице Израиля¹². Однако, признается он в своей беседе с Ясиром Арафатом 17 февраля 1979 года, Иран обладает огромной духовной силой, показав пример как можно и нужно бороться «кулаками и кровью», чтобы одержать победу над сатанинскими силами и сверхдержавами. Мало того, в разговоре с советским послом В. Виноградовым, 24 февраля 1979 года, Хомейни уверяет, что иранский народ «полон решимости бороться

---

⁸ Refusal to oppression and struggle against oppression // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 72.

⁹ Rising for the reconstruction of Iran // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 117.

¹⁰ Ibid. P. 119.

¹¹ Negation of ethnic inclinations among Muslims // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 355.

¹² Triumph of faith over satanic powers // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 159.

до конца с любой силой, которая вмешивается в дела нашей страны». Иран больше никогда не допустит, чтобы над ним осуществлялось чье-либо господство. И полагаясь на священные заповеди Корана и следуя руководству пророка Мохаммеда, народ продолжит идти избранным маршрутом по пути к свободе и независимости¹³.

После провозглашения Исламской Республики Иран, аятолла Хомейни, принимая иностранные делегации Палестины, Ливии, Ирака и Египта, 6 апреля 1979 года объявил Иран страной, ставшей в «авангарде и одержавшей верх над сверхдержавами»¹⁴. Теперь настала очередь для «пробуждения» и всех остальных региональных стран, чтобы «превратить нас в мусульман, подобных тем, кто был на заре ислама, и наши народы должны быть подобны раннему исламскому сообществу, когда мусульмане были чистой веры, а их сила исходила от их веры и ислама»¹⁵. Хомейни признается, что более 15 лет он призывал арабские правительства объединиться и выступить единым фронтом ради освобождения Кудса (Иерусалима), но все безрезультатно. Однако после того, как иранский народ своими силами смог совершить невозможное, свергнув марионеточный режим шаха, то и остальные народы мира это могут повторить. «Нации должны восстать; нации должны понять, что "ключ" к победе — это желание мученичества. Они не должны придавать никакой ценности этой жизни, этой материальной, мирской и животной жизни. Каждый должен объединиться и стать божественным существом, человеком, готовым пожертвовать собой ради Бога»¹⁶. В этом, по мнению Хомейни, и заключается путь к победе.

После столь жесткого заявления в отношении региональных правительств, вполне понятна критика, прозвучавшая 17 апреля 1979 года в ответ на поздравительное послание по случаю провозглашения ИРИ от лица иракского президента Ахмада Хасана аль-Бакра. В ответном послании аятолла Хомейни предостерег все правительства, чтобы те не поступали со своим народом так, как поступал с иранским народом шах. Чтобы не повторять судьбу шаха, необходимо чтобы правительства не притесняли и не подавляли, а выстраивали мирные отношения со своим народом. «Вспыхнувшая революция в

---

¹³ Ties with neighboring powers and governments // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 197.

¹⁴ Secret of victory: the desire for martyrdom // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 446.

¹⁵ Ibid. P. 445.

¹⁶ Ibid. P. 444.

Иране, вызванная диктатурой и подавлением режима Пехлеви, стала предупреждением для всех угнетателей, оказывающих давление на угнетенных»¹⁷, заявил аятолла.

Не уставая призывать мусульманские народы к «пробуждению» (перс. бидари - بیداری), аятолла Хомейни подразумевает «исламское пробуждение» (перс. бидари-йе ислами - بیداری اسلامی). Отход от основ ислама, отказ от заповедей Корана привели мусульманские народы под колониальное управление. Эта система угнетения, которая была уничтожена в Иране, характеризуется коррумпированным режимом, правлением иностранных марионеток, отсутствием свободы и независимости¹⁸. Победа иранского народа смогла избавить страну от иностранного диктата. Но поверженные враги не желают оставить в покое Иран и будут стремиться восстановить свое господство используя все способы для этого, не гнушаясь лживой агитации, подстрекательств и заговоров по расколу мусульман на шиитов и суннитов, на персов и арабов. И по словам аятоллы Хомейни, эта политика дает свои негативные плоды. «Вспыхнула война между двумя мусульманскими государствами - Ираном и Ираком»¹⁹, констатирует он, и призывает иракские власти «проснуться и отказаться от своей вражды» по отношению к Ирану. Не надо мешать народу, предостерегает Хомейни, который «хочет узнать, что для них хорошо, а что плохо»²⁰.

Речь в данном случае идет о событиях в Ираке весной 1979 года, вызванных реакцией на победу Исламской революции в Иране. В Ираке проходили массовые демонстрации в поддержку иранских событий. В Неджефе даже прошла акция под лозунгами: «Да здравствуют Хомейни, ас-Садр и ислам!», «Мы готовы на жертвы, Хомейни»²¹! Лидер ведущей шиитской партии «Ад-Даваа аль-исламийя» (араб. الدعوة الإسلامية) аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр, знавший Хомейни еще по годам ссылки в Ираке, выступил с рядом политических шагов против режима Партии Баас, обещая поддержку аятолле. В одном из посланий Ирану он «призвал арабов в Иране

---

¹⁷ Responding to a message of congratulation // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 7. P. 30.

¹⁸ The Islamic Revolution and global calculations // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 7. P. 144.

¹⁹ Conspiracy against Islam and clerics; the role of the clerics in the Islamic movements // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 7. P. 354.

²⁰ Ibid. P. 355.

²¹ Williamson M., Woods K.M. Op. cit. P. 132.

повиноваться лидерам революции, потому что Исламская республика представляет государство, основанное Пророком, где люди разных национальностей и этнического происхождения могут жить в спокойствии»²². Для нейтрализации массовых акций поддержки Иранской революции, власти Ирака, и отвечавший за безопасность Саддам Хусейн, были вынуждены вывести на улицы городов армию. Начались аресты, причем не только шиитских, но и суннитских улемов²³.

В мае 1979 года, аятолла ас-Садр, предчувствуя скорый арест, обратился с просьбой к аятолле Хомейни о предоставлении убежища в Иране. В ответ, Хомейни заявил о том, что ему известно о складывающейся ситуации в Ираке, и грозящей опасности ас-Садру. Однако, религиозный долг ас-Садра заключается в том, чтобы оставаться в Неджефе. «Я надеюсь, что ваши проблемы будут решены», закончил свое послание Хомейни²⁴. Однако иракские власти, боясь повторения в Ираке иранских событий, задержали аятоллу ас-Садра и оставили его под домашним арестом. На что аятолла Хомейни 14 июня 1979 года обратился с посланием на имя ас-Садра, подвергнув критике действия иракских властей, покусившихся на теологический центр Неджефа – хаузу аль-Ашраф, «который служит исламу и мусульманам, был защитником независимости Ирака – фактически, всех мусульманских стран – на протяжении всей своей истории»²⁵. Для Хомейни арест аятоллы из хаузы стало актом неуважения и агрессии по отношению к одной «из ее самых выдающихся и великих личностей». По его мнению, данная акция не была инициативой иракских властей, она была санкционирована «иностранцами», выступающими против исламского движения. Свое обращение Хомейни заканчивает советом иракскому правительству «защищать этот прочный оплот, который стоит на страже существования и интересов страны»²⁶, и не повторять печальный опыт свергнутого шаха и иранского правительства.

---

²² Цит. по: Hollinger M.E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey, 2009. P. 28.

²³ Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge, 2007. P. 213.

²⁴ Decision of Mr. Sadr to move from Iraq // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 7. P. 376.

²⁵ The Iraqi governments' approach toward the clergy and the violation of Iran's border // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 8. P. 133.

²⁶ The Iraqi governments' approach toward the clergy and the violation of Iran's border // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 8. P. 134.

Действия иракских властей, по всей видимости, были неожиданными для аятоллы Хомейни, он не ожидал, что они будут быстрыми, решительными и жесткими. Саддам Хусейн не остановился даже перед авторитетом улама и богословских центров Неджефа. Это дало возможность Хомейни обвинить иракские власти в пособничестве врагам исламского движения, так как еще не давно, Багдад находился на стороне иранского шаха, пытавшегося также подавить антишахское движение у себя на родине. И уже тогда, по мнению аятоллы, иракские власти действовали в координации с Америкой²⁷. В последствие, данное обвинение будет звучать из уст Хомейни не раз.

Тот факт, что власти Ирака покушаются на авторитет улама и нормы ислама, разрушая тем самым братские связи между мусульманскими нациями, служат интересам иностранных держав²⁸. В ходе встречи с сирийской делегацией, 15 августа 1979 года, Хомейни, затронув существующие разногласия между правительствами, призвал региональные народы поступать «с правительствами, которые действуют против интересов ислама и интересов наций так же, как народ Ирана поступил со свергнутым шахом»²⁹. Если народам удастся решить вопрос с правительствами, действующими вопреки интересам наций, мусульманам удастся решить и вопрос с присутствием в регионе иностранцев.

Развивая свою мысль, 17 августа 1979 года, в выступлении на мероприятии по случаю празднования «Дня Кудса», аятолла Хомейни призвал к самоорганизации народов региона через объединение в «Партии угнетенных» (перс. хезб-е мостазафан - حزب مستضعفان). По его словам, существующая иностранная эксплуатация народов была возможна из-за их разобщенности. Объединение создаст условия для «восстания против угнетателей и грабителей как Востока, так и Запада»³⁰. По своим параметрам деятельности «Партия угнетенных» будет совпадать с «Партией Аллаха» (перс. хезбалла - حزب الله), которая была создана по инициативе Хомейни в Иране.

---

²⁷ Safeguarding victory more difficult than (attaining) the victory itself // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 8. P. 435.

²⁸ Fraternity and unity among Muslim nations and governments // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 186.

²⁹ The source of weaknesses of Muslims and of the corruption of Muslim countries lies in their governments // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 251.

³⁰ The need to establish the party of the oppressed // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 255.

Объясняя идейную основу партии, Хомейни делает упор на исламе, как на религии политики, определяющей все сферы жизнедеятельности верующих. Этот своеобразный «жизненный путь», которого должны придерживаться мусульмане, Хомейни называет арабским термином «мавакиф» (араб. مواقف). «Мавакиф» - это обряды, связанные с очередностью посещения определенных мест при совершении хаджа, нарушение которых осуждается. Мавакиф, таким образом, закладывает определенный алгоритм действий мусульманина. В повседневной жизни ординарного мусульманина также играет важную роль регулярное посещение мечети по пятницам, для совершения коллективной «пятничной» молитвы (перс. намаз-е джомэ - نماز جمعه). Хомейни поясняет, что «собрания пятничной молитвы состоят из двух проповедей, в которых должны быть подняты актуальные вопросы, потребности страны и региона, а также политические, социальные и экономические тенденции, чтобы люди могли о них узнать»³¹. Следовательно те, кто следуют по пути мавакиф, ориентируясь на установки пятничных молитв, являются истинными правоверными. Те же, кто на словах заявляют о себе как о мусульманах, но поступают вопреки логики мавакиф, являются «лицемерами» - мунафикун (араб. منافكون). Хомейни призывает быть осторожными с ними: «Мы уже предупреждали людей, чтобы они делали различие между лицемерами и не лицемерами. Как только кто-то говорит, что он мусульманин, или он говорит, что верит в Исламскую Республику, это не достаточная причина, чтобы доверять ему; скорее, за их делами нужно внимательно следить»³².

Ситуация, складывающаяся вокруг Ирана, такая, что было можно даже говорить о наступлении поворотного момента для всего исламского движения. «Сейчас мы живем в эпоху, когда наша революция, скорее всего, как преуспееет, так и может потерпеть неудачу», заявил 30 сентября 1979 года Хомейни, и пояснил, что все зависит от иранского народа. Если усилия по построению Исламской республики в Иране провалятся, это нанесет серьезный урон всему исламскому движению. Если же усилия будут успешными, и Иран сможет доказать свою жизнеспособность, это станет мощным импульсом для распространения идей исламской революции не только в регионе, но и по всему миру. По словам Хомейни уже есть признаки того, что опыт Ирана привлек внимание ряда наций, приводя в качестве

---

³¹ Islam is a political religion // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 9. P. 304.

³² Ibid. P. 306.

примера Ирак, Кувейт и Египет. Однако «главы некоторых стран пытаются остановить такие революции, опасаясь, что наша революция распространится на другие области. Их усилия напрасны»³³, выражает свою уверенность аятолла в неизбежности успеха экспорта исламской революции (перс. *صادرات انقلاب - اسلامي*).

Слова о региональных правительствах, препятствующих продвижению исламской революции в своих странах, заставили аятоллу Хомейни 21 октября 1979 года выступить с предостерегающими заявлениями в отношении иракских властей. Хомейни назвал клеветой звучавшие в Ираке слова об Исламской революции в Иране как о не исламской и фашистской, основывающейся на доминировании персов за счет подавления остальных национальностей, что привело, якобы, к кровавому подавлению курдского освободительного движения в Иранском Курдистане. Хомейни был вынужден вновь повторять тезис о том, что «ислам одинаково благоволит арабам, не арабам, а также туркам и курдам»³⁴. Иракские власти намеренно разжигают межнациональную и межконфессиональную рознь, поддавшись на уловки иностранных врагов ислама. Обращаясь к иракскому народу, Хомейни подчеркивает: «Мы не хотим совершать братоубийство. Мы хотим, чтобы все было улажено мирно, мягко и по-братски. Вы сами должны очиститься от этих злонамеренных людей, которые не хотят, чтобы у вас была комфортная жизнь»³⁵. Однако сделать это будет сложно, так как сейчас народ Ирака находится под угрозой военной расправы со стороны властей страны, которые пользуются поддержкой сверхдержав. «Если это правительство не прислушается к нашему совету объединиться с нами, то их постигнет та же участь, что и Мухаммеда Резу шаха»³⁶, заявил аятолла 17 декабря 1979 года в интервью английской прессе.

Ситуация в двусторонних ирано-иракских отношениях резко обострилась весной 1980 года. Домашний арест аятоллы Мохаммада Бакира ас-Садра привел к активизации террористической деятельности из числа его сторонников, в итоге объединившихся в рядах

---

³³ Extending the sovereignty of Islam // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 10. P. 129.

³⁴ Highlighting the sensitive role of radio and television // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 10. P. 205.

³⁵ Ibid. P. 209.

³⁶ The status of minorities in an Islamic government // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 11. P. 231.

боевой организации «Шахид ас-Садр» (араб. شهيد الصدر) в конце 1979 года³⁷. Власти ответили репрессиями, которые сочетались с завершающим этапом закрепления единоличной власти Саддама Хусейна после отстранения им от власти, 16 июля 1979 года, президента Ахмада Хасана аль-Бакра. Под нажимом Хусейна 30 марта 1980 года было принято решение об объявлении вне закона членства в партии ад-Даваа, которое каралось смертной казнью³⁸. В ответ, 1 апреля 1980 года, боевики, связанные с ад-Даваа, совершили неудачное покушение на главу МИД Ирака и доверенное лицо Хусейна Тарика Азиза³⁹. Это покушение стало поводом для жесткого и кровавого ответа исламистам из ад-Даваа, приведшего к массовым арестам и вынесениям смертных приговоров. Только в апреле-мае 1980 года было казнено 96 членов ад-Даваа⁴⁰. Среди казненных оказался и аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр и его сестра Бинт аль-Худа. До начала войны – 22 сентября 1980 года, Ирак также выслал из страны около 100 000 шиитов, в большинстве своем граждан Ирана⁴¹.

Вести о массовых расправах в Ираке над сторонниками аятоллы ас-Садра совпали с известием о разрыве Соединенными Штатами дипломатических отношений с Ираном 8 апреля 1980 года. Это дало повод аятолле Хомейни обвинить власти США и Ирака в скоординированном ударе по Ирану, окончательно подтвердив раннее звучавшие обвинения в адрес Саддама Хусейна о том, что он является американской марионеткой. Своими действиями иракский лидер «показал свое истинное уродливое неисламское и бесчеловечное лицо». В угоду Джимми Картеру, Саддам проводит ту же линию по отношению к уважаемым улама, что и свергнутый шах Ирана. Аятолла в своем заявлении выразил надежду на гибель марионетки Саддама в самое ближайшее время⁴².

В другом выступлении, Хомейни обращается к иракскому народу с призывом остановить преступный режим Баас, осуществляющий американский заговор против народа Ирака. «С руками, по локоть обагренными кровью иракской молодежи, Саддам теперь

---

³⁷ Anderson L.D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. N.Y., 2008. P. 126.

³⁸ Hollinger M.E. Op. cit. P. 27.

³⁹ Tripp Ch. Op. cit. P. 221.

⁴⁰ Anderson L.D. Op. cit. P. 126.

⁴¹ Williamson M., Woods K.M. Op. cit. P. 133.

⁴² Breaking of ties between America and Iran // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 206.

хочет выдать себя за сторонника арабов», говорит аятолла, подчеркивая, что тем самым тот повернулся спиной к исламу. Но арабы – мусульмане, и они тоже выступают в защиту ислама, уверен Хомейни. Поэтому иранский лидер обращается с призывом к «арабским братьям», объединиться против преступного режима Баас. «Мы надеемся, что режим Баас будет окончательно выброшен на свалку истории, как режим шаха. Мы надеемся, что победа мусульман будет близка»⁴³, выражает надежду Хомейни.

По мнению аятоллы, Иран не должен оставаться в стороне от бед, переживаемых иракским народом. Поэтому он, 17 апреля 1980 года, призвал иракских мусульман к обороне (перс. дефа - دفاع) своих домов и семей, подвергнувшихся нападению со стороны диктатора. «Если наша исламская страна подвергнется нападению и будет иметь место агрессия, ее защита становится обязательной для населения страны, независимо от того, старый он или молодой, мужчина или женщина, все должны выступить на защиту страны»⁴⁴, подчеркивает аятолла. В Иране более тридцати миллионов человек, из которых около двадцати миллионов должны подняться на защиту для обороны страны, включая всю молодежь. Оставшиеся должны присоединиться к обороне, если возникнет острая необходимость. И сегодня Саддам Хусейн представляет опасность, так как он оторван от народа, он лишен с ним какой-либо связи. Он возомнил себя защитником арабов, и исповедует «арабский ислам». Хомейни уверен, что все это свидетельства того, что Саддам пошел по пути Омейядов, который ведет «к старым временам невежества арабов»⁴⁵. А это означает, что Саддам и его окружение из Баас – это горстка язычников. Поэтому иракский народ и армия должны выступить против власти язычников, и совершить военный переворот в защиту ислама⁴⁶.

Своими жесткими действиями по преследованию оппозиции, Саддам Хусейн не остановился даже перед прямым убийством. Казненный режимом аятолла Мохаммад Бакир ас-Садр, по словам Хомейни, принял мученическую смерть и стал шахидом. После этого иракский народ обязан отомстить кровавому тираническому режиму, и удивительно, что и по прошествии нескольких недель, «нация Ирака, в частности, молодежь и студенты должны оставаться

---

⁴³ Expulsion of Iranians from Iraq // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 208.

⁴⁴ Necessity to be ready // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 210.

⁴⁵ Ibid. P. 214.

⁴⁶ Ibid. P. 216.

равнодушными к этой агонии и хаосу, которые обрушились на ислам и Дом Пророка»⁴⁷, сокрушается аятолла Хомейни в своем послании от 22 апреля 1980 года.

Пассивность народа Хомейни объясняет тем, что иракские власти проводят политику по запугиванию и подавлению народных масс. Режим Саддама Хусейна, по словам аятоллы, не легитимный, так как проведенные парламентские выборы в Ираке в июне 1980 года, «намного хуже, чем выборы в эпоху шаха». Власти страны «путем принуждения и силы», смогли получить нужный им результат⁴⁸. Мало того, после этого Саддам Хусейн, «служа американцам, и получая оружие от Советского Союза»⁴⁹, приступил к осуществлению плана по подрыву целостности Ирана, осуществляя поставки вооружений повстанцам в Курдистане. Однако этим планам не суждено сбыться, так как, в отличие от тех же Ирака или Египта, в Иране правительство и народ находятся в гармонии, они не отделены друг от друга⁵⁰.

Предчувствуя близость войны с саддамовским Ираком, аятолла Хомейни в обращении от 12 сентября 1980 года к мусульманам мира, направляющимся в хадж к святым местам Мекки и Медины, заявил, что у Ирана «нет причин воевать с Ираком»⁵¹. Исламская революция противостоит Америке, использующей иракское правительство для борьбы с Ираном. Самая серьезная опасность, представляемая Ираком – это заявляемая Саддамом Хусейном политика «арабского национализма», ведущая к подрыву единства мусульманской уммы и разжиганию усобицы между суннитами и шиитами⁵².

Политика Ирана, в свою очередь, преследует иную цель – не разобщение, а единение всех мусульман в рамках «исламского пробуждения», что будет символизировать успешность «экспорта иранской революции» на другие страны. Аятолла Хомейни поясняет, что под «экспортом» «мы имеем в виду расширение этой духовности, которая развилась в Иране. Мы хотим, чтобы это явление, возникшее в

---

⁴⁷ The duty of all classes of the Iraqi nation against the Baath party // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 221.

⁴⁸ Disturbances created by groups related to foreign countries // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 12. P. 393.

⁴⁹ Describing the difficulties that Muslims are faced with: fighting the illegitimate occupiers of Quds // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 65.

⁵⁰ Ibid. P. 66.

⁵¹ The policy of the United States and its supporters: To sow discord among Muslim nations // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 184.

⁵² Ibid. P. 181.

Иране, распространилось на другие страны. Мы не намерены вести войну»⁵³. Данный процесс будет происходить мирно со стороны Ирана. Что же касается мусульманских народов других стран, то они, по словам аятоллы, должны будут быть готовы к восстанию во имя защиты ислама, и всем последствиям, с которыми столкнулся в свое время Иран. Касаясь взаимоотношений с Ираком, Хомейни заявил, что Ирак совершает регулярные нападения на приграничные районы Ирана, тогда как иранская армия не совершает ответных контратак на Ирак. «Они нападают на нас, а мы защищаемся. Защита необходима. Мы хотим распространять революционную культуру и исламское движение во всех мусульманских странах»⁵⁴.

События постреволюционных лет – до войны с Ираком, оказались важными для понимания эволюции взглядов аятоллы Хомейни на его концепцию «Исламского пробуждения», вызвавшую настороженное и враждебное отношение со стороны региональных властей, заговоривших о «шиитской угрозе» и «шиитском полумесяце». В эпицентре противостояния революционному Ирану оказался Ирак, где в 1979 году произошли события, связанные с установлением единоличной власти Саддама Хусейна. В своей политике по устранению и подавлению внутренней оппозиции, одной из жертв стали иракские шииты, в лице аятоллы Мохаммада Бакира ас-Садра, поддержавшие Исламскую революцию в Иране. Массовые репрессии по конфессиональному принципу в Ираке весной 1979 и 1980 годов, привели к формулированию аятоллой Хомейни принципа «защиты/обороны» ислама силовыми методами от покушения со стороны тиранического режима силами иракского народа по примеру действия иранского народа в период антишахского движения 1978-1979 годов. В последствие, в период ирано-иракской войны, принцип «обороны» будет распространен Хомейни и на вооруженное сопротивление Ирана вооруженной агрессии Ирака в форме «священной обороны», обосновывающей право Ирана на «освобождение» территории Ирака от антиисламской власти Саддама Хусейна.

---

⁵³ Governments of Muslim nations, the cause of their problems // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 13. P. 79.

⁵⁴ Ibid.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК [316.7+7+82](100)

РИТУАЛИЗИРОВАННЫЙ КОНФЛИКТ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЗЕРКАЛЕ ПОЗДНЕЙШЕЙ ФИКТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

В.Ю. Михайлин¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: vmikhailin@yandex.ru

Аннотация. В статье намечаются исследовательские подходы к обширному тематическому полю, связанному с ре-интерпретацией в более поздней традиции XIX–XXI веков ряда аристократических практик Раннего Нового времени, сопряженных с присвоением, накоплением и сохранением символического капитала, а также с конфликтами, возникающими в ходе этих процессов: и прежде всего института дуэли. Материалом для исследования послужат фиктивные тексты (литературные, кинематографические, изобразительные), через посредство которых современный человек конструирует собственные образы прошлого. Оптика, предложенная в данной статье, а также в ряде последующих публикаций, позволит по-новому проблематизировать те механизмы, при помощи которых образы, связанные с иными историческими реальностями, апроприируются современной массовой культурой и приобретают силу обратного воздействия.

Ключевые слова: дуэль, символический капитал, честь, репутация, Джозеф Конрад, Ридли Скотт.

THE RITUALIZED CONFLICT OF NEW TIME IN THE MIRROR OF THE LATER FICTITIOUS TRADITION

V.Yu. Mikhailin

(Saratov, Russia)

e-mail: vmikhailin@yandex.ru

Annotation. In this article, the author outlines a possible approach to an extensive thematic field having to do with re-interpretation, within the later tradition of XIX–XXI centuries, of some aristocratic practices characteristic of Early Modern period (and above all of duel as a social institution), connected with acquisition, accumulation and preservation of symbolic capital, and also with conflicts that originate from the respective social practices. Modern fictional texts, narrative as well as cinematic and pictorial, used by our contemporaries as means

---

¹ Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

of creation of their own images of past, will be used as research material. The point of view offered here as well as in a set of oncoming publications seems to allow us to look anew at those mechanisms serving the modern mass culture to appropriate images inborn within other epochs to use them among other for re-interpreting of other historical realities.

Keywords: duel, symbolic capital, honor, reputation, Joseph Conrad, Ridley Scott.

Неизвестно где и неизвестно когда, по всей очевидности, в ходе своей долгой, растянувшейся на два десятилетия карьеры во французском, британском и бельгийском торговом флоте, Юзеф Теодор Конрад Коженёвский, польский шляхтич, потомок (по разным линиям) сразу двух наполеоновских офицеров и уроженец российского Бердичева, прочел – вероятнее всего, в старом выпуске журнала «Harper's Magazine» за сентябрь 1858 года – историю, которая представляла собой идеальный сюжет для художественного текста о временах Наполеоновских войн². На полноценный роман история не тянула в силу своей очевидной линейности и анекдотичности, но из нее вполне мог получиться крепкий и достаточно объемный рассказ. Много позже, в 1906 году, уже успев – под именем Джозеф Конрад – стать известным английским писателем и заработав нервный срыв во время работы над одной из самых своих известных книг³, бывший моряк отправился на реабилитацию в Монпелье⁴, и увидел в провинциальной французской газете небольшую заметку из тех, что редакторы публикуют, чтобы занять пустую полосу. Заметка пересказывала в общих чертах уже знакомый «наполеоновский» сюжет, и Джозеф Конрад за два месяца, декабрь 1906 и январь 1907 г., написал «Дуэль».

Статья в «Harper's Magazine» прямо называла имена участников легендарной дуэли, двоих французских офицеров, которые на протяжении полутора десятков лет при всяком удобном случае возобновляли поединок, причем поводом для этой маниакальной одержимости «делом чести»⁵ послужила коллизия, по сути своей

---

² Our Foreign Gossip // Harper's Magazine. 1858. Т. XVII. P. 559–560. Впервые этот источник Конрада выявил Де Ланси Фергюсон еще в 1935 году. См.: Ferguson J. DL. The Plot of Conrad's 'The Duel' // Modern Language Notes. 1935. Vol. 50. № 6. P. 385–90.

³ «Тайный агент» (The Secret Agent, 1907).

⁴ См.: Putnam III W. C. Conrad under French eyes // Conradiana. 1989. Vol. 21. No. 3. P. 173–181.

⁵ Именно так, «Point of Honor», назывался тот же рассказ в американском издании, вышедшем в 1908 году.

совершенно ничтожная. Имена принадлежали вполне реальным людям, оставившим заметный след во французской военной истории рубежа XVIII–XIX вв., Пьеру Дюмон де л'Этану и Франсуа Фурнье-Сарловезу: к 1813 г. оба состояли в звании дивизионного генерала. Конрад изменил имена офицеров на д'Юбер и Феро. Во втором случае изменение легко объяснимо, поскольку автору нужен был персонаж, который мог бы послужить воплощением необъяснимой и неконтролируемой, «животной» ярости, так что фамилия *Feraud*, созвучная английскому *ferocity* (дикость, свирепость) был как нельзя более кстати. Дюмон превратился в д'Юбера уже в процессе написания текста: по крайней мере, в машинописном оригинале рассказа, который ныне хранится в Филадельфийской Свободной Библиотеке, этот персонаж сперва именуется Дюпоном, с заменой в оригинальном имени всего одного звука, потом – десять раз! – Дюраном, и только начиная с одиннадцатой страницы окончательно превращается в д'Юбера⁶. В данном случае происшедшие изменения объяснить труднее, если только – по аналогии с первым персонажем – не предположить созвучие с немецким (действие начинается в Страсбурге и продолжается сперва в Аугсбурге, затем в Любеке) *über*: смысл слова может восприниматься как маркер несомненного морального превосходства этого героя над оппонентом и его же окончательного торжества в финале повествования⁷. Дополнительной мотивацией обращения именно к немецкому созвучию мог послужить принципиальный для автора момент. Феро и д'Юбер устойчиво противопоставляются в рассказе по целому ряду признаков, выстроенных как бинарные оппозиции и сцепленных с клишированными едва ли не до карикатурности типажам: «природного», наклонного к неконтролируемой ярости, вспыльчивого и злопамятного гасконца, «сумасшедшего южанина», брюнета и коротышки, – и «цивилизованного», сдержанного и рационального северянина-пикардийца, высокого блондина с усами пшеничного цвета. По словам самого автора, история этой безумной дуэли позволила ему сделать самое главное: ухватить дух наполеоновской эпохи, который

---

⁶ См.: Moore G.M. History and Legend in «The Duel» // The Conradian. 2016. Vol. 41. №. 2. P. 28–46 (28, fn.2). Здесь же см. обоснование сугубо анекдотического характера истории о дуэли между Фурнье и Дюмон де л'Этаном, подкрепленное подробным анализом исторических несоответствий, делающих подобный сюжет совершенно невероятным.

⁷ Либо же элементарной калькой с превращением французского существительного *mont* в немецкий предлог, что не меняет сути подмены.

«никогда не был исключительно милитаристским ... [но] молодым, едва ли не детским по степени накала чувств – исполненным наивной и героической веры»⁸.

Семьдесят лет спустя, в 1977 г., Ридли Скотт, сын британского моряка торгового флота, дослужившегося во Вторую мировую войну до звания бригадного генерала, снял по конрадовской «Дуэли» свой первый полнометражный фильм, «Дуэлянтов», где д'Юбера играл Кит Кэррадайн, а Ферио – Харви Кейтель. Фильм получил в Каннах приз («avec unanimite») за лучший режиссерский дебют, и его хвалили, – и продолжают хвалить, – среди прочего, именно за историческую достоверность и за передачу духа времени⁹.

Судя по всему, ни у Джозефа Конрада, ни у Ридли Скотта не было сомнений в том, что они предлагают публике истории, «основанные на реальных событиях», – при том, что за тот промежуток, что лежал между временем действия и временем публикации отчетов о «дуэли века» во франкофонных и англоязычных источниках¹⁰, сюжет вполне очевидным образом прошел через все этапы, необходимые для трансформации события, имевшего место в жизни, в легенду или исторический анекдот. Как вполне реальный исторический факт расценивает затянувшийся конфликт между Дюмон де л'Этаном и Фурнье-Сарловезом и подавляющее большинство из тех авторов, что пишут о конрадовской «Дуэли» и о «Дуэлянтах» Ридли Скотта¹¹.

---

⁸ Conrad J. Author's Note / Conrad J. A Set of Six. N.Y., 1924. P. XI.

⁹ «...A remarkably faithful historical presentation». См.: Lee R. History & Film: Are You Not Entertained? Truth and the Historical Films of Ridley Scott // Historical Novels Review. 2019. Issue 89. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://historicalnovelsociety.org/history-film-are-you-not-entertained-truth-and-the-historical-films-of-ridley-scott/> (Дата обращения: 13 декабря 2022).

¹⁰ Статья в *Harper's Magazine* располагает события между 1794 и 1813 гг. Тот же временной отрезок мы находим и в первом известном отчете об этом поединке, в «Физиологии дуэли» Альфреда д'Альмбера, опубликованной в 1853 году. См.: D'Almbert A. Physiologie du duel. Paris, 1853. P. 46–67. Текст д'Альмбера, вероятнее всего, послужил первоисточником для автора из *Harper's Magazine*: сюжет прописан здесь более детально, при сохранении общей канвы и ключевых характеристик персонажей (скажем, начинается история в Страсбурге, и оба фигуранта имеют чин капитана). Впрочем, есть и расхождения. У д'Альмбера не фигурирует фамилия Фурнье – по крайней мере, в полном написании. Персонаж выведен в тексте как F***, и дерется с ним не Дюмон, а Дюпон.

¹¹ Graver L. Conrad's Short Fiction. Berkeley; L.A., 1969. P. 145; Leigh J. Touché: The Duel in Literature. Cambridge, 2015. P. 222; Mahon J.E. A Double-Edged Sword:

Между тем, сомнения в его достоверности специалисты по военной истории начали высказывать еще до того, как Конрад приступил к написанию своего рассказа. Еще в 1892 году Шарль-Антуан Тума и Анри Шоппен, авторы классического справочного пособия по военной элите Первой империи, поставили под вопрос отдельные детали сюжета, хотя в целом сочли его «слишком известным, чтобы в нем усомниться»¹². Во второй половине XX века Ханс ван Марле, один из ключевых европейских специалистов по Джозефу Конраду, сумевший обнаружить и собрать полтора десятка опубликованных версий нашего сюжета, был весьма скептически настроен в отношении его подлинности¹³. А уже в нынешнем столетии Джин Мур, продолживший разыскания ван Марле, в статье о соотношении вымысла и исторических фактов в «Дуэли» Джозефа Конрада убедительно показал, что вся эта история вообще не имеет – и не могла иметь – никакого отношения к действительности¹⁴. Да, в нескольких случаях карьера Дюпона и Фурнье заставляла их жизненные траектории пересекаться: и тот, и другой были в сражениях при Маренго, Фридланде и Любеке; и тот, и другой участвовали в испанской кампании. Но один из ключевых эпизодов легенды, имевший место во время отступления Великой армии от Москвы, никак не мог состояться просто в силу того, что Дюпон вообще не был в России. Впрочем, ключевая несостыковка с реальностью лежит даже не в плоскости исторической географии. Во всех основных версиях одной из главных движущих сил сюжета является своего рода «состяжание карьер»: Фурнье/Феро карабкается вверх по служебной лестнице, чтобы не отстать от более успешного в этом плане Дюпона/д'Юбера, поскольку продолжение дуэли возможно только между противниками, равными по статусу, что в случае с армейскими офицерами предполагает равенство воинских званий. Между тем исторические Дюпон и Фурнье «...никогда не служили в одинаковом звании, вплоть до 1812 г., когда Дюпон уже оказался в тюрьме»¹⁵.

Honor in «The Duellists» // *The Culture and Philosophy of Ridley Scott*. Lanham, 2013. P. 45–60 (46).

¹² Toumas Ch.A., Coppin H. *Les Grands Cavaliers du Premier Empire: Notices biographiques*. Paris; Nancy, 1892. P. 259.

¹³ A Joseph Conrad Archive: Letters and Papers by Hans van Marle. Ed. Gene M. Moore // *The Conradian*. 2016. Vol. 30. №. 2. P. 98.

¹⁴ Moore G.M. History and Legend in «The Duel» // *The Conradian*. 2016. Vol. 41. №. 2. P. 28–46.

¹⁵ *Ibid.* P. 43.

Случай, когда легенда, не соответствующая реальным историческим событиям, становилась – через посредство позднейшей нарративной традиции – предметом «общего знания», трудно назвать уникальным: скорее наоборот, он тривиален вполне. Причем в конструировании «ложной памяти» об исторических событиях едва ли не в равной степени принимают участие как нарративная традиция, по самой своей природе ориентированная на создание фиктивных реальностей (литературных, изобразительных, перформативных), то есть, «художественная», так и традиция собственно «историческая», чьим предметом является сохранение и восстановление «исторической истины». Достаточно вспомнить кочующие из учебника в учебник (и из монографии в монографию¹⁶) «биографические» сюжеты о Сапфо, в лучшем случае основанные на исторических анекдотах из позднеантичных или византийских источников, а в худшем – не основанные вообще ни на чем, кроме фантазии классиков антиковедения, вроде Карла Мюллера или Ульриха фон Вилламовиц-Мёлленсдорфа¹⁷.

Впрочем, подобные случаи представляют немалый исследовательский интерес сами по себе, вне зависимости от степени, в которой в каждом конкретном случае искажается историческая истина. Поскольку тот способ, которым производится искажение, а также те жанровые модели, которые задействуются в процессе, способны многое сказать не только и не столько о личности автора, осуществляющего эту операцию, но – об аудитории, на которую он ориентирован, и, шире, о базовых когнитивных и социокультурных установках, свойственных его собственной эпохе. Касается это, конечно же, и тех случаев, когда искажение производится способом достраивания несуществующего события или сюжета «на фоне» конкретной исторической и культурной реальности: такого рода новообразования, по сути, представляют собой встроенный интерпретативный механизм, при помощи которого современник автора может «проникнуться духом эпохи». То есть, собственно, получить о ней представление, с одной стороны, насыщенное «интересными» и «достоверными»

---

¹⁶ Calame C. *Les Choeurs de jeunes filles en Grèce archaïque*. Roma, 1977. Vol. 1. P. 370; Cantarella E. *Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity*. Baltimore, 1987. P. 71. etc.

¹⁷ См. в этой связи: Parker H.N. *Sappho Schoolmistress* // *Transactions of the American Philological Association*. 1993. Vol. 123. P. 309–351. Русский перевод: Паркер Х. Сапфо-учительница. Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76). С. 30–49.

деталюми, позволяющими ошутить собственную причастность к духу места и собственную компетентность в локальных контекстах, а с другой – удобно фундированное в системе вполне актуальных представлений о смыслах, которые вкладывает в эти детали интерпретирующая традиция. Дуэль как аристократический институт ритуализированной агрессии, характерный для ряда западноевропейских обществ Нового времени, был присвоен более поздними культурами и адаптирован к их на собственным символическим языкам, поскольку эти культуры «увидели» в нем удобный механизм, позволяющий проговаривать и прорабатывать свои собственные травмы, подтверждать ценность собственных установок, зачастую совершенно чуждых дуэли в том виде, в котором она существовала в Западной Европе середины XVII или самого начала XIX века. И в этом смысле устойчивый легендарный сюжет о многолетней дуэли между двумя офицерами наполеоновской армии, навязчиво всплывающий в европейской традиции последних полутора веков и послуживший основой для двух прецедентных фиктивных текстов, представляет собой весьма любопытный кейс, при помощи которого можно лишний раз проблематизировать границу между западноевропейскими культурами ранней и поздней модерности.

«Дуэль чести» – в том виде, в котором она возникла в Италии на рубеже XV и XVI веков, а затем быстро распространилась практически по всей Европе – обладала рядом устойчивых признаков, позволяющих говорить о ней не просто как о наборе сходных социальных практик, но как о полноценном социальном институте, который функционировал на протяжении нескольких столетий и сошел на нет в разных частях европейского круга культур в период от рубежа XVIII–XIX (скандинавские страны) до начала XX (Германия и Франция) веков¹⁸. Дуэль предполагала: а) «минимальную достаточность» повода, далеко не всегда соизмеримого с ценностью человеческой жизни; б) возможность и желательность примирения по результатам поединка; в) престижную ценность результата вне зависимости от исхода (даже простого появления на «поле чести» и дальнейшего

---

¹⁸ См.: Baldick R. *The Duel: A History of Duelling*. New York, 1965; Kiernan V.G. *The Duel in European History: Honour and the Reign of Aristocracy*. Oxford, 1988; Billacois F. *The Duel: Its Rise and Fall in Early Modern France*. New Haven, 1990; Spierenburg P. (Ed.) *Men and Violence: Gender, Honor, and Rituals in Modern Europe and America*. Columbus, 1998; Allen D.W., Reed C.G. *The Duel of Honor: Screening for Unobservable Social Capital // American Law and Economics Review*. 2006. Vol. 8. N. 1. P. 81–115.

примирения в принципе было достаточно для того, чтобы каждая из сторон не просто сохранила, а повысила свой символический капитал); г) «символическую нейтральность» прямого результата поединка (победа виновной стороны не доказывала отсутствия вины – в отличие от средневекового судебного поединка); д) наличие строгого набора правил, регулирующего весь ход конфликта, от вызова до улаживания последствий, а также предписывающего всем участникам вполне определенные установки и модели поведения; е) строго приватный характер всего предприятия; и, наконец, ж) внеположенность действующим формально-правовым нормам, как светским, так и религиозным. Кроме того, институт дуэли не был статичен и менялся во времени: 1) частотность дуэлей коррелировала с периодами гражданских конфликтов и ослабления центральной власти; 2) процент смертельных исходов и тяжелых травм, полученных в результате поединка, со временем снижался; и 3) начиная с рубежа XVIII–XIX вв. и вплоть до конца своего существования как полноценного социального института дуэль утрачивает строгую привязку к дворянскому сословию; более того, в начале и середине позапрошлого века наблюдается резкий всплеск «буржуазных» дуэлей.

Возникновение этого института имеет смысл связывать с принципиальным переформатированием стратегий приобретения, накопления и сохранения символического капитала, имевшим место в период раннего Нового времени. Понятие «честь», которым, собственно, и обозначается некая частная сумма этого капитала, надлежит рассматривать прежде всего не в индивидуальной, а в микросоциальной перспективе¹⁹. Как и в других аристократических традициях, бытовавших в самые разные времена и на разных концах Европы, от архаической Греции до средневековой Англии, конкретный человек являлся носителем некоего объема символических ценностей главным образом постольку, поскольку принадлежал к конкретной группе, прежде всего семейной, которая, собственно, и являлась конечным держателем этого капитала, делегируя своим членам право пользования разными его «долями» и, в свою очередь, налагая на них обязанности, связанные с умножением и защитой общегруппового «блага». Это «благо», которое мне – со всеми понятными оговорками и в максимально широкой культурно-антропологической перспективе – удобно обозначать иранским понятием

---

¹⁹ «The understanding of honor as a collective, supportive enterprise...» См.: Pollock L.A. Honor, Gender, and Reconciliation in Elite Culture, 1570–1700 // Journal of British Studies. 2007. Vol. 46. N. 1. P. 3–29.

«фарн»²⁰, соизмеряется с «фарном» других подобных же групп и обладает рядом характеристик, прописываемых через понятия, связанные с такими семантическими полями как «честь», «уважение», «слава» и т.д.

Среди этих характеристик есть постоянные, эссенциальные, связанные с неотъемлемым правом данной группы и ее значимых членов на обладание «фарном»; а есть переменные, связанные с изменением объема и качества символического капитала. Действия отдельного члена группы могут изменить общую сумму, являющуюся достоянием всей семьи, как в большую, так и в меньшую сторону – и соответственно сказываются как на статусе индивида внутри группы, так и на статусе самой группы среди других таких же групп. Но индивид является всего лишь «полномочным представителем» группы, носителем той или иной доли общесемейного социального капитала, составляющей при этом основу его собственных «репутации» и «достоинства». При этом индивидуальная репутация находится с семейной честью в отношениях неравновесного взаимодополнения: первое всегда существенно «меньше» второго, питается им и – по определению, в силу конечности человеческой жизни, чьи сроки в большинстве случаев несопоставимы со сроками существования семейных кланов – обладает характеристиками прежде всего транзитивными. Честь воспринимается как эссенциальная характеристика, не имеющая бытового выражения в «количественных» показателях, – ее нельзя купить, обменяв на «бытовые» ценности, ею невозможно за них заплатить.

В этом смысле показательна двойная классификация ценностей, существующая еще в гомеровской традиции. Все блага делятся на две принципиально разные категории: одна включает в себя «товары повседневного спроса», другая – «престижные ценности»: прежде всего, это наделенные некими исключительными характеристиками (красота, божественное происхождение, уникальность и т.д.) металлические изделия, лошади и женщины. Стоимость блага, относимого ко второй группе, может быть соотнесена со стоимостью благ, относимых к первой группе – «цена» золотого доспеха, в который облачен на поле боя Главк, обозначена в сто быков. Но эта ценовая

---

²⁰ Обоснование подобного – сугубо инструментального – применения данного термина см. в.: Михайлин В., Ксенофонтов А. Выбор Ахилла // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 46–80; Михайлин В. Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского «звериного стиля. Саратов; СПб., 2010.

планка нужна прежде всего для определения соотносительной ценности разных товаров, относимых к группе престижных: между собой, а не для обмена их на товары обычные²¹. Престижные блага могут покупаться и продаваться, но прежде всего они участвуют в символическом взаимодействии, способном повысить или понизить «фарн»: их дарят, их предлагают в качестве выкупа, ими обмениваются в качестве подтверждения отношений гостеприимства или свойства²².

В нашем случае предметом преимущественного интереса является то обстоятельство, что героическая смерть также может быть проведена по категории престижных благ, что прежде всего применимо к ситуации так называемого «ферапона», который добровольно приносит собственную жизнь в жертву другому человеку или богу, выводя тем самым обмен символическими дарами на высший возможный уровень²³. Причем сам факт обозначения человека как ферапона уже является поводом для резкого «роста котировок» как на уровне индивидуальной репутации, так и на уровне «фарна», принадлежащего группе в целом, – вне зависимости от того, что смерть еще не наступила и, возможно, не вообще не будет иметь места в рамках конкретного эпизода.

Ситуация, в которой отдельный человек позиционируется как престижная жертва, являющая собой ставку в некоем ритуализированном действе, результат которого должен сказаться на изменении

---

²¹ В случае с Главком – для сравнения его доспеха с доспехом Диомеда в процессе обмена подарками в рамках отношений гостеприимства (Il. 6. 234–236). См. (включая библиографию по вопросу): Kyriakou P. Reciprocity and gifts in the encounters of Diomedes with Glaucus and Achilles with Priam in the Iliad // Hermes Hermes. 2022. Vol. 150. № 2. P. 131–149.

²² См.: Guggisberg M. Größe als Gabe. Gedanken zum Format von „Prestigegütern“ in frühen Kulturen der Mittelmeerwelt und ihrer Randzone // Der Wert der Dinge – Güter im Prestigediskurs. „Formen von Prestige in Kulturen des Altertums“ Graduiertenkolleg der DFG an der Ludwig-Maximilians-Universität München, Münchener Studien zur Alten Welt 6. Munich, 2009. S. 103–141; Eggert M.K.H. Prestigegüter und Sozialstruktur in der Späthallstattzeit. Eine kulturanthropologische Perspektive // Retrospektive. Archäologie in kulturwissenschaftlicher Sicht. Münster, 2011. S. 141–167; Krämer R.P. Trading Goods – Trading Gods. Greek Sanctuaries in the Mediterranean and their Role as emporia and 'Ports of Trade' (7th–6th Century BCE) // Distant Worlds Journal. 2016. № 1. P. 75–98.

²³ См.: Nagy G. Patroklos as the Other Self of Achilles / Nagy G. The Ancient Greek Hero in 24 Hours. Cambridge, 2019. P. 146–168; Edwards A.T. «Aristos Achaiōn»: Heroic Death and Dramatic Structure in the «Iliad» // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series. 1984. Vol. 17. N. 2. P. 61–80.

суммы символического капитала, принадлежащего всей группе, может выстраиваться по-разному, в зависимости от прагматики, подсказываемой конкретным культурным полем, – что и происходит в ряде известных нам культурных традиций, предлагающих достаточно широкий спектр вариантов этого исходного сюжета: со своими наборами поведенческих ролей, способов «перераспределения ответственности» между индивидом и группой, и так далее. Несмотря на значительное количество структурных и семантических сходжений, институт средневекового судебного поединка²⁴ в этом смысле совершенно непохож на институт героического поединка перед битвой²⁵; ирландский институт *fianna*/фениев²⁶ непохож на кавказский институт абречества²⁷. Понимание каждого из подобных институтов – его возникновения и отмирания, особенностей функционирования, поведенческих моделей, доступных вовлеченным в связанные с этим институтом практики, – нуждается в собственной оптике, построенной на анализе как соответствующих социальных порядков, так и символических кодов, базовых для данной конкретной культуры.

Возникновение института европейской аристократической дуэли в транзитивных обществах эпохи ранней модерности имеет смысл связывать прежде всего с потребностью в символической канализации права на вооруженную защиту семейного «фарна» в условиях перераспределения сил между центральной королевской властью и поместным дворянством в пользу первой, а также с масштабной джентрификацией и постепенным ослаблением мобилизационной военной лояльности клиентских сословий по отношению к

---

²⁴ См.: Leeson P.T. *The Laws of Lawlessness* // *Journal of Legal Studies*. 2009., Vol. 38. P. 471–503; Elema A. *Trial by Battle in France and England*. Ph.D. Thesis. Centre for Medieval Studies. Toronto, 2012.

²⁵ См.: McDonnell M. *Aristocratic Competition, Horses, and the Spolia Opima Once Again* // *A Tall Order: writing the social history of the Ancient World. Essays in honor of William V. Harris*. Berlin, 2012. P. 145–160.

²⁶ См.: McCone K.R. *Werewolves, Cyclopes, Díberga, and Fíanna: Juvenile Delinquency in Early Ireland* // *Cambridge Medieval Celtic Studies*, 1986. Т. 12. P. 1–26; Ó Riain P. *A Study of the Irish Legend of the Wild Man* // *'Buile Suibhne': Perspectives and Reassessments*, Irish Texts Society Subsidiary Series 26. London, 2014. P. 172–201.

²⁷ См.: Лапин В.В. *Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв.* М., 2008.

титулованной аристократии²⁸. Культура дуэли предложила способ поддержания символического поля, в равной степени выгодного всем, ко имел к нему доступ. «Дуэль оказалась полезна как высшей аристократии, так и мелкому дворянству. Для титулованной знати возможность прибегнуть к этой практике символизировала способность сохранить дух независимости перед лицом монархии. <...> Мелкое же дворянство оставалось в выигрыше по иной причине <...>. [Для него] дуэль была выгодна прежде всего потому, что устраняла неравенство»²⁹. И еще: «Дуэль была знаком и печатью, скреплявшей равенство между высшими и низшими [представителями знати – В.М.], братскими узами, связывающими воедино весь этот многоликий класс. Проще говоря, она была великим уравнивателем, хотя на практике чаще всего имела место между равными по статусу участниками: сквайр дрался со сквайром <...> Но герцог не мог не принять вызова от простого джентльмена <...> поскольку неподобающая реакция на такой вызов, низводила до соответствующего уровня уже самого герцога»³⁰.

При этом дуэльный кодекс исключал из соответствующего «поля чести» любых представителей низших сословий, – и прежде всего набирающую вес буржуазию, – тем самым гарантируя каждому, кто имел право на участие в соответствующих практиках, элитарный статус. Подобное положение вещей служило дополнительной гарантией «символической капитализации» дуэли и поддерживало высокий символический статус самого этого института. Как провокация, так и защита чести: как вызов, так и возможность выбора условий поединка; как победа, так и поражение были важны сами по себе. С одной стороны, любое из этих действий и все они в совокупности вносили свой вклад как в общий семейный «фарн», так и в «личная репутация», то есть, в ту часть символического капитала, которая, будучи функцией от общей семейной «чести», предполагала вполне конкретное индивидуальное измерение. С другой, все эти действия в равной степени служили поддержанию общесословного «поля чести», недоступного для «быдла» и не подконтрольного государственной власти. В свою очередь, государственная власть по-своему также

---

²⁸ Hassani-Mahmooei B., Vahabi M. Duel of Honor and Identity Economics. P. 9. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/25324484/Dueling_for_Honor_and_Identity_Economics. (дата обращения: 05.08.2022).

²⁹ Hassani-Mahmooei B., Vahabi M. Duel of Honor and Identity Economics. P. 10–11.

³⁰ Kiernan V. G. The Duel in European History... P. 52.

была заинтересована в существовании дуэли, поскольку, по сути, та представляла собой общественный – самоуправляемый и саморегулируемый – институт контроля за агрессивным поведением, не выходящим за рамки частных контекстов. Именно по этой причине и была возможна парадоксальная ситуация, характерная практически для всех европейских государств, в которых дуэль превратилась в устойчивый социальный институт: государственная власть издавала все более и более грозные указы, запрещавшие дуэль, зачастую под страхом смертной казни для всех участников – но даже в тех случаях, когда убийство на дуэли получало широкую общественную огласку, а участников удавалось арестовать, дело всеми возможными способами старались спустить на тормозах.

«Семейное» измерение дуэли также предполагало собственную, вполне очевидную прагматику. Частный, разыгрываемый по жестким правилам и под наблюдением заслуживающих доверия свидетелей конфликт между индивидуальными представителями двух семей не заставлял эти семьи рисковать сразу всем своим символическим капиталом – в отличие от межклановых конфликтов времен средневековья, где подобный риск мог привести не только к символической, но и ко вполне физической элиминации всей группы, вне зависимости от того, привлекались или нет при его разрешении властные ресурсы более высокого порядка. При этом как риск физической смерти, так и риск конфликта с законом, установленным государственной властью, принимал на себя «фералон», демонстративно вынося все риски за пределы того поля, в котором разыгрывалось конвенциональное взаимодействие между семьями и – между семьей и королевской властью. Эта подчеркнутая дистантность имела и сугубо пространственное выражение: дуэль проводилась на маргинальной территории. При этом маргинальность территориальной привязки не только не предполагала перехода к маргинальным моделям поведения, но, напротив, полностью их исключала: в силу того, что дуэльные кодексы мелочно и дотошно регламентировали все нюансы как самого поединка, так и предшествующих ему и последующих за ним действий каждого из участников.

Мифология, на протяжении нескольких тысячелетий выстраивавшаяся в европейском круге культур вокруг маргинальных институтов и форм поведения, делала особый акцент на двух составляющих: на этике индивидуального достижения и на концепции индивидуальной же «свободы». Эти два элемента, вступая в кумулятивное взаимодействие между собой и будучи представлены в огромном

количестве «героических» сюжетов, создавали мощное поле притяжения, позволявшее позиционировать героическую судьбу и практически неотъемлемую от нее героическую смерть как высшую престижную ценность. Что, в свою очередь, помогало а) мобилизовать и мотивировать (молодых) мужчин для участия в войнах; б) канализировать агрессию и в) решать демографические проблемы, связанные с избытком мужского населения при недостатке ресурсов жизнеобеспечения. Концепция «славы» представляла собой механизм перекодирования героического подвига и смерти в компоненты, не просто совместимые с семейным символическим капиталом, а составлявшие – прежде всего, в культурах с выраженным доминированием военно-аристократического этоса – самый его костяк. При этом гарантией от излишней «индивидуации» жизненных стратегий, служило ограничение маргинальных концепций «свободы» и «достижения», с одной стороны, контролем со стороны маргинальных же, «стайных» групп, обладающих собственными иерархиями и этиками принадлежности, а с другой – концепцией (семейной) чести, в которой только и могла окончательно реализоваться индивидуальная «слава»³¹. При этом «стая» выступала еще и в роли «экспертной инстанции», способной засвидетельствовать высокое качество престижной смерти, достойной переработки в «славу».

Дуэль в этом смысле представляет собой пространство свободы, где маргинальные формы поведения освобождаются от маргинальных же методов контроля со стороны «стаи»³² (при формальном сохранении знаков такого контроля – секунданты и проч.). А обычная прагматика индивидуальной героической смерти как способа качественного повышения семейного «фарна» приобретает здесь выраженный акцент на «личной репутации», с особым вниманием к границам индивидуального тела, к физическим, поведенческим и этическим характеристикам, позволяющим говорить о соответствии

---

³¹ Честь неотъемлема от того публичного / политического поля, в котором она только и находит свое обоснование – в процессе взаимодействия и взаимообусловливания с аналогичными «полями чести» других семейных групп. «Слава» по необходимости ориентирована на предъявление в публичном пространстве: без этой, политической составляющей она попросту не существует. В итоге конечным бенефициаром от приобретения «славы немеркнувшей» оказывается семейная группа.

³² Аристократическая дуэль раннего Нового времени утрачивает, к примеру, обязывающую связь с милитарными практиками, которые все более и более отчетливо присваиваются государством.

идеалу «gentile homme» – значимому уже не столько на семейном, сколько на публичном, политическом уровне.

Все эти особенности дуэли и превращают ее в своего рода «мерцающий» феномен, в котором индивидуальную репутацию легко спутать с семейной честью. Позднейшая буржуазная традиция, с ее оптикой, «заточенной» под вычленение из любого сюжета индивидуальных эмпатийных и нег-эмпатийных триггеров и, в итоге, с интерпретацией самого сюжета в перспективе личных достижений и потерь, неизбежно интерпретирует аристократическую дуэль через призму индивидуальной этики достижения, «персонализируя» саму концепцию дворянской чести и смешивая ее с идеей личной репутации до полной неразличимости. При этом полностью сохраняется символическая ценность самой дуэли как престижной практики, поддерживающей сохранность социального капитала, не гарантированную на общесоциальном уровне в обществе, в котором все еще отсутствует системное и законодательно оформленное представление о правах и свободах отдельной человеческой личности. Во многом поэтому уже в XIX веке происходит резкий рост числа «третьесловных дуэлей»: престижная аристократическая практика становится привлекательной не только в качестве «билета в элиту», но и как средство, позволяющее максимально надежным с символической точки зрения образом обеспечить границы собственной свободы и значимости.

Ре-интерпретация дуэли в нарративной традиции идет одновременно по двум направлениям:

1) Врожденная ориентированность этого института на представления об индивидуальной свободе, достоинстве/репутации и на этику личной ответственности и личных достижений способствует «анекдотизации» связанных с дуэлью сюжетов: нарратив избавляется от «излишних» сложностей, связанных с мотивациями, внешними по отношению к личным действиям и качествам персонажей³³.

2) Значимость идеала «gentile homme» для института дуэли провоцирует авторов новейших нарративов о дуэлях на операцию абстрагирования. Персонажи начинают тяготеть к одномерности, с преувеличенными акцентами на конкретных характеристиках, позволяющих автору выстроить максимально яркую и

---

³³ См. в этой связи: Merriman B. Duels in the European Novel: Honor, Reputation, and the Limits of a Bourgeois Form // Cultural Sociology. 2015. Vol. 9. Issue 2 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1749975514561804?journalCode=cusa> (Дата обращения: 13 декабря 2022).

непротиворечивую систему бинарных оппозиций, сделать конфликт наглядным. Сам сюжет в итоге приобретает притчевое и дидактическое измерение.

Подробный разбор фиктивных текстов Джозефа Конрада и Ридли Скотта, связанный с выявлением тех механизмов, за счет которых каждый из них адаптирует институт аристократической дуэли к собственной повестке дня, я оставляю за рамками этой небольшой статьи, рассчитанной прежде всего на то, чтобы обозначить исследовательское поле и возможные подходы к материалу. Оба текста являются прецедентными в рамках соответствующих эпох (модернистское начало XX века для Конрада и постмодернистские 1970-е для Скотта) и искусств («Дуэль» Конрада и «Дуэлянты» Скотта породили собственные художественные парадигмы, значимые, соответственно, для модернистской прозы и для современного кинематографа), и каждый из них заслуживает полноценной операции «пристального чтения». Здесь и сейчас я задам – буквально в нескольких фразах – только общие направляющие дальнейшего анализа.

В случае с прозаическим текстом Джозефа Конрада анализ будет строиться через посредство романтической и постромантической парадигмы, с акцентом на значимой лично для автора и получившей развитие в других его текстах темой двойничества. В полном соответствии с высказанной несколько выше концепцией, описывающей механизмы ре-интерпретации института аристократической дуэли в позднейшей нарративной традиции, автор замыкает своих д'Юбера и Феро друг на друге в некоем подобии «порочной диады», старательно выстраивая своих персонажей через систему множественных бинарных оппозиций. На данную особенность текста неоднократно обращали внимание исследователи конрадовской прозы, интерпретируя ее при этом в достаточно разных ракурсах, от «физиогномического» до психоаналитического³⁴.

Кинематографический шедевр Ридли Скотта помимо романтической темы двойничества, с неизбежностью позаимствованной из литературного первоисточника, потребует детального анализа

---

³⁴ См.: Berman J. Joseph Conrad: «The Figure behind the Veil» // *Journal of Modern Literature*, 1977. Vol. 6, N. 2. P. 196–208; Stape J.H. Conrad's «The Duel»: A Reconsideration // *The Conradian*. 1986. Vol. 11. N. 1. P. 42–46; Lawtoo N. Dueling to the End / Ending «The Duel». Girard avec Conrad // *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*. 2015. № 22. P. 153–184; Adamowicz-Pośpiech A. Joseph Conrad's «The Duel» and Eustachy Ryłski's Warunek, or the Text and its Spectre // *Yearbook of Conrad Studies*. 2018. Vol. 13. P. 65–82.

визуального языка, посредством которого создается эффект «исторического соприсутствия», и который во многом восходит к эстетике, предложенной Стэнли Кубриком в «Барри Линдоне», вышедшем на экраны за два года до дебютной ленты Ридли Скотта³⁵. Кроме того, одной из базовых тем для анализа станет сюжет о столкновении с немотивированным и «недоговороспособным» злом, который также является для режиссера одним из наиболее устойчивых.

Ключевую же оптику анализа задаст воспринятая в историко-антропологической перспективе идиллическая традиция, одна из базовых систем ре-интерпретации предшествующего исторического опыта, которая из века в век и от одной доминирующей стилистической модели к другой, ее сменяющей, задавала в подавляющем большинстве европейских культур те определяющие ракурсы, через которые «современность» созерцала «прошлое», находя в нем отражение собственных надежд и страхов, и в нем же обретая основания для актуальной самоидентификации³⁶.

---

³⁵ См.: Sundelson D. Review of *The Duellists* by Ridley Scott // *Conradiana*. 1979. Vol. 11. N. 3 P. 297–300; Gregory F. Youthful Resentment, Bourgeois (Anti-)Heroism and Sublime Unrest: Conrad's «The Duel» and Ridley Scott's «The Duellists» // *South Atlantic Review*. 2010. № 1. P. 109–129; Skolik J. About Adapting Conrad's Prose to Film // *Yearbook of Conrad Studies*, 2019. Vol. 14. P. 93–107; Gutiérrez Delgado R. History Embodying Myth: Adapting the Duel in «The Duellists» // *Literature / Film Quarterly*. 2020. № 47. – [Электронный ресурс]. – URL: https://lfq.salisbury.edu/_issues/47_1/history_embodiment_myth_adapting_the_duel_in_the_duellists.html (Дата обращения: 13 декабря 2022)

³⁶ См.: Halperin D. *Before Pastoral: Theocritus and the Ancient Tradition of Bucolic Poetry*. New Haven, 1983; Zanker G. *Modes of viewing in Hellenistic art and poetry*. Madison, 2004; Михайлин В. Архаика, классика и эллинизм: политическое пространство и рождение современной литературной традиции // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 1 (69). С. 195–205. Михайлин В., Иванова Д. Два пастуха разглядывают кубок: Феокрит и рождение современной литературной традиции // *Агрессия. Интерпретация культурных кодов*: 2010. Саратов, СПб., 2010. С. 141–161.

БИОГРАФИКА

УДК 94(470+571) | 18 | +929Толстой

ГРАФ Д.А. ТОЛСТОЙ: ВЕРСИЯ О СУМАСШЕСТВИИ

П.Ю. Мельников¹, Г.Р. Колоколов²

СГЮА

e-mail: p_melnikov@list.ru;

e-mail: gkolokolov@yandex.ru

Аннотация. Граф Дмитрий Андреевич Толстой относится к группе наиболее консервативных государственных деятелей XIX в. Один из фактов его биографии до настоящего времени не уточнен. Современники трижды фиксировали слухи о сумасшествии Толстого, описывая при этом одни и те же симптомы. В статье суммируется информация по данной теме, производится ее общенаучная и медицинская оценка. В результате анализа можно констатировать, что данные разрозненные и версию о сумасшествии можно считать неподтвержденной.

Ключевые слова: Российская империя, XIX в., Дмитрий Андреевич Толстой, сумасшествие.

COUNT D.A. TOLSTOY: THE VERSION OF MADNESS

P.Yu. Melnikov, G.R. Kolokolov

(Saratov, Russia)

e-mail: p_melnikov@list.ru

e-mail: gkolokolov@yandex.ru

Abstract: Count Dmitry Andreevich Tolstoy belongs to the group of the most conservative statesmen of the 19th century. One of the facts of his biography has not yet been specified. Contemporaries recorded rumors of Tolstoy's madness three times, describing the same symptoms. The article summarizes information on this topic, makes its general scientific and medical assessment. As a result of the analysis, it can be stated that the data on insanity are scattered and the version can be considered unconfirmed.

Key words: Russian Empire, XIX century, Dmitry Andreevich Tolstoy, madness.

Среди консервативных государственных деятелей второй половины XIX в. граф Дмитрий Андреевич Толстой занимает особое место.

---

¹ Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

² Колоколов Георгий Рюрикович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии.

Он находился на службе трех сменявших друг друга императоров, занимая высшие правительственные посты империи более 20 лет; вершина его бюрократической карьеры – пост министра внутренних дел, т.е. фактически – главы правительства (с 1882 по 1889 гг.) В молодые годы он был не чужд либеральных идей и даже числился «константиновцем» - входил в неофициальную группировку великого князя Константина Николаевича, главы морского ведомства. Однако начиная с 1860-х гг. перешел в лагерь консерваторов и оставался там до конца своей жизни, считаясь одной из наиболее значимых фигур. Среди прочих сторонников самодержавия Толстой отличался последовательностью в отстаивании своих взглядов и был чужд всякого рода колебаниям. «Имя Толстого уже само по себе есть манифест и программа. Им яснее, чем целым рядом мер, определяется путь правительства»³, - писал по поводу его назначения министром внутренних дел консервативный публицист М.Н. Катков. Подавляющим большинством современников Толстой воспринимался как сугубо отрицательная величина: «Бюрократ до мозга костей», «злой гений российской молодежи», «злой гений земли русской», «последний могиканин консерватизма», «желчная упрямая посредственность»⁴, - лишь малая часть данных ему нелестных характеристик. Его отставка с поста министра просвещения вызвала ликование, сравнимое с национальным праздником, а проводимые им реформы в подавляющем большинстве случаев получили отрицательную оценку - как современников, так и исследователей (впрочем, в постсоветский период можно найти характеристики апологетического типа).

В данном случае речь пойдет об одном факте биографии Д.А. Толстого, который редко фигурировал у исследователей - версии о его сумасшествии; по свидетельствам современников, это проявлялось трижды. В немногочисленной биографической литературе данная информация либо отсутствует, либо воспроизводится некритически. Этот факт биографии Толстого крайне необычен и потому, как минимум, нуждается в проверке.

Первый случай зафиксирован в 1872 г. в дневнике академика А.В. Никитенко: «В публике уже несколько дней ходят слухи, что министр народного просвещения граф Толстой с ума сошел: он все

---

³ Московские ведомости. 1882. 3 июня.

⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 1929. Т. 2. С. 198-199; Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 37; Письмо М.Т. Лорис-Меликова к А.А. Скальковскому // Каторга и ссылка. 1925. № 2. С. 68; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 1966 Т. 2. С. 6; Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 367.

считает себя лошадыю»⁵. Любопытно, что за два с половиной месяца до этого в том же дневнике можно найти и такую запись: «Наши государственные люди, кроме других блестящих качеств, обладают и значительной долей остроумия... А вот образчик этой способности у графа Толстого. Возле него в Рязанской губернии живет в имении своем Д.Д. Дашков (сын бывшего министра юстиции), молодой человек, прекрасно образованный, устроивший у себя замечательную школу для крестьянских детей. Граф позвал его раз на обед и после повел его осматривать разные заведения в своем имении, только не школу, которой он не заводил. Между прочим, он показал ему великолепно отделанные конюшни. Он обратил особенное внимание своего гостя на стойла и, между прочим, указал ему одно из них, отделанное с чрезвычайной роскошью. «Знаете ли, для кого назначено это стойло?» - спросил он его. «Конечно, - отвечал Дашков, - для любимой вашей лошади». - «Нет, - отвечал граф, - это для меня, когда я сойду с ума». Дашков передал это своему другу О.Ф. Миллеру, а этот сегодня сообщил мне»⁶.

Второй случай зафиксирован в 1876 г. в мемуарах Г.К. Градовского. «...В 1876 г. исполнилось десятилетие благополучного правления гр. Д.А. Толстого. К этому времени, как говорили все, он подучился латинскому языку от А.И. Георгиевского, который и попал поэтому в председатели ученого комитета самого ученейшего ведомства. За отсутствием гласности распространились слухи. Утверждали, будто от усиленного умственного напряжения, испытав на себе «учебную систему», применяемую к юношеству, Д.А. Толстой «тронулся», убегает от своего ментора в стойло и питается сеном. Дисциплинированные классицизмом чиновники не смеют-де донести об этом несчастье и не могут выманить больного из конюшни «даже овсом»⁷.

Наконец, третье свидетельство находится в воспоминаниях народовольца Б.Д. Оржика. Летом 1885 г. он планировал совершить покушение на Толстого (к тому времени уже министра внутренних дел) во время поездки на юг. «Министр Толстой действительно вскоре поехал на отдых в Крым, но, несмотря на хранимую правительством тайну, стало известно, что его везут в Ливадию в состоянии полного психического расстройства. Он был не только министром внутренних дел и камергером, но также и «шталмейстером» (по-старинному - «царский конюший»), и одним из пунктов его помешательства было то, что он

---

⁵ Никитенко А.В. Дневник. М., 1955 – 1956. Т. 3. С. 255. Запись от 10 октября 1872 г.

⁶ Там же. С. 250. Запись от 30 августа 1872 г.

⁷ Градовский Г.К. Столпы реакции // Вестник знания. 1909. № 1. С. 21.

превратился в лошадь. Убивать сумасшедшего было бы нелепо и позорно, и мой замысел отпал. На станции Лозовой, в роскошной столовой-особняке Толстой кричал лакею во время ужина:

- Человек, порцию сена.

Однако через несколько месяцев спокойного отдыха в царском дворце в Ливадии и тщательного лечения Толстой совершенно оправился и, вернувшись в Петербург, еще несколько лет тиранил Россию в качестве министра внутренних дел»⁸. Именно этот момент цитируется и в лекциях Н.А. Троицкого, и в его сборнике «Улыбки на лекциях по истории»⁹.

Других свидетельств в источниках не обнаружено. Как можно заметить, все данные эпизодические, разнородны по характеру - два воспоминания и один дневник, однако весьма схожи по содержанию. Насколько же можно им доверять в таком своеобразном вопросе? Попробуем суммировать аргументы положительной и критической оценки.

С одной стороны, цитированные выше авторы обладают достойной репутацией, не предполагавшей трансляцию заведомо ложных слухов. Конечно, они все относились к деятельности Толстого критически, но не конфликтовали с ним лично. Сами свидетельства очень схожи по содержанию, и при этом публикуются с большим временным разбросом (1872, 1876, 1885), т.е. это явно не какой-то один слух, воспроизводимый одновременно несколькими людьми. События 1885 г. косвенно подтверждаются дневниковыми записями А.А. Половцова. Он описывает поездку Толстого в отпуск в Ливадию, ухудшение самочувствия по пути и возвращение на лечение в Петербург. По словам Половцова, «Петр Шувалов... рассказывает, что был в Москве, видел Толстого, который, по отзыву известного доктора Захарьина, одержим четырьмя неизлечимыми болезнями»¹⁰. Наконец, по многим свидетельствам, Толстой в принципе не отличался хорошим здоровьем; постоянная борьба с либеральным крылом Государственного Совета ситуацию только усугубляла. К концу жизни Дмитрий Андреевич во многом руководил министерством номинально, проводя по полгода в своем имении Маково Рязанской губернии. Как писал Е.М. Феоктистов, «летом 1888 г. случился с ним такой припадок, что в течение нескольких дней он путался в речи, неясно произносил слова»¹¹.

---

⁸ Оржих Б.Д. В рядах «Народной воли» // Народовольцы. М., 1931. С. 100.

⁹ Троицкий Н.А. Лекции по русской истории XIX в. Краткий курс. Саратов, 1994. С. 226; Он же. Улыбки на лекциях по истории. М., 2006. С. 220.

¹⁰ Половцов А.А. Указ. соч. С. 291.

¹¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 263.

С другой стороны, первый очевидный недостаток всех записей - это то, что они не являются показаниями очевидцев. «По слухам...» у Никитенко, «распространялись слухи...» у Градовского, «стало известно...» у Оржиха - такого рода речевые обороты не прибавляют уверенности. А яркая фраза - «Человек, порцию сена!» - вообще так написана, что непонятно - слышал ли ее Оржих лично или нет. Далее, два из трех свидетельств - мемуарного характера, опубликованные много позднее описываемых событий, что также могло повлиять на их достоверность. А вот дневниковые записи о сумасшествии Толстого - в единичном экземпляре; теоретически событие такого уровня (если бы оно действительно имело место) должно было бы зафиксироваться в дневниках других современников (Д.А. Милютин, П.А. Валуев), однако этого не произошло. Нет ничего о помешательстве Толстого и в дневнике генеральши А.В. Богданович, «специализировавшейся» на такого рода сообщениях. Доктор Г.А. Захарьин по роду деятельности был не психиатром, а известнейшим терапевтом своего времени (в числе его пациентов - император Александр III), поэтому фраза о «четырех неизлечимых болезнях Толстого» не может дать ни утвердительный, ни отрицательный ответ относительно помешательства министра.

Таким образом представляется, что на основании простого анализа исторических источников невозможно дать точный ответ о временной ненормальности Д.А. Толстого. Можно попробовать другой вариант - рассмотреть его болезнь с точки зрения медицины. Возможно ли в принципе такого рода психическое отклонение, когда с одной стороны человек объявляет себя лошадью и требует «порцию сена», а с другой - ведет обычную жизнь, не вызывая при этом замечаний окружающих?

Осторожная медицинская оценка ситуации выглядит следующим образом. Если допустить, что граф Толстой не шутил, а действительно был одержим подобной идеей (перевоплощение в «лошадь», подготовка специально отделанного стойла «под себя»), можно, с определенной долей вероятности, говорить о наличии у него параноидной, бредовой идеи, часто характеризующей расстройства мышления у психически больных. Такая бредовая идея характеризуется ошибочным, часто абсурдным содержанием, не поддается коррекции, поскольку больной чрезвычайно уверен в ее правдивости, характерна для психозов. Это осторожное допущение о наличии у графа психического расстройства с бредовыми проявлениями находит свое подтверждение спустя четыре года после их первого упоминания в мемуарах Градовского, причем, в данном случае бред остается прежним по содержанию, но значительно прогрессирует, вызывая расстройства поведения и даже

социальной адаптации графа. Воспоминания Оржиха в определенной степени свидетельствует о далеко зашедшем психическом расстройстве графа Толстого, со значительным нарушением критики к своему состоянию, невозможностью работать в течение нескольких месяцев. Однако для более - менее точного диагноза о наличии или отсутствии у Толстого психического расстройства в какой-либо форме информации явно недостаточно.

Точнее всего ответ на вопрос о здоровье Толстого мог бы дать лечивший его врач Захарьин, но связанные с его работой источники крайне скудны. Он не оставил мемуаров (ни печатных, ни рукописных), сведения о его практической работе экзотичны по содержанию и разрозненны, а его личный архивный фонд крайне невелик (4 единицы хранения)¹². По описаниям современников, Захарьин вообще в своей частной практике использовал очень нестандартные методы (это называли «чуждачеством») и при этом, скорее всего, не обременял себя официальной бумажной документацией. Иными словами, из-за малочисленности и разнородности информации вопрос так и остается открытым.

---

¹² Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962. Т. 1. С. 126.

«И Я БЫ МОГ [КАК ШУТ ВИ...]»:
К ВОПРОСУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
А.С. ПУШКИНА И К.Ф. РЫЛЕЕВА
(ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЭТЮД III)

М.В. Калашников¹

Саратовский Земский философский клуб
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка понять пушкинскую мысль, реконструировать неразвернутый образ поэта в контексте его отношений с декабристами. В дискурсивных практиках А.С. Пушкина «шут» это не тот, кто шутит и смешит, а тот над кем смеются, кого вышучивают. Таким шутком для Пушкина в середине 1820-х гг. был К.Ф. Рылеев. Именно о нем, как полагает автор, думал поэт, когда под рисунком виселицы с пятью повешенными декабристами оборвал на полуслове и наполовину зачеркнул строку «И я бы мог [как шут ви...]». Недосказанная мысль так и осталась неразвернутой в строфу. Возможно, Пушкин почувствовал неуместность, бестактность и оскорбительность употребления слова шут в отношении казненного поэта. Вместе с тем, по мнению автора, оборванная на полуслове строка скорее является автобиографической ремаркой сходной по смыслу с восклицанием короля Лиры: «И мой бедный шут повешен!», чем возможным началом стихотворения. Однако, как писал сам Пушкин, «Острая шутка не есть окончательный приговор».

Ключевые слова: декабристы, историко-семантический анализ, А.С. Пушкин, К.Ф. Рылеев, В. Шекспир, шут.

“I COULD AS WELL [LIKE JESTER HA...]”:
ON THE ISSUE OF RELATIONSHIPS BETWEEN A.S. PUSHKIN
AND K.F. RYLEYEV (HISTORICO-SEMANTIC STUDY III)

M.V. Kalashnikov

(Saratov, Russia)
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Annotation. The article attempts to understand Pushkin's train of thought, to reconstruct an uncovered image of the poet in the context of his relationships with Decembrists. In Pushkin's discourse practices, a “jester” is not the one who jokes and makes people laugh, but the one who is laughed upon, who is made fun of. In the middle of 1820s K.F. Ryleyev was such a jester to Pushkin. Author believes that it was him who Pushkin had in mind when he dropped in mid-sentence and half stroke out the line “I could as well [like jester ha...]” below the drawing of the gallows with five hanged Decembrists. A half-spoken thought was left this

---

¹ Калашников Михаил Васильевич (Саратов), историк, эксперт Саратовского Земского философского клуба.

way, unmade into a stanza. It is possible that Pushkin started feeling the inappropriateness, tactlessness and offensiveness of using the word “jester” towards the hanged poet. At the same time, the author believes that the line that was dropped mid-sentence constitutes an autobiographical remark similar in meaning to an exclamation of King Lear “And my poor fool is hanged!” rather than a possible beginning of a verse. However, as Pushkin himself wrote, “A sharp joke is not a final sentence”.

Keywords: Decembrists, historico-semantic analysis, A.S. Pushkin, K.F. Ryleyev, W. Shakespeare, jester.

«И я бы мог как [шут ви...]» Рисунок Пушкина. Осень 1826. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> – (Дата обращения: 20.11.2022).

Недописанная строка А.С. Пушкина «И я бы мог [как шут ви...]» на черновом листе с рисунками, набросанными в ноябре 1826 г., неоднократно привлекала внимание исследователей. Написанная над схематичным рисунком виселицы с пятью повешенными, оборванная на полуслове и наполовину зачеркнутая, возможно стихотворная, строка зафиксировала минутное настроение поэта, его недосказанную мысль, мелькнувший в сознании образ, так и оставшийся неразвернутым в строфу. Тем интересней задача – понять пушкинскую мысль, реконструировать неразвернутый образ поэта в контексте его отношений с декабристами.

Вполне понятно, что подобное суждение могло появиться только в краткий период между первой и второй русскими революциями. В советской России оно уже было невозможно. В 1921 г. В.Ф. Боцяновский, без всяких доказательств опровергая мнение С.А. Венгерова, писал, что слово «шут» «брошено Пушкиным не по адресу декабристов, а по своему собственному». По мнению В.Ф. Боцяновского декабристы «висели как герои, бившиеся, выступившие в защиту знамени свободы. <...> А он (Пушкин – М. К.), стоявший в стороне от этого движения, он, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы среди них как шут, быть может даже умаляя их подвиги своим соседством»².

В том же 1921 г. В.Ф. Боцяновского поддержал Н.О. Лернер. Назвав доводы С.А. Венгерова «наивными и ненужными», он попытался обосновать и аргументировать бездоказательное суждение В.Ф. Боцяновского ссылкой на пушкинскую «Заметку о “Графе Нулине”». «Заметка» Пушкина о пародийной, шутливой поэме заканчивалась так: «“Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения». Вполне понятно, что Пушкин проводил параллель с восстанием декабристов. Однако из пушкинского замечания о «странном сближении» Н.О. Лернер сделал совершенно изумительный по абсурдности вывод. «Этими двумя словами, – писал исследователь, – Пушкин разоблачает нам свой взгляд на самого себя по отношению к декабристам. Он сравнивает себя с казненными, и явно горек ему его собственный вывод. Ну, как же, спрашивается, не “шут”? 13 декабря 1825 г., когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, он перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся

---

² Боцяновский В.Ф. Пушкин и декабристы // Вестник литературы. 1921. № 2 (26). С. 8–9.

пародией. Они вышли умирать, а он шутил. И в приписке к рисункам, изображающим их виселицу, он строго, слишком строго осудил себя за “шутство”»³.

В середине 1930-х гг. М.А. Цявловский готовил к публикации пушкинскую «Тень Баркова». В комментариях к ней он, говоря о влиянии на Пушкина поэмы В.И. Майкова «Елисей или раздраженный Вакх», писал: «Отдавая приказ всем богам явиться к нему, Зевс [В «Елисее» Майкова] грозит: «А если кто из них хоть мало укуснит, Тот будет обращен воронкою в зенит, А попросту сказать, повешу вверх ногами, И будет он висеть, как шут, между богами». В примечании в цитате из «Елисея» М.А. Цявловский заметил: «Стих: <<>И будет он висеть, как шут, между богами<>> приводит на память запись Пушкина <...> при рисунке вис<e>лицы с повешенными декабристами: <<>И я бы мог как шут на<>>. <...> Пушкин, – считал М.А. Цявловский, – просто употребил ходовое в то время выражение, употребленное и Майковым. Я уверен, что и у других писателей допушкинской и пушкинской эпохи можно неоднократно найти это сравнение, в котором под словом <<>шут<>> разумеется, вероятно, картонный шут (паяц) детской игрушки, висящий на веревке, за которую его дергают»⁴.

Подводя итог обзору точек зрения, высказанным в литературе по поводу пушкинской строки «И я бы мог, как шут...», Г.А. Невелев в книге 1985 г. резюмировал: «При всем их различии они практически лишены альтернативности и лишь дополняют одна другую». При этом сам Невелев пришел к следующему выводу: «Сравнение “как шут” независимо от источников и обстоятельств его возникновения в данном контексте, признанное Пушкиным неудачным, неточным или, возможно, неуместным и сразу им зачеркнутое, не имеет, очевидно, того значения, которое ему придается интерпретаторами пушкинской строки. <...> Пушкинская строка в усеченном виде – “И я бы мог...” – настолько многозначна, что любая попытка ее истолкования останется только одной из возможных гипотез и едва ли может претендовать на всестороннее и полное объяснение скрытой в

---

³ Лернер Н.О. Пушкин о казненных декабристах // Книга и революция. Пг., 1921. Т. 2. № 1 (13). С. 81. То же см.: Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. [Л.], 1929. С. 208.

⁴ Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002. С. 264, 266.

ней мысли поэта»⁵. В 1998 г. в книге «Пушкин “об 14-м декабря”» Г.А. Невелев повторил свой вывод⁶.

В 2004 г. С.Е. Эрлих в рецензии на книгу Г.А. Невелева «Пушкин “об 14-м декабря”», рассмотрев пушкинские рисунки «в контексте проективной психологии» безапелляционно заявил: «Надпись над изображением виселицы: «И я бы мог, как [шут, ви<сеть>]» подтверждает недоброжелательное отношение Пушкина к повешенным»⁷.

Как мы полагаем, новое прочтение пушкинской строки «И я бы мог [как шут ви...]» возможно. Историко-семантический анализ понятия «шут» в текстах Пушкина и включение данной строки в контекст его отношений с Рылеевым и шире, – в контекст творческих исканий поэта в 1825 – 1826 гг., раскроет смысл оборванной на полуслове фразы. Пусть даже с некоторой степенью гипотетичности – ведь гипотезы порождают новый смысл в отсутствие фактов.

Прежде всего, отметим, что Пушкин действительно «мог»! В 1874 г. П.А. Вяземский однозначно писал Я.К. Гроту: «О предполагаемой поездке Пушкина *incognito* в Петербург в дек. 25-го года верно рассказано Погодиным в книге его <...> Так и я слышал от Пушкина. <...> главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятежа у Рылеева в ночь 13-го на 14-ое дек.: совершенно верно»⁸.

Теперь к семантике понятия «шут» в текстах Пушкина.

В начале апреля 1821 г. он пишет эпиграмму на Н.А. Цертелева, который выступал в печати с критическими отзывами о стихах Пушкина и его друзей-поэтов:

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный,

Эмилий человек *пустой*».

– «Да ты чем *полон*, шут нарядный?

А, понимаю: сам собой;

Ты полон дряни, милый мой!»⁹

---

⁵ Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...». С. 75.

⁶ Невелев Г.А. Пушкин «об 14-м декабря». С. 313. Примечание.

⁷ Эрлих С.Е. Рецензия: Невелев Г.А. Пушкин «об 14-м декабря»: Реконструкция декабристского документального текста. СПб., 1998, 368 с. 3000 экз. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб, 2004. С. 491.

⁸ Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811 – 1817). Бумаги 1 курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб., 1998. С. 139.

⁹ Пушкин А.С. «Хоть впрочем он поэт изрядный...» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 2. Кн. 1. 1947. С. 177.

В июне 1825 г. в эпиграмме «*Ex ungue leonem*»¹⁰ у Пушкина фигурирует «журнальный шут», он же «площадный шут», который «статейку тиснул, без подписи», но был узнан «по ушам», естественно ослиным¹¹. В 1826 г. в пятой главе «Евгения Онегина» появляется

...отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут¹².

В седьмой главе «Евгения Онегина» (написана в 1827 – 1828 гг.) Татьяна приезжает в Москву, где становится объектом досужих сплетен и лишь

Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей¹³.

Во второй половине 1829 г. в эпиграмме <<На Надеждина>> фигурирует очередной «Укушенный желаньем славы, <...> [Журнальный шут], холоп лукавый», которому Пушкин показывает его место:

Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет¹⁴.

2 января 1831 г. Пушкин в письме П.А. Вяземскому иронично «награждает» званием шута одного из старых своих друзей: «“Северные цветы” что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших?»¹⁵ В 1832 г. в незавершенной поэме «Езерский» Пушкин причисляет к журнальным шутам Фиглярина (Ф. Булгарина)¹⁶. В 1833 г. в романе «Дубровский» обиженный Андрей Гаврилович в письме к Кирилле Петровичу категорически заявляет: «...я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а

---

¹⁰ По когтям льва (узнают) (лат.).

¹¹ Пушкин А.С. *Ex ungue leonem*: (“Недавно я стихами как-то свистнул...”)
// Пушкин А.С. ПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 394.

¹² Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. ПСС. Т. 6. С. 108.

¹³ Там же. С. 160.

¹⁴ Пушкин А.С. <На Надеждина>: (“Надеясь на мое презренье...”) // Пушкин А.С. ПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 172.

¹⁵ Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., 2 января 1831 г. Москва // Пушкин А.С. ПСС. Т. 14. С. 139.

¹⁶ Пушкин А.С. Езерский, 1832 // Пушкин А.С. ПСС. Т. 5. С. 100.

старинный дворянин»¹⁷. В июле 1834 г. в письме к жене Пушкин, оказавшийся в непростой жизненной ситуации с непринятой отставкой, с мыслью о детях пишет: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута...»¹⁸. В 1834 – 1835 гг. в начальном фрагменте романа <Русский Пелам> Пушкин описывает от первого лица детские годы героя так: «...из моих гувернеров <...> не было <...> ни одного, которого бы в две недели по его вступлению в должность не обратил я в домашнего шута...»¹⁹.

Таким образом, можно вполне определенно сказать, что в текстах Пушкина шут это не тот, кто шутит и смешит, а тот над кем смеются, кого вышучивают. Да, и это не «картонная дурилка», а всегда человек. И независимо от того, реальный ли это человек, или вымышленный персонаж, он всегда наделен каким-либо низким, во всех смыслах, качеством или свойством его натуры и характера. По крайней мере, с точки зрения субъекта насмешки. Пушкин никому не прощал насмешки в свой адрес, но сам был крайне насмешлив и ироничен. А.П. Керн вспоминала: Дельвиг «шутит всегда остроумно, не оскорбляя никого. В этом отношении Пушкин резко от него отличался <...>его шутка часто превращалась в сарказм»²⁰.

Одним из таких объектов вышучивания, насмешки и сарказма для Пушкина был Рылеев, и не только как поэт, но и как человек. Они познакомились, вероятно, в конце 1819 г. ещё до высылки Пушкина из Петербурга. Но после мая 1820 г. они больше не встречались.

В начале января 1823 г. Пушкин пишет брату Л.С. Пушкину: «Душа моя, как перевести по-русски *bévues*? (Оплошности, промахи.) – должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bévues*. (Обозрение промахов.) Мы поместили бы там <...> полудневную денницу Рылеева, его же герб российской на вратах византийских – (во время Олега, герба русского не было – а двуглавый орел есть герб византийской и значит разделение Империи на Зап.<адную> и Вост.<очную> – у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи [из] ваших журналов, чтоб не найти с десятков

¹⁷ Пушкин А.С. <Дубровский> // Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. Кн. 1. С. 164.

¹⁸ Пушкин А.С. Письмо Пушкиной Н.Н., около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург // Пушкин А.С. ПСС. Т. 15. С. 180.

¹⁹ Пушкин А.С. <Русский Пелам> // Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. Кн. 1. С. 416.

²⁰ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке // Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 397.

этих *bévuies...*»²¹. 30 января 1823 г. Пушкин в письме брату из Кишинева иронично называет Рылеева «знаменитым» и далее, вновь повторяя эпитет, пишет: «...*тревожных дум*, слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит»²².

В марте 1823 г. Пушкин в письме П.А. Вяземскому из Кишинева умоляет адресата: «Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии»²³. Несмотря на критическое отношение к поэтическим опытам Рылеева, Пушкин мог и по достоинству оценить его творчество, в частности поэму «Войнаровский». 12 января 1824 г. Пушкин писал А.А. Бестужеву из Одессы: «Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всех его *Дум*, слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет»²⁴. В январе – начале февраля 1824 г. Пушкин писал из Одессы брату Л.С. Пушкину: «С Рылеевым мирюсь – Войнаровской полон жизни»²⁵. Однако дружеской приязни к Рылееву Пушкин не испытывал. В письме все тому же А.А. Бестужеву из Одессы от 8 февраля 1824 г. он писал, четко ранжируя передаваемые приветы: «...поклон Рылееву, обними Дельвига, брата и братью»²⁶.

Через год, 25 января 1825 г. Пушкин из Михайловского пишет Рылееву: «Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пушин привезет тебе отрывок из моих *Цыганов*. Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду Пол.<ярной> Звез.<ды> с нетерпением, знаешь для чего? для Войнаровского. Эта поэма нужна была для нашей словесности»²⁷. В конце января – первой половине февраля 1825 г. в письме к брату из

---

²¹ Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., 1–10 января 1823 г. Кишинев // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 54. «“Его же герб Российский” – имеется в виду ошибка Рылеева в думе “Олег Вещий”. “Луч денницы <...> в полдень” ошибка Рылеева (“...в полдень... луч денницы...”) в думе “Богдан Хмельницкий” (денница – утренняя заря)». (Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1959–1962. Т. 9. С. 422. Комментарий И.Н. Семенко.)

²² Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., 30 января 1823 г. Кишинев // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 56.

²³ Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., март 1823 г. Кишинев // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 59.

²⁴ Пушкин А.С. Письмо Бестужеву А.А., 12 января 1824 г. Одесса // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 84–85.

²⁵ Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., январь (после 12) – начало февраля 1824 г. Одесса // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 87.

²⁶ Пушкин А.С. Письмо Бестужеву А.А., 8 февраля 1824 г. Одесса // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 88.

²⁷ Пушкин А.С. Письмо Рылееву К.Ф., 25 января 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 134.

Михайловского Пушкин щедро раздает авансы Рылееву: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнассе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если *Палей* (Поэма Рылеева; осталась незаконченной. – М. К.) пойдет, как начал, Рылеев будет министром»²⁸.

Однако не пошло. Пушкин не согласился с Рылеевым, который в письме в Михайловское от 12 февраля 1825 г. заявил о «пагубном влиянии Жуковского на дух нашей словесности <...> мистицизм, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность <...> растлили многих и много зла наделали»²⁹. В апреле 1825 г. Пушкин, как пишет Н.Н.Мазур, «смог оценить всю совокупность поэтической продукции Рылеева: в его распоряжении оказались “Думы”, “Войнаровский” и отрывки из новой поэмы», то есть «Палей»³⁰.

24 марта 1825 г. Пушкин пишет из Михайловского А.А. Бестужеву: «Рылееву не пишу. Жду сперва Войнаровского. <...> Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотв. языке – но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаясь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай – да чорт его знал. Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал – да более, более»³¹.

Вместе с тем итогом нового поворота в отношении к Рылееву стала пародия Пушкина «Ода его сият гр. Дм.Ив. Хвостову: (“Султан ярится. Кровь Эллады...”))», написанная во второй половине февраля – апреле (не позднее 24-го) 1825 года³². Ю.Н. Тынянов ещё в середине 1920-х гг. писал: «“Ода графу Хвостову” явилась полемическим ответом *воскресителям* оды, причем пародия на *старинных* одописцев явилась дашь рамкою для полемической пародии на *современного* воскресителя старой оды Кюхельбекера и на защитника новой оды

---

²⁸ Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., конец января – первая половина февраля 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 143.

²⁹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1934. С. 483.

³⁰ Мазур Н.Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 184.

³¹ Пушкин А.С. Письмо Бестужеву А.А., 24 марта 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 155.

³² Пушкин А.С. Ода его сият гр. Дм. Ив. Хвостову: (“Султан ярится. Кровь Эллады...”)) // Пушкин А.С. ПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 387–389.

Рылеева»³³. (Выделено в тексте публикации. – М. К.) То есть Пушкин приравнивал по их бессмысленности плоды творческих усилий Рылеева и В.К. Кюхельбекера к поэтическим «достижениям» графа Д.И. Хвостова.

Посвящая А.А. Бестужеву поэму «Войнаровский», Рылеев писал о своих стихах:

Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, –
Я не Поэт, а Гражданин³⁴.

Вспоминая спустя много лет реакцию Пушкина на стих Рылеева «Я не Поэт, а Гражданин»: П.А. Вяземский писал: «Пушкин очень смеялся над этим стихом. <...> Он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом: если же хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою»³⁵. (Выделено в публикации. – М. К.)

В 20-х числах апреля (не позднее 24) 1825 г. Пушкин писал В.А. Жуковскому: «Думы Рылеева и целят, а всё не в попад»³⁶. Однако «Войнаровский» Пушкину нравился. В первой половине мая 1825 г. он писал из Михайловского брату Льву: «...виноват: Войн<аровский> мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня»³⁷. Во второй половине мая 1825 г. Пушкин пишет Рылееву письмо с критикой его «Дум»: «...все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Locī toricī). Описание места действия, речь героя и – нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен...»³⁸. Откровенно о рылеевских «Думах» Пушкин написал в конце мая – середине июня 1825 г. П.А. Вяземскому: «Читал твое *о Чернце*³⁹, ты исполнил долг своего сердца. Эта поэма конечно полна чувства и *умнее* Войнаровского, но в Рылееве есть более замашки или размашки в слогe. У

---

³³ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 115.

³⁴ Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971. С. 185.

³⁵ Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М., 1867. Т. 1: Письма разных лиц к князю Петру Андреевичу Вяземскому. 1812 – 1847. С. 66.

³⁶ Пушкин А.С. Письмо Жуковскому В.А., 20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПССС. Т. 13. С. 167.

³⁷ Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., первая половина мая 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 174.

³⁸ Пушкин А.С. Письмо Рылееву К.Ф., вторая половина мая 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 175–176.

³⁹ Твое о «Чернце» – статья Вяземского о поэме слепого поэта И.И. Козлова «Чернец» («Московский телеграф». 1825. № 8).

него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато Думы дрянь и название сие происходит от немецкого Dum⁴⁰, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда»⁴¹.

В первой половине июня 1825 г. Рылеев в ответ на критику писал Пушкину: «...ты и ободрение и покровительство принимаешь за одно и то же <...> сила душевная слабеет при дворах <...> все дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения»⁴². В ответном письме (черновом) написанном летом 1825 г. Пушкин раздражено заметил: «Мне досадно, что Р.<ылеев> меня не понимает – в чем дело. Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? <...> Ты сердисься за то, что я чванюсь 600 летним дворянством (NB. мое дворянство старее)»⁴³. 30 ноября 1825 г. Пушкин писал А.А. Бестужеву из Михайловского: «Кланяюсь планщику Рылееву, к<ак> говаривал покойник Платов – но я право более люблю стихи без плана, чем план без стихов»⁴⁴.

В 1826 г., уже после казни декабристов, Пушкин писал шестую главу «Евгения Онегина», где была описана дуэль и гибель Ленского, который, если бы не преждевременная смерть, мог многое совершить, «Иль быть повешен, как Рылеев»⁴⁵. Характерно, что именно стихи Рылеева послужили Пушкину материалом для пародийных по своей сути стихов Ленского:

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день⁴⁶.

В 1836 г. Пушкин напечатал в «Современнике» 11 анекдотов объединенных названием Table-talk. Один из них был посвящен

---

⁴⁰ Dum – глупый (нем.).

⁴¹ Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., 25 мая и около середины июня 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 183–184.

⁴² Рылеев К.Ф. Письмо А.С. Пушкину, июнь 1825 г. // Рылеев К.Ф. Сочинения: Стихотворения и поэмы; Проза; Письма / Сост., вступ. ст., коммент. С.А. Фомичева. Л., 1987. С. 332.

⁴³ Пушкин А.С. Письмо Рылееву К.Ф.: (Черновое), вторая половина июня – август 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 218–219.

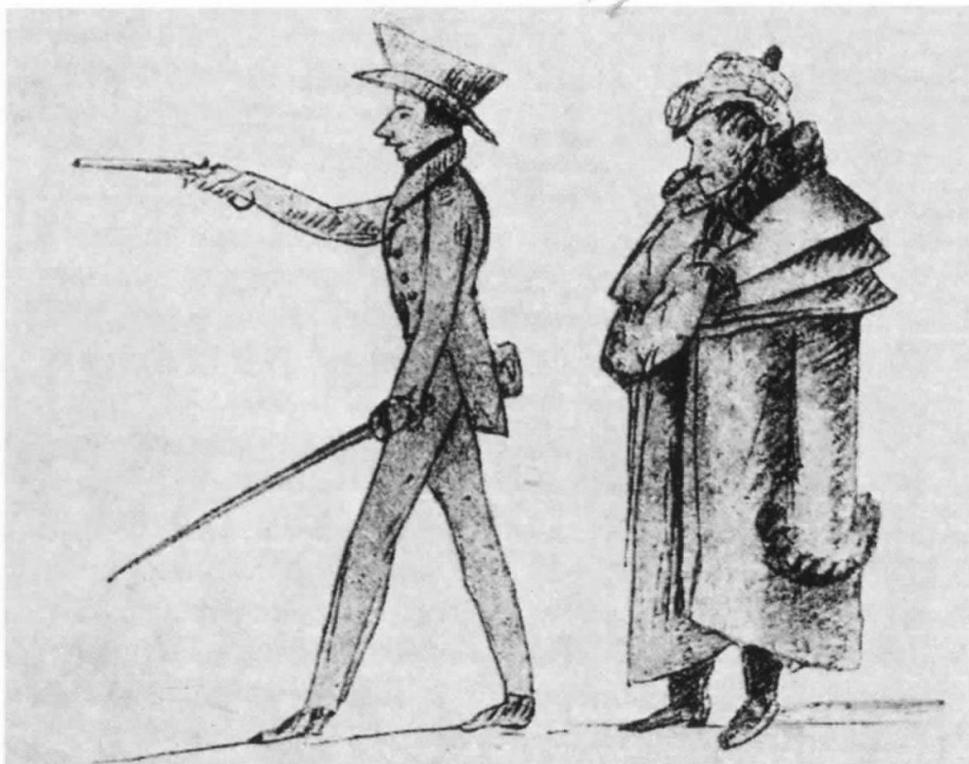
⁴⁴ Пушкин А.С. Письмо Бестужеву А.А., 30 ноября 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 245. «Планщик Рылеев <...> план без стихов» – в письме 12 февраля 1825 г. Рылеев сообщил Пушкину о составлении плана поэмы «Хмельницкий», которая так и не была написана.

⁴⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин: Другие редакции и варианты // Пушкин А.С. ПСС. Т. 6. С. 612.

⁴⁶ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. С. 114.

Рылееву: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат“, отвечал Рылеев. – „Так что же, сказал Д<ельвиг>, разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома есть кухня?“»⁴⁷. То есть Пушкина, нисколько не смущала вероятность «задеть» память казненного. Таким образом, Рылеев для Пушкина оставался объектом насмешки – шутком и после 1826 года.

В пушкинских черновиках 1826 г. курносый профиль Рылеева часто встречается. В том числе и рисунки виселиц. Однако обращает на себя внимание парный рисунок 1826 – 1827 гг., на котором изображены В.К. Кюхельбекер с пистолетом в вытянутой руке, а рядом с ним унылая фигура Рылеева. Внизу рисунка помета П.А. Ефремова: «Подпись Федора Филипповича Юрьева, у которого Пушкин и сделал этот набросок, представляя, какими, по его мнению, были Кюхельбекер и Рылеев на Адмиралтейской площади» 14 декабря 1825 года⁴⁸.

*В.К. Кюхельбекер и Рылеев на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.
Рисунок А.С. Пушкина Май – июль 1827 г.*

⁴⁷ Пушкин А.С. Table-talk // Пушкин А.С. ПСС. Т. 12. С. 159. Table-talk – За-
стольные разговоры (англ.).

⁴⁸ Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб.,
1996. С. 211.

В.К. Кюхельбекер явно изображен как Арлекин, а Рылеев – как Пьеро, шут печальный, – два персонажа комедии дель арте. Современники неоднократно отмечали неизбывную серьезность Рылеева в сочетании с экзальтированным восторгом.

С недописанной черновой строкой Пушкина «И я бы мог [как шут ви...]» связана, как мы полагаем, ещё одна сюжетная линия. Это влияние В. Шекспира. В начале февраля 1826 г. Пушкин писал А.А. Дельвигу: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора. Твердо надеюсь на великодушные молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни – как фр.<анцузские> трагики: но взглянем на трагедию взглядом Шекспира»⁴⁹. Именно в 1825 – 1826 гг. Пушкин увлечен Шекспиром. «Борис Годунов» написан под влиянием творчества Шекспира. Осенью 1830 г. Пушкин в «Набросках предисловия к “Борису Годунову”» писал: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким светским <?> влиянием, Шексп.<иру> я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов»⁵⁰.

Как отметила Л.М. Лотман, «“Николка Железный колпак” в “Борисе Годунове” – лицо, вымышленное поэтом. В нем “совмещены” черты нескольких исторически описанных юродивых и представлена типичная для юродивых форма поведения. <...> В русской драматургии нередко образ юродивого играл роль, сходную с образом шута у Шекспира»⁵¹.

В Михайловском Пушкин читал Шекспира во французских переводах. Но, возможно смотрел его издание на английском. Э.Ф. Лобанова, реконструируя михайловскую библиотеку Пушкина, отнесла англоязычное издание драм Шекспира 1824 г. к разряду книг, которые были в Михайловском предположительно⁵².

---

⁴⁹ Пушкин А.С. Письмо Дельвигу А.А., начало февраля 1826 г. Михайловское // Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 259.

⁵⁰ Пушкин А.С. «Наброски предисловия к «Борису Годунову»» // Пушкин А.С. ПСС. Т. 11. <П.> Изучение Шекспира, Карамзина... С. 140.

⁵¹ Лотман Л.М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А.С. Борис Годунов. СПб., 1996. С. 330–331.

⁵² Лобанова Э.Ф. Михайловская библиотека Пушкина. Попытка реконструкции каталога. М., 1997. С. 43; Shakespeare W. The Dramatic Works of Shakespeare. Leipsic, 1824; Модзалевский Б.Л. Каталог библиотеки <А.С. Пушкина>

Поэтому мы не можем сказать, читал ли Пушкин в это время «Короля Лира», или даже просматривал его, так как том французских переводов, который содержит эту пьесу, остался неразрезанным в библиотеке Пушкина. Но именно в этой драме Шекспира есть шут, про которого Лир перед самой смертью говорит: «And my poor fool is hanged!» «И мой бедный дурак (шут) повешен!» (англ. – М.К.)

Недописанная черновая строка Пушкина «И я бы мог [как шут ви...]», как было сказано, неоднократно привлекала внимание исследователей. В статье была предпринята попытка понять пушкинскую мысль, реконструировать неразвернутый образ поэта в контексте его отношений с декабристами. В дискурсивных практиках Пушкина «шут» – это не тот, кто шутит и смешит, а тот – над кем смеются, кого вышучивают. Таким шутком для Пушкина в первой половине 1820-х гг. был Рылеев. Именно о нем думал поэт, когда под рисунком виселицы с пятью повешенными декабристами, оборвал на полуслове и наполовину зачеркнул строку, которая зафиксировала его минутное настроение, его недосказанную мысль. Однако образ Пушкина так и остался неразвернутым в строфу, возможно, он почувствовал его неуместность, бестактность и оскорбительность в отношении казненного поэта. Эта фраза – скорее ремарка сходная с восклицанием короля Лира, чем возможное начало стихотворения. Но как писал сам А.С. Пушкин «Острая шутка не есть окончательный приговор»⁵³.

// Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 338. № 1390.

⁵³ Пушкин А.С. ПСС. Т. 12. С. 178.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 378.095(470.44-25):94+929Кадькалов

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В САРАТОВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Ю.Г. Кадькалов¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Аннотация. *Статья основывается на личных воспоминаниях автора, в которой рассказывается о зарождении историко-педагогического образования в Саратове в стенах Саратовского педагогического института. Показана динамика развития пединститута в составе Саратовского государственного университета, начиная с момента основания Императорского университета в 1909 году и заканчивая присоединением педагогического института в состав СГУ в середине 1990-х годов. Отдельно автор, на основе своих воспоминаний в качестве декана факультета пединститута, рассказывает о процессе образования исторического отделения по подготовке педагогов-историков, и сложностях, сопровождавшие данный процесс. Автор негативно расценивает факт объединения пединститута к историческому факультету СГУ.*

Ключевые слова: Саратовский госуниверситет, Саратовский педагогический институт, педагогическое образование.

ON THE ISSUE OF HISTORICAL EDUCATION IN SARATOV PEDAGOGICAL INSTITUTE

Yu.G. Kadkalov

(Saratov, Russia)

Annotation: *The article is based on the author's personal memoirs, which tells about the origin of historical pedagogical education in Saratov within the framework of the Saratov Pedagogical Institute. The dynamics of the development of the pedagogical institute as part of Saratov State University is shown, starting from the founding of the Imperial University in 1909 and ending with the accession of the Pedagogical Institute to the SSU in the mid-1990s. Separately, the author, based on his memoirs as dean of the Faculty of the Pedagogical Institute, tells about the process of education of the historical department for the training of teachers, and the difficulties that accompanied this process. The author negatively regards the fact of the unification of the pedagogical institute to the historical faculty of the SSU.*

Keywords: Saratov State University, Saratov Pedagogical Institute, pedagogical education.

---

¹ Кадькалов Ю.Г., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории языка Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Основной базой подготовки специалистов-историков в Саратове всегда был Саратовский университет. Закон о его открытии был подписан императором Николаем II в июне 1909 года: «Учредить в городе Саратове университет и открыть действие такового с 1909 года в составе одного медицинского факультета»². Это был пятый университет в России после Петербургского, Московского, Казанского, Томского.

Среди первых кафедр Саратовского университета, кроме медицинских, были также кафедры физики, зоологии, ботаники.

Знаменательным для университета был 1917 год. В этом году в университете появились новые отделения, факультеты. Например, открылось естественное отделение на базе кафедр зоологии и ботаники, физико-математическое отделение, а также историко-филологический факультет, первым деканом которого был назначен министром просвещения известный философ приват-доцент Петроградского университета Семен Людвигович Франк. Министром были утверждены также первые заведующие кафедрами: С.Л. Франк, Вадим Аполлонович Бутенко (кафедра всеобщей истории)³, Василий Иванович Веретенников (кафедра русской истории), Виктор Максимович Жирмунский (кафедра романо-германской филологии), Николай Кириякович Пиксанов (кафедра русской литературы)⁴. У истоков исторического образования и исторической науки в Саратовском университете были также такие видные ученые, как Ф.В. Баллод, А.А. Гераклитов, Е.Н. Петров, П.Г. Любомиров.

И в более поздние годы (60-90-е годы XX века) на историческом факультете было много ярких ученых-историков, которые продолжали лучшие учебные и научные традиции, заложенные их предшественниками. Среди них следует вспомнить таких ученых, как: Г.Д. Бурдей, Л.А. Дербов, В.Б. Островский, И.В. Порох, С.М. Стам, В.В. Пугачев, Л.А. Троицкий и др.

---

² Саратовский государственный университет. Фотоальбом. Саратов, 2014. С. 6

³ Гладышев А.В., Соломонов В.А. Кафедра новой и новейшей истории: трудный путь становления // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 4-28.

⁴ Гапоненков А.А. К истории филологического образования в Саратовском университете. С.Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. Т. 6. Вып. 1/2. С. 7; Сиротина О.Б. А.М. Лукьяненко и преподавание славянских языков в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 6. Вып. 1/2. С. 25.

В рамках историко-филологического факультета Саратовского университета развивались историческая наука и историческое образование.

Следует отметить, что педагогическое образование вообще (не только историческое) в Саратове справедливо отсчитывать от 1913 года. В этом году, по данным архива Саратовского педагогического института, в Саратове был открыт двухгодичный учительский институт. В течение пяти лет он готовил для школ учителей разных направлений с неполным высшим образованием. В декабре 1918 года, по данным того же архива, на базе учительского института был создан самостоятельный педагогический институт, переименованный в 1919 году в Институт народного образования. А в апреле 1922 года этот институт был интегрирован в состав университета в качестве педагогического факультета.

Педагогический факультет занимал особое место в университете. В составе этого факультета работали отделения, готовившие для школ учителей разных специальностей: физиков, биологов, историков, словесников и т.д.

Рубежным в истории саратовского педагогического образования стал 1931 год. В этом году был вновь создан самостоятельный педагогический институт на основе педагогического факультета университета. «До 1931 года специалисты истории, получали образование в рамках словесно-исторического факультета общественных наук, затем общественно-экономического отделения педагогического факультета»⁵.

Затем образовался четырехлетний перерыв, когда исторического образования в Саратовском университете не было. В 1935 г. был создан исторический факультет, который возглавил основатель школы саратовских археологов, известный краевед и организатор музейного дела Павел Сергеевич Рыков. Четырехлетний перерыв в историческом образовании был связан, вероятно, с уходом педагогического факультета вместе с историческим отделением во вновь созданный в 1931 г. педагогический институт.

Первым директором Саратовского педагогического института был доцент Бондар (1931 – 1932). В 1933 году его сменил Иван Николаевич Кузбар, доцент кафедры педагогики и психологии, затем с октября 1933 г. по март 1935 г. директором был Н.Ф. Левашов, с марта 1935 г. по август 1937 г. директорствовал доцент историк

---

⁵ Саратовский государственный университет. Фотоальбом. С. 132.

Лебедев, который в 1937 году был репрессирован, и директорство принял доцент, экономист Муханов Константин Иванович (1937-1942). Директора института менялись часто.

По воспоминаниям главного бухгалтера пединститута Е.Н. Клементьевой, после XX съезда КПСС и широкой амнистии политзаключенных доцент Лебедев вернулся в Саратов и зашел в пединститут. Никто в институте его не узнал. Он зашел в кабинет главбуха института, которую он немного помнил. На её вопрос: «Кто он? Что ему нужно?», ответил: «Я Лебедев» и она вспомнила его. А больше Лебедев не появлялся.

В 1930-40-е годы Саратовский пединститут рос, укреплялся. В 1934 г. к пединституту был присоединен Саратовский учительский институт с отделениями историческим, русского языка и литературы, физико-математическим и естественно-географическим.

В 1941 г. в состав Саратовского пединститута вошел Саратовский учительский институт иностранных языков, и это создало возможность открыть на факультете иностранных языков пединститута английское отделение.

В 1942 г. Энгельсский педагогический институт был присоединен к Саратовскому пединституту.

Историческое образование в Саратовском педагогическом институте присутствовало изначально, с первых дней его работы. На историческом факультете пединститута работали, закладывали учебные и научные традиции такие историки, как академик АН СССР, доктор исторических наук, профессор Анна Михайловна Панкратова, профессор Михаил Григорьевич Тихомиров, доцент (впоследствии профессор) Яков Фомич Майофис, доцент Лебедев и др.

Историческое образование в педагогическом институте, конечно, имело своеобразие. Оно направлено на подготовку учителя-историка для общеобразовательной школы, поэтому должно быть постоянно ориентировано на материал школьного учебника, на определенную методику преподавания. В связи с этим, наличие такого специалиста, как академик А.Н. Панкратова, по чьим учебникам истории работали школы тех лет, было весьма счастливым обстоятельством.

В конце 1950-х годов в стране возникла тенденция создания факультетов широкого профиля. В педагогическом институте был образован историко-филологический факультет. Однако уже через несколько лет он распался, так как подготовка учителей истории в

педвузах была прекращена. Историческое образование осталось только в университете. Пауза была долгой.

К 1990-м годам в стране обнаружился дефицит учителей-историков в школе. ЦК КПСС принял решение расширить подготовку учителей-историков. В связи с этим некоторым педагогическим ВУЗам было предложено вновь открыть исторические отделения. Такое поручение в 1984 г. было дано и Саратовскому педагогическому институту. Выбор педвузов для выполнения данной задачи, мне кажется, определялся не только авторитетом педвуза (а Саратовский пединститут был одним из крупнейших педвузов в стране), но прежде всего наличием в данном городе университета с историческим отделением. И этот критерий представляется вполне логичным. В этом я убедился на практике, будучи деканом факультета пединститута. В 1984 году Министерство просвещения РСФСР утвердило Саратовскому пединституту план набора на первый курс исторического отделения в количестве 50 человек. Ясно, что 50 человек - это не факультет, и деканат и кафедры при таком контингенте создать трудно. Значит, это отделение надо «приписать» к одному из факультетов пединститута. К какому? Логичнее всего присоединить его к филологическому факультету. Но этот вопрос вызвал решительное возражение проректора пединститута по учебной работе доцента Сербина А.И. Он мотивировал свое мнение тем, что филологический факультет слишком перегружен, так как в его составе, в сущности, уже два самостоятельных факультета: 1. отделение русского языка и литературы с контингентом 375 человек очного отделения и 480 человек заочного отделения, и 2. отделение русского языка и литературы для национальных (узбекских) школ - 375 человек очного отделения. В сумме это составляло 750 студентов-очников и 480 заочников, т.е. всего 1230 студентов. Каждое отделение имело свой особый учебный план и отдельное расписание занятий и даже свой состав преподавателей. Деканат филфака и так с трудом справлялся с этой большой работой. Историческое отделение в ближайшей перспективе должно было вырасти в отдельный факультет, а пока, чтобы с ним вести необходимую организационную и документальную работу, его лучше приписать или к факультету иностранных языков, где только 250 человек очников, или к межфакультетской кафедре истории КПСС. Конечно, временно.

Эти предложения, совершенно неожиданные, вызвали бурную дискуссию, возражения на заседании ректората, а затем на заседании парткома пединститута. Особенно со стороны декана факультета

иностранных языков доцента Панасянц Н.Н. и со стороны заведующего кафедрой истории КПСС проф. Терехова И.С. После долгой дискуссии все-таки, решили отдать историческое отделение филологическому факультету (декан доц. Ю.Г. Кадькалов).

А затем возникли реальные практические трудности. С первого сентября 1984 г. надо было начать занятия в соответствии с учебным планом исторического факультета. Для обеспечения документооборота на кафедру истории КПСС выделили дополнительное место лаборанта (им стал А.В. Гладышев). А где взять преподавателей историков? В пединституте их не было. В других вузах города – медицинском, юридическом, экономическом – тем более. Единственное спасение – это университет. Я пошел за помощью в деканат истфака университета. Декан, выслушав меня, правильно понял ситуацию и направил к заведующему кафедрой профессору Владимиру Григорьевичу Боруховичу. Я до сих пор благодарен этому человеку за доброе отношение и искреннее желание помочь. Мы рассмотрели с ним дисциплины исторического профиля для первого курса истфака пединститута, и он не только порекомендовал преподавателей со своей кафедры для работы на первом курсе, но и сам решил прочитать у нас курс лекций. Работа планировалась на условиях почасовой оплаты.

Студенты были очень довольны лекциями преподавателей СГУ. Но вскоре наша радость была омрачена. Через три недели мне позвонил В.Г. Борухович и сообщил, что не сможет больше работать в пединституте, так как у него случился инфаркт. Это был удар. Но В.Г. Борухович был очень интеллигентным человеком и пообещал найти себе замену. Он предложил в штат пединститута доцента Стручалину Римму Анатольевну, которая и стала читать дисциплины, необходимые на первом курсе. Мы с доцентом Р.А. Стручалиной спланировали первые шаги на первом курсе, и я просил её быть куратором отделения. Мы стали искать кадры для формирования в перспективе своих кафедр. И это нам удалось. Во главе с доцентом Р.А. Стручалиной сформировалась кафедра в составе: доцент (затем профессор) Ирина Яковлевна Эльфонд, кандидат исторических наук Майорова Алла Степановна, доцент Александр Иванович Ефремов, преподаватели Гладышев Андрей Владимирович, Донин Александр Николаевич, Балановский Александр Васильевич, Калашников Михаил Васильевич. В качестве почасовиков работали также преподаватели СГУ проф. Владимир Владимирович Пугачев, доцент Сергей Евгеньевич Летчфорд. Несколько позже на кафедре

стал работать доцент Мякшев Анатолий Павлович. Впоследствии А.В. Гладышев, А.Н. Донин, А.П. Мякшев стали докторами наук, профессорами.

Кроме кадровой, на историческом отделении пединститута возникла сразу еще одна серьезная проблема – проблема библиотеки. В пединституте не было ни учебной, ни научной литературы, ни научных журналов по истории. Опять надо просить о помощи университет. Но тут мы столкнулись с препятствиями. Научная библиотека и ректорат СГУ не согласны были разрешить нашим студентам-историкам пользоваться систематически библиотечным фондом университета, ссылаясь на перегруженность читальных залов и перегруженность сотрудников библиотеки. Но как же быть? Как вести учебную, научную студенческую работу? Как вести исследовательскую работу в спецсеминарах, как выполнять курсовые и дипломные работы? Удалось все-таки найти компромиссное решение. Систематическое пользование библиотекой получили старшекурсники, разовое пользование – младшие курсы. Решался даже вопрос о расширении штата библиотеки СГУ за счет бюджета пединститута.

В 1989 году историческое отделение филфака пединститута выросло в полный факультет, на нем появился пятый, выпускной курс, сложились свои кафедры, историческое отделение жило полноценной жизнью вузовского факультета. В этих условиях я попросил ректорат пединститута выделить историческое отделение в самостоятельный факультет. Это не только облегчало работу филфака, но и придавало историческому факультету полную самостоятельность. Предложение было принято.

Деканом нового факультета стала доцент Р.А. Стручалина. Затем её сменил доцент А.П. Мякшев.

Но вскоре все переменялось. В середине 1990-х годов в ходе ряда реформ властные структуры Москвы и Саратова приняли решение о слиянии педагогического института и университета в один вуз. Филологический факультет еще несколько лет (до 2011 года) сохранялся как самостоятельный факультет в составе университета (факультет русской словесности), а исторический факультет был поглощен сразу историческим факультетом СГУ. Так закончилось не только историческое образование в Саратовском пединституте, но и судьба пединститута в целом.

Закрытие педагогического института в Саратове (как и во многих других города России) не представляется рациональным. Подготовка учительских кадров для школ области (а это более 400 школ)

не улучшилась. Дефицит учителей в школе растет. В некоторой степени спасают положение учителя-пенсионеры. Но, во-первых, это временное спасение, а во-вторых, эта группа учителей не склонна к новациям, творчеству. Усугубляет положение также нескончаемые реформы в школе со стороны бюрократических ведомств: увеличение бумажной отчетности учителей, низкая зарплата в школе и др. Учителя вынуждены формально заниматься ненужными бумагами, а также вынуждены работать на двух ставках. Педагогическое образование на педагогических отделениях факультетов университета находится на периферии. Утрачиваются лучшие педагогические традиции. Ослабла связь учебного процесса в ВУЗе со школьной практикой. Снизился уровень воспитательной работы с будущими учителями. Ослаблены контакты между вузами в области подготовки учителей и т.д.

Вместе с тем, следует помнить, что педагогический вуз – это важнейший вуз. Он готовит учителя, того специалиста, от которого зависит развитие всех отраслей знаний в обществе и нравственное состояние общества. Жорж Жак Дантон, известный деятель французской революции XVIII века, писал: «После хлеба самое важное для народа – школа»⁶

---

⁶ Воронцов В. Симфония разума. Саратов, 1979. С. 159.

О сколько нам открытий чудных,
Готовят просвещенья дух
И опыт сын ошибок трудных,
И гений парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.
(А.С. Пушкин)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ В КАЧЕСТВЕ ГАРНИРА¹

В.И. Кац

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Аннотация. *Материал статьи представляет собою часть ранее не публиковавшихся воспоминаний известного саратовского историка и археолога, специалиста по Античности Северного Причерноморья Владимира Ивановича Каца. Автор повествует о своем пути в историческую науку, который для него начался в стенах исторического факультета Саратовского государственного университета, под влиянием его первых преподавателей: И.В. Сеницына, Э.К. Путныня, Ф.Я. Коське. Автор описывает не только свое становление как историка, но, что не менее важно, и как педагога. По окончании университета, по распределению В.И. Кац направляется в Кемеровскую область в среднюю школу городка Мыски. Работа там способствовала формированию В.И. Каца в качестве учителя и педагога, который смог своей неутомимой энергией пробудить в школьниках не только интерес к истории, но и к археологии и любви к природе родного края. Работая в школе, В.И. Кац организовал исторический кружок, который проводил самостоятельные археологические разведки как в Кемеровской области, так и в Алтайском крае. Именно там им был открыт археологический памятник Андроновской культуры у села Кытманово, что даже позволило исследователям данного памятника говорить о В.И. Каце как о «местном алтайском археологе».*

Ключевые слова: В.И. Кац, И.В. Сеницын, Э.К. Путнынь, Ф.Я. Коське, Саратовский государственный университет, саратовская археология, мемуары, биографика.

ARCHAEOLOGICAL DETECTIVES AND MARGINAL NOTES AS A SIDE DISH

V.I. Katz

(Saratov, Russia)

---

¹ Здесь автор описывает свои студенческие годы и работу учителем после окончания университета. Дальнейшая часть воспоминаний об аспирантуре, работе в Борисоглебском пединституте и на кафедре истории древнего мира СГУ см.: Античный мир и археология. 2023. Вып. 21 (ред.).

Annotation. *The material of the article is a part of the previously unpublished memoirs of the famous Saratov historian and archaeologist, an expert on the Antiquity of the Northern Black Sea region Vladimir Ivanovich Katz. The author tells about his path to historical science, which began for him in the walls of the History Faculty of Saratov State University, under the influence of his first teachers: I.V. Sinitsyn, E.K. Putnyn, F.Ya. Koske. The author describes not only his formation as a historian, but, no less importantly, as a teacher. After graduating from the university, according to the distribution, V.I. Katz is sent to the Kemerovo region to the secondary school of the town of Myski. The work there contributed to the formation of V.I. Katz as a teacher and teacher, who was able to awaken in schoolchildren not only an interest in history, but also in archeology and love for the nature of his native land with his tireless energy. While working at the school, V.I. Katz organized a historical circle, which conducted independent archaeological surveys both in the Kemerovo Region and in the Altai Territory. It was there that he discovered an archaeological monument of the Andronovo culture near the village of Kytmanovo, which even allowed researchers of this monument to speak of V.I. Katz as a "local Altai archaeologist".*

Keywords: V.I. Katz, I.V. Sinitsyn, E.K. Putnin, F.Ya. Koske, Saratov State University, Saratov archeology, memoirs, biography.

Вместо введения.

Детективы у нас любят, книги с детективными сюжетами издаются миллионными тиражами. Чаще всего мы имеем дело с художественными произведениями. Документальные издания достаточно редки, а археологические детективы такого плана практически отсутствуют. Я уже давно собирался в какой-то степени заполнить эту лакуну и поделиться информацией об археологических детективных историях, зачастую не только инициатором, но и активным участником которых был. Но всё руки не доходили, необходимо было решать другие накопившиеся вопросы. Но теперь, кажется, наступило время, когда отступать некуда. Итак, приступаем.

Вначале несколько биографических данных. Я коренной саратовец. После окончания школы поступил на исторический факультет Саратовского университета. Этот шаг был сделан вполне осознанно. В школьные годы меня интересовала и история как таковая, и особенно археология.

Мне, как это часто случалось и в дальнейшем, повезло. На первом курсе лекции по истории первобытного общества и археологии читал Иван Васильевич Синицын, крупнейший специалист по археологии Нижнего Поволжья. Сейчас, после опыта почти полувековой преподавательской работы, я понимаю, насколько я был неудобным студентом, допекавшим Ивана Васильевича вопросами об ацтеках и майя, в то время как все его интересы находились в Поволжье. Но, несмотря на это, хотя в то время обязательная археологическая практика отсутствовала в учебном плане, он взял меня после первого

курса в экспедицию, проводившую работу по исследованию памятников в зоне затопления Волгоградского водохранилища. Это был первый опыт моего вхождения не в книжную, а реальную археологию, при этом археологию Поволжскую.

Правда, после окончания второго курса я ей изменил, когда втроём мы отправились на велосипедах по Украине. Начали с Валук, до которых добрались поездом, далее Харьков, Полтава, Киев, Одесса. Отсюда на теплоходе «Украина» переправились в Евпаторию, а далее Симферополь, Бахчисарай, Ай-Петри, Ялта, Алушта, Судак, Феодосия и Керчь, где путешествие закончилось. Надо сказать, что хороших и подробных карт в то время не было, по крайней мере в открытом доступе, так что иногда мы и блукали. Так из Киева мы, как матрос Железняк, который шёл на Одессу, а вышел к Херсону, так же шли на Одессу, а вышли к Николаеву.

В Николаеве произошла интересная встреча, которая имела продолжение через четыре десятилетия. Мы, сидя на тротуарном бордюре рядом с велосипедами, наслаждались фруктовым мороженым, стоившим, если память мне не изменяет, 11 копеек. На более дорогой продукт у нас просто не было денег, да и мороженое было превосходное, сделанное на натуральном вишнёвом соке без каких-либо заменителей. К нам подошёл человек средних лет, представился корреспондентом местной газеты и поинтересовался кто мы такие. В результате он не только опубликовал заметку о саратовских сумасшедших в своей газете, но и переправил её в Саратов, где она появилась в одной из газет ещё до того как мы вернулись. Было и продолжение этой истории. Где-то уже в 90-е годы, мой коллега В. Тотфалушин сообщил, что меня пропечатали в газете и подарил еженедельник, появившийся в Саратове в разгул гласности. В нём существовала рубрика: «О чём раньше писали саратовские газеты», в которой и была переиздана заметка от 1956 года.

Надо отметить, что каких-либо особых трудностей бытового плана в период путешествия мы не испытывали. Значительно помогало ходатайство от студенческого профкома, заверенное печатью, с просьбой оказать содействие. Благодаря этой «филькиной грамоте» удалось без очереди закомпостировать билеты на станции Ртищево. Ренат, расталкивая очередь, размахивал этой бумагой и кричал, что её сам Махов подписал – это был председатель студенческого профкома. Подействовало. В дальнейшем эта же «филькина грамота» помогла нам в Киеве, где мы остановились на несколько дней. Нам в университете предоставили в распоряжение зал тяжёлой атлетики,

куда мы загнали велосипеды и с комфортом расположились на находившихся в зале матах. Аналогичным образом в Одессе нас разместили в студенческом общежитии, а в Симферополе даже на офицерской милицейской гауптвахте.

Пожалуй, наибольшее впечатление эта бумага произвела на одного председателя колхоза, где мы появились на пути из Киева в Одессу. Мы собирались переночевать в этом селе. Прежде всего, нужно было приготовить ужин. На окраине села заметили молодуху, хлопотававшую во дворе у печки. Обратились к ней с просьбой поставить на плиту и наш котелок. После полученного разрешения ребята отправились в правление колхоза, а мне поручили приготовить ужин. Меню было обычное – гороховый суп из концентрата. Хозяйка долго ходила кругами вокруг меня, а потом спросила: «Давно вас выпустили?». Да, вид у нас был тот ещё. Вскоре появились и попутчики. Они переговорили с председателем колхоза, который не только отдал распоряжение поместить нас в гостевом доме, но и написал записку кладовщику. В результате нам был выдан каравай хлеба, масло и набор овощей, что не только значительно пополнило меню ужина, но кое-что осталось и на завтрак.

В дальнейшем мне пришлось ещё пару раз, но уже в одиночку, воспользоваться велосипедом для длительных поездок. После окончания четвёртого курса у нас была стажировка в арtpолку в Казани, а затем экзамен на военной кафедре. Оставались до начала занятий две недели, и я решил их потратить на знакомство с Танаисом, античным городом в низовьях Дона, где незадолго до этого начались систематические раскопки. Велосипед, на котором ездил по Украине, к тому времени приказал долго жить, пришлось заимствовать машину у друзей. Погрузился с ней на пароход и отправился в Сталинград, где проживала моя тётя. У неё переночевал, а утром двинулся на Ростов. Поездка проходила в нормальном режиме, но в ходе неё выяснилось, что я не отнёсся серьёзно к её подготовке и допустил два прокола.

Во-первых, знакомясь с маршрутом по карте мелкого масштаба, вычислил, что мне предстоит проехать около 400 км. В итоге, а велосипед был оснащён спидометром, оказалось, что расстояние было в полтора раза больше. Во-вторых, не проверил тщательно велосипед, в результате уже на второй день пришлось чинить камеру заднего колеса. Но, худо-бедно, вечером четвёртого дня был в Ростове. Отправился на почту и отбил домой телеграмму, что жив – здоров, и уже в темноте двинулся в сторону станицы Недвиговка, по соседству

с которой находился Танаис. О ночёвке, имея уже достаточный опыт, не беспокоился. И оказался прав – в нескольких километрах за чертой города заметил копёшки, в одной из которых с комфортом переночевал.

К сожалению, в Танаисе археологов не застал, экспедиция уже закончила работу. Но получил информацию, что у станицы Елизаветовская работают археологи. Это оказалась экспедиция В.П. Шилова. Отправился туда и впервые воспользовался практикой археологического братства. Представился начальнику, и он тут же распорядился поместить меня в одной из палаток и накормить. Но нужно было соблюдать и определённые этические нормы – утром следующего дня отправился вместе с остальными на работу. Интересно, я не мог предполагать, что к материалам 8-го «Пятибратнего» кургана, на начальной стадии раскопок которого принимал участие, мне в дальнейшем придётся обращаться дважды².

Пробыв несколько дней в экспедиции, после обеда двинулся в Ростов. Купил билет на пароход, отплывающий утром следующего дня, и отдыхал на одной из лавочек у речного вокзала. На ту же лавочку присел мужчина с чемоданчиком. Разговорились. Он оказался командировочным и пожаловался, что все места в гостиницах заняты. Я предложил ему бесплатную гостиницу за городом, но он почему-то отказался. Я же ею воспользовался и спокойно переночевал в той же копёшке, что и в первый раз.

Утром погрузил велосипед в трюм парохода, а сам с цыганским семейством расположился на корме. На следующий день, пароход, миновав Волго-Донской канал, сделал очередную остановку. С учётом того, что он должен был стоять в Сталинграде несколько часов, я решил сэкономить время и добраться до тёти, которая жила на южной окраине города на велосипеде. Но от пристани проехал всего с километр и здесь у подножья гигантской статуи Сталина, находившейся у входа в канал имени Ленина, заднее колесо отказало окончательно. Бегом возвратился на пристань. Слава богу, пароход ещё не успел отчалить. Добравшись до Саратова и разобрав заднее колесо, обнаружил, что камера не просто прохудилась, а разорвалась

---

² Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007; Монахов С.Ю. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. научных трудов, посвященный 70-летию проф. В.П. Копылова / А.Н. Коваленко (ред.). Ростов-на-Дону, 2018 (ред.).

пополам. В очередной раз повезло. Тяжело бы мне пришлось, если бы это случилось в степи между Сталинградом и Ростовом.

Несомненно, эти велосипедные путешествия позволили приобрести опыт выживания в неблагоприятных условиях. И он был в дальнейшем неоднократно востребован при походах с друзьями в майские праздники по Псковщине и Вологодчине, в лыжных и разведочных походах со школьниками в Сибири и при ознакомлении студентов-практикантов с памятниками Горного Крыма.

Где-то в 1990-е годы на родном историческом факультете, где я в то время уже работал несколько десятилетий, было открыто отделение туризма и менеджмента. У них по учебному плану была положена экскурсионная практика. Я предложил проводить её в ходе знакомства с памятниками Нижнего Дона, Тамани и Крымского полуострова. Пришёл на 3 курс с целью набрать желающих. Познакомил с планируемым маршрутом. А так как передо мной были уже теоретически подготовленные студенты, то сразу последовал вопрос: «А отели скольких звёзд будут задействованы?». Я ответил, что звёзд будет навалом, но в основном кустики. Так как в тот период советская романтика ещё не выветрилась окончательно, желающие нашлись. И, несмотря на то, что многим из них пришлось впервые ночевать под открытым небом, полученные впечатления с лихвой перекрыли это неудобство и каких-либо рекламаций не поступило.

Но вернёмся к обучению в университете. Лето после окончания третьего курса оказалось для меня судьбоносным. И опять помог случай. В учебный план была включена археологическая практика, и заведующий кафедрой Истории Древнего мира Эдуард Кришевич Путный (1905-1976) предложил отправить студентов 3 курса, специализирующихся при кафедре, в Херсонес Таврический - один из центров античной цивилизации в Северном Причерноморье. Руководителем практики был назначен Иван Васильевич Сеницын. Он такое поручение встретил без восторга, так как оттягивались сроки назначенной им экспедиции в Калмыкию.

Практика прошла успешно. Все отправились на каникулы домой, а я проработал ещё полтора месяца в Херсонесе, в археологической экспедиции под руководством Станислава Францевича Стржеleckого (1910-1969). Именно он привлёк меня к обработке массового керамического материала, полученного в ходе раскопок. Здесь произошло моё первое знакомство с античными клейменными амфорами и черепицей. Конечно, в тот момент я не мог предположить, что именно эта категория археологических находок станет в

дальнейшем основной сферой моих научных интересов. Но, в любом случае, в результате работы в Херсонесе, я оказался глубоко заражён античным вирусом, что оказало влияние, как на выбор темы дипломного сочинения, так и на дальнейшую мою научную карьеру.

Произошли перемены и на кафедре. Обиженный Иван Васильевич перешёл на другую кафедру, а на его место пришла Финина Яковлевна Коське, до этого работавшая в Туркмении, где она занималась археологией Греко-Бактрийского царства. С её подачи была оформлена тема дипломного сочинения: «Роль внешней торговли в экономике Античного Херсонеса». Проработал литературу, которой оказалось немного, где в основном торговля Херсонеса рассматривалась с учётом исключительно письменных источников. Археологический материал привлекался редко. Постепенно я пришёл к выводу, что наиболее полноценным, а главное массовым материалом для рассматриваемой темы могут оказаться керамические (в первую очередь амфорные) клейма.

В ходе подготовки дипломного сочинения о возможностях использования керамических клейм в качестве надёжного исторического источника я имел довольно приблизительное представление. Но интуитивно понял, что керамические клейма заслуживают особого внимания, и не только собрал всю информацию об оттисках, обнаруженных в Херсонесе, которая содержалась в печатных изданиях, но и пополнил её архивными материалами. Дипломная работа была успешно защищена. Одновременно с этим прошло ещё одно важное мероприятие – распределение на работу.

В настоящее время эта практика отменена. В результате, лишь меньшая часть выпускников истфака попадает на работу в школы, да и там большинство задерживается ненадолго. О причинах этого мы поговорим позже. Сейчас же отмечу, что в советский период школы пользовались большей популярностью, однако многие мои сокурсники считали, что эти школы должны находиться исключительно в пределах Саратова. Поэтому они предоставляли гору справок, и многим удавалось увильнуть от распределения.

В отличие от них я на законном основании мог получить эту льготу. Когда я учился на I курсе, у меня скоропостижно умерла мать, и все годы обучения я проживал вместе с дедом и бабушкой, пенсионерами. Вполне мог получить справку, что они находятся на моём иждивении и нуждаются в уходе. Однако принципиально не пошёл по этому пути. Иждивенцем все эти годы был я сам, и теперь, получив высшее образование, должен был освободить их от этой

обузы. Устроиться же на работу по специальности в Саратове было нереально, места учителей истории в школах города были забронированы на пять лет вперёд. Поэтому, когда проходило распределение, я выбрал Кемеровскую область. Причина выбора была прозаической. По данным статистики в то время в городах этого региона проживало три четверти населения области, так что была вероятность попасть на работу в городскую школу. Как увидим ниже, эти расчёты оправдались лишь частично. Но долг государству я отдал сполна – проработал в школе следующих три года.

В дальнейшем при работе в университете мне приходилось неоднократно в ходе очередной компании по профориентации убеждать выпускников отправиться на работу в школу. В отличие от некоторых моих коллег, которые после студенческой скамьи сразу пересели на аспирантский стул, а затем в преподавательское кресло, я с полным правом убеждал выпускников, что без работы в школе они не состоятся, как полноценные специалисты. И здесь я не кривил душой. Именно моё становление как преподавателя произошло в ходе трёхлетнего пребывания в качестве учителя истории в школе № 12 г. Мыски. Кроме того, к этому периоду как раз и относиться первая детективная история, непосредственным инициатором и участником которой мне посчастливилось оказаться.

Сюжет первый. Андроновский могильник.

Итак, в конце августа 1959 г. я добрался на поезде до Кемерово и отправился в Облоно³. Предоставил направление на работу и мне предложили несколько вакантных мест. Выбрал восьмилетнюю школу № 12 города Мыски. Выбор был сделан с учётом чисто меркантильных соображений. Если в городе количество школ превышало десяток, то, по идее, это должно было быть довольно крупное поселение. Кроме того, плюсом было и его расположение на юге области, куда выходили отроги Кузнецкого Алатау, так что с природой так же должно было быть благополучно. Поездом добрался до Новокузнецка, а далее автобусом полсотни километров, и я в Мысках, одном из центров Горной Шории.

Городок оказался небольшим по размерам, почти сплошь одноэтажная частная застройка, редкие двухэтажные дома заняты государственными учреждениями и школами. К одному из таких домов, где находился городской отдел образования, я и направился.

---

³ Областной отдел народного образования.

Устройство на работу заняло минимум времени. В отделе кадров завели трудовую книжку и сделали первую запись: *«принят на работу учителем в школу № 12 Мысковского Гороно»*.

Через несколько лет, когда я после аспирантуры получил назначение на работу в Борисоглебский Пединститут, женщина-кадровик, рассматривая мою трудовую книжку, с некоторым уважением отметила: *«Смотри-ка, сразу после университета попал в Москву»*. Пришлось её разочаровать и выдать популярную у местного населения Мысков присказку: *«Мыски почти Москва, только дома пониже, дым по-жиже и Бородино поближе»*. Деревня Бородино находилась в нескольких километрах от города. Мой же посёлок Подобас был значительно дальше на полпути между городом и Томусинской ГРЭС, крупнейшей на юге Кемеровской области электростанцией, первые блоки которой уже были пущены в эксплуатацию, а остальные достраивались. Естественно, что большую часть жителей посёлка составляли строители и эксплуатационники станции.

Первое название поселения, которое в то время широко употреблялось местными жителями, было посёлок «Щ-7», по обозначению серии щитовых домов барачного типа, с которых и началась его застройка в 1930-е годы. В одном из таких бараков, приспособленных под общежитие, я и проживал на протяжении первого года работы. Соседями по комнате оказались два мастера ПТУ из Новосибирска, которые привезли группу монтажников-высотников на стажировку.

Бытовые условия меня вполне устраивали. Правда, туалет располагался на улице, но было центральное отопление и горячая вода, в посёлке работала своя котельная. Вообще в послевоенные годы большинство населения Союза не было ещё избаловано комфортом. Так, в Саратове я проживал в центре города, но в квартире вода и газ появились лишь за несколько лет перед этим.

Конечно, в отдельные, зимние дни, когда ветер продувал насквозь барак, а на улице температура падала ниже 40°, в комнате она так же катастрофически приближаясь к нулевой отметке. Но мои соседи, мастера на все руки, быстро нашли выход. Принесли, изготовленного из подручных материалов «козла» - конструкцию простую, но очень эффективную. Они взяли полуметровый отрезок трубы, обмазали его слоем асбеста, а поверх намотали никелиновую проволоку. Далее соорудили из уголка козлы, на которые поместили трубу, и предусмотрели возможность подсоединения проволоки к электрической розетке. После этого начались испытания. Первая попытка завершилась неудачно. Когда включили «козла», погас свет во

всём общежитии. Внесли коррективы: починили пробки и отмотали несколько десятков сантиметров проволоки. Однако и эта попытка оказалась неудачной. Но, в конце концов, установка заработала, и температура в комнате быстро повышалась, а ребята принялись сушить над «козлом» рабочие робы. Правда лампочка у потолка еле теплилась, но на какое-то время и это был удачный выход.

Вообще такой электронагреватель, несмотря на его пожарную опасность, был популярен. Некоторые умельцы совершенствовали его конструкцию. Под новый год мы с Семёном, учителем физкультуры, отправились на машине в тайгу с задачей срубить ёлку для школьного праздника. На обратном пути зашли погреться в вагончик, стоявший вблизи работавшего экскаватора. Здесь и увидел самого крупного по размеру «козла», из тех, которые до этого встречал. Труба, длиною более метра и диаметром сантиметров в 15 была поставлена под небольшим углом. Хозяева с гордостью продемонстрировали возможности агрегата. В отверстие, расположенное сверху, бросали картофелину, а через 15-20 секунд она выпадала снизу в уже испечённом виде.

В конце зимы мои соседи со своими подопечными, закончив стажировку убыли в Новосибирск. С одной стороны, это улучшило условия проживания, ко мне никого не подселили. Но с другой, освободившиеся в общежитии места занял иной контингент. Среди вновь прибывших оказалось много отпущенных по УДО бывших заключённых из местных лагерей. Когда им оставался небольшой срок отсидки, то им предлагалось, либо оставаться в лагере до её конца, либо отработать этот период на соседней «комсомольской стройке», которой как раз и была Томусинская ГРЭС. Естественно, что большинство выбирало второй вариант. Основная масса освобождённых была вполне адекватна. Но несколько человек, видимо, имевших богатое криминальное прошлое, вырвавшись на волю, пустились во все тяжкие. Если бы они только беспробудно пьянствовали, то окружающие вряд ли обратили на это внимание. Но они попытались установить в общежитии свои порядки. Обращаться с жалобой в милицию было бесполезно. На весь большой посёлок был один участковый. Кроме того, рабочий класс в то время ещё не растерял полностью своих революционных традиций. В результате, комната, где проживали возмутители спокойствия, была подвергнута осаде, дверь выломана, а её обитатели выброшены на снег. В итоге они оказались в больнице с повреждениями разной степени тяжести и больше в общежитие не возвращались.

Общая обстановка опять нормализовалась. Вообще я был среди рабочего люда белой вороной, но в те годы именно в этой среде сохранялось, дошедшее ещё от дореволюционных времён и закрепившееся в первые десятилетия советской власти уважительное отношение к самой профессии учителя. Это автоматически распространялось и на меня, хотя большая часть моих соседей была моими ровесниками, а некоторые и значительно старше.

Куда больше, чем бытовые условия, меня с самого начала беспокоила предстоящая работа. Сразу после устройства в общежитии отправился знакомиться со школой. До этого она располагалась в щитовом бараке, аналогичном общежитию, но к данному учебному году было завершено строительство трёхэтажного нового здания. Помимо классных комнат был и большой спортивный зал. Познакомился с коллегами. В основном это были, как и я, недавние выпускники педвузов. Заглянул в кабинет истории. Помимо карт и набора картин по исторической тематике, никаких иных технических средств не обнаружил. Да в то время их практически и не было.

Хотя в моём дипломе и было указано, что его владелец имеет право преподавать историю в школе, я с самого начала понимал, что к этой деятельности был подготовлен плохо, в первую очередь психологически. Конечно, я в университете прослушал курсы педагогики, психологии, участвовал в семинарах по методике преподавания истории. Даже успешно сдал положенные экзамены и зачёты, но в ходе педагогической практики дал всего пару уроков. Да и те в присутствии методиста и учителя, которые, сидя на задней парте, контролировали учеников и в зародыше пресекали любые нарушения дисциплины.

Надо было продумать, если не общую стратегию, то хотя бы рациональную тактику проведения первых уроков. Первый блин не должен был получиться комом. Но пока я был по собственным школьным впечатлениям от уроков уверен только в том, как они не должны проходить. Хотя контингент преподавателей в школе № 18 города Саратова, где я учился, был достаточно квалифицированным, но наводило тоску однообразие структуры самих уроков.

После звонка появлялся учитель. Дежурный сообщал ему фамилии отсутствующих и начинался опрос, продолжавшийся минут 15-20. Первый ученик, вызванный к доске, получал вопрос, формулировка которого, за редким исключением, полностью совпадала с первым параграфом домашнего задания. Пока преподаватель пытал ученика, выдавливая из него те крохи знаний, которыми тот

обладал, остальные для страховки просматривали следующий параграф. После опроса преподаватель переходил к объяснению нового материала. При этом, чаще всего это проходило в форме монолога. Внимание к тому, что вещал учитель, обычно было минимальным. Угроза попасть к доске уже отсутствовала, и часть учеников занялась подготовкой домашнего задания к следующему уроку, а наиболее продвинутые сравнивали рассказ учителя с материалом, изложенным в учебнике. Побеждал тот, кто находил наибольшее число совпадений. И так из урока в урок. Сплошная тоска. Между прочим, я её скрашивал за чтением захваченной из дома литературы. Конструкция парт позволяла это делать, не привлекая внимание преподавателя. Между откидной крышкой и самой партой была широкая щель.

Для меня было ясно, что полноценным урок получится лишь в том случае, если будут решены две задачи: у учеников появиться интерес к рассматриваемой теме, и они будут задействованы на протяжении всего урока. Как решить вторую задачу я пока не имел представления, но первую было по силам выполнить сразу. К этому времени мною был накоплен значительный запас интересных, а иногда и забавных исторических случаев, которые позволяли оживить рассказ.

Начал создаваться этот банк ещё в школьные годы. Толчком послужил один случай, произошедший на уроке литературы. Пару лет её вёл мужчина уже пенсионного возраста. Видимо, он успел ещё до революции закончить историко-филологический факультет. По крайней мере, довольно часто он отклонялся от темы урока и просвещал нас рассказами о событиях прошлого. Не помню, по какому поводу, но однажды он спросил нас, что мы знаем о маршале Бернадоте, основателе современной королевской династии в Швеции. Все уставились на меня, признанного историка класса. Но к моему стыду и я ничего о нем не знал. Учитель посмотрел на нас с определённой долей сострадания и выдал совет – не пытайтесь поступать после окончания школы на гуманитарные факультеты. Большинство одноклассников к этой рекомендации отнеслись спокойно, они туда и не собирались. Для меня же это был удар ниже пояса, я как раз метил попасть на истфак.

На следующий день отправился в библиотеку, где был своим человеком, и меня даже пускали в фонды для подбора нужной мне литературы. Просмотрел стеллаж с книгами по истории и нашёл нужную информацию.

Действительно Жан-Батист Бернадот оказался личностью незаурядной. В 17 лет стал солдатом королевской армии. Но там за 10 лет дослужился лишь до звания сержанта. Собственно, для представителя третьего сословия в то время это был потолок. Естественно, что начавшуюся в 1789 г. революцию он воспринял положительно. Какое-то время даже посещал заседания Якобинского клуба, принял активное участие в защите республики и в результате стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Бернадот успешно командовал крупными армейскими соединениями в период наполеоновских войн и заслуженно стал одним из первых маршалов Франции.

В 1810 году произошёл резкий поворот в его судьбе. В Париже появились представители шведского парламента и предложили ему стать наследником бездетного короля Карла XIII. Наполеон отпустил Бернадота, так как надеялся, что тот поможет привлечь Швецию в состав антианглийской коалиции. Однако просчитался. Учитывая интересы своей новой родины, Бернадот пошёл на союз с Россией, а затем на стороне антинаполеоновской коалиции руководил шведским корпусом в Битве Народов под Лейпцигом. В 1818 году, после смерти Карла XIII, он вступил на престол под именем Карла XIV и управлял страной ещё четверть века.

Однако наибольшее впечатление на меня произвел заключительный факт из биографии Бернадота. На протяжении его пребывания в Швеции, никто не видел его обнажённым: даже водные процедуры он принимал в нижней рубашке. А когда после его смерти рубашку сняли, то увидели на груди татуировку: «Смерть королям» - явно след якобинского прошлого Бернадота. Именно этот курьёзный факт стал одним из первых в моей копилке.

Второй курьёзный случай, коренным образом изменившей моё отношение к истории как таковой, произошёл в сентябре последнего года обучения в школе. Как раз начали проходить события революции 1905 года. В то время этот период меня мало интересовал и я, положившись на имевшиеся у меня общие представления, вообще не заглядывал в учебник. Но случилось так, что учитель истории, Клавдия Игнатьевна, у которой я ходил в любимчиках, заболела, и урок пришёл проводить директор школы М.Г. Галицкий, так же историк по образованию. Видимо предварительно он заглянул в журнал и выяснил, какая тема рассматривалась на предшествующем уроке. Поэтому он сходу дал задание рассказать о решениях II съезда РСДРП и, не заглядывая в журнал, вызвал меня к доске.

Я успел из раскрытого на парте учебника извлечь единственную информацию о съезде – он проходил летом 1905 года в Лондоне. С этого я и начал, но дальше пришлось импровизировать. В общих чертах об обстановке в России после «кровавого воскресенья» я имел представление, как и о назревающей революции. Поэтому и решил, что на съезде надо было создавать единый фронт против царизма. Объединил большевиков с меньшевиками. В программном документе РСДРП в моей интерпретации появился пункт о необходимости установить контакты с эсерами. Единым фронтом они должны были валить правительство. Директор выслушал меня, не прерывая, попросил принести дневник и вкатил жирную двойку.

Я не был удивлён результатом, понимал, что нёс околесицу. А вот класс был шокирован. Человек минут семь-восемь распинался у доски и получил «неуд». Ожидалось «Мамаево побоище». Но директор больше никого не вызвал к доске, а оставшееся время посвятил разбору тех глупостей, которые были допущены мною.

Полученный урок оказал мне большую услугу. Я понял, что нельзя делить историю на интересную и прочую. Этой позиции я и придерживался в период обучения на истфаке. Тогда по многим дисциплинам не было учебников. Большинство моих сокурсников при подготовке к экзаменам пользовались лекциями, своими или чужими. Я так же вначале пытался записывать лекции, однако быстро понял, что это не моя стезя, на десятой минуте после начала занятия тянуло ко сну. Тогда разработал иную тактику. Составлял по каждому из читаемых курсов список наиболее важных работ. Библиотека на факультете была отменная, запасался одной из книг и отправлялся на лекцию. Краем уха слушал лектора и одновременно просматривал книгу. Действовал по правилу – многое забудется, но многое и останется. Такая тактика оправдалась. За всё время обучения в университете у меня не возникало трудностей при сдаче экзаменов.

Теперь же, перед уроками в школе, проведя ревизию, понял, что особых затруднений в изложении нового материала не предвидится. Имевшийся запас позволял оживить сухой материал учебника. Сложнее обстояло дело с опросом. Только в дальнейшем путём проб и ошибок разработал систему, которая позволяла и на этой стадии урока привлечь к работе, если не весь класс, то большую его часть.

Организовал исторический кружок. К этому времени уже договорился с преподавателем Кемеровского Педагогического института

А.И. Мартыновым⁴ о поездке с учениками летом в археологическую экспедицию. Эта перспектива стала своеобразной «морковкой» для участников кружка. Помимо азов археологии при работе с ними я привлекал и другой исторический и около исторический материал. В это время появился объёмный том рассказов фантаста А. Казанцева «Пришельцы из космоса». Выстроилась целая очередь желающих его прочитать. А через пару недель мне учителя биологии и физики заявили протест, так как на уроках ученики их стали атаковать вопросами о пришельцах. Пришлось вне очереди предоставить им возможность ознакомиться с книгой.

Настали летние каникулы и, как было обещано, мы отправились на раскопки. А.И. Мартынов предложил нам исследовать курганный могильник, расположенный на севере Кемеровской области, в верховье реки Иня у села Абышево. Добрались туда на поезде и попутной машине. Могильник располагался на противоположном высоком берегу. Когда-то, выше по течению существовала плотина, соединяющая оба берега. Но в данный момент середина её была разрушена и вода, скапливавшаяся в верхнем бьефе, с шумом прорывалась вниз по течению. Нашли в кустах лодку-плоскодонку с единственным веслом в виде лопаты. Переправились на противоположную сторону. В дальнейшем эта лодка применялась не только для переправы, но и активно использовалась ребятами в ходе путешествий вниз по Ине.

Пока ребята устраивали лагерь, отправился знакомиться с курганами. На рядом расположенном выгоне находилось с десятков насыпей. Не курганы, а загляденье. Высотой около метра, диаметром всего 8-10 метров. На следующий день начали раскопки одного из них. Разбили его на четыре сектора, разметили бровки, сняли верхний слой почвы. Ниже пошёл песок. Дошли до материка, зачистили его и не обнаружили никаких следов могильных ям. Для порядка углубились ещё на полметра. Результаты те же. Уже тогда меня удивил состав курганной насыпи. Обычно при её сооружении использовались пласты дёрна, заимствованные по соседству. В результате, насыпь имела сложную структуру. Здесь же она состояла из сплошного песка. Мы раскопали ещё пару насыпей, результаты оказались теми же.

---

⁴ Мартынов Анатолий Иванович, будущий мэтр археологии, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки России (ред.).

Тогда для меня так и остались загадкой эти курганы. Только через несколько лет уже в Саратове эта загадка, кажется, разрешилась. Однажды осенью местные археологи собрались в воскресные дни отправиться на раскопки курганов, которые они незадолго до этого обнаружили около расположенного выше по течению Волги села Кошели. В этой мини экспедиции и я принял участие. Курганы оказались крайне похожими на те, которые мы раскапывали на реке Иня. И результаты раскопок оказались аналогичными. После долгих споров, пришли к выводу, что насыпи имеют природное, а не искусственное происхождение. Конечно, окончательную точку в споре могла поставить лишь консультация у геологов и почвоведов.

За время экспедиции произошло и несколько ЧП. В моё отсутствие в лагере одна из девиц не справилась с течением, и её понесло вниз по реке. Однако она не успела нахлебаться, ребята тут же вытащили её на берег. Второе происшествие произошло с местным начальством. Однажды под вечер с ревизией к чабанам, которые пасли отару овец на выгоне, приехали на машине председатель колхоза и парторг. Им пришлось добираться в объезд, ближайший мост находился в десятке километров ниже по течению. После проведённой воспитательной работы они подошли к лагерю и поинтересовались возможностью перебраться на другой берег – до деревни рукой подать. Предложил им воспользоваться лодкой. Парторг, как положено, расположился на носу, председатель в центре лодки, а я с веслом на корме. Маршрут был отработан до деталей. Необходимо было выйти на стрежень, а в дальнейшем течение само прибивало лодку к мысу на противоположном берегу. Всё шло по плану, но, когда до мыса оставалось не более метра, не выдержал парторг, сиганул на берег и не только оказался по пояс в воде, но и лодку перевернул. В результате больше всех пострадал председатель – вымок до нитки. Я был в плавках, поэтому догнал вплавь лодку и отбуксировал её к берегу.

Быстро стемнело, мы, расположившись у костра, ужинали, а на противоположном берегу пострадавшие выжимали одежду и выясняли отношения. На следующий день чабаны выразили мне благодарность, так как по их расчётам выходило, что в ближайшее время начальство больше не появится.

Таким образом, с точки зрения археологии, полученные в ходе раскопок результаты, были неутешительные. Но ребятам поездка понравилась, а главное, сформировался надёжный и сплочённый

коллектив. Обещал им, что на следующий сезон вновь отправимся на раскопки, и на сей раз должно повезти.

По возвращению с каникул мне предоставили комнату в трёхкомнатной квартире. Соседями стала семья учителя физкультуры Семёна. Именно в результате его усилий появилось новое увлечение у школьников – лыжи. Снег лёг окончательно уже в середине октября. Сразу от ограды школы по довольно крутым холмам и опушке леса была проложена лыжня, которая использовалась не только на уроках физкультуры, но и для городских соревнований. На состязаниях среди школ восьмилеток наши мужская и женская команды победили с большим отрывом. Через пару недель состоялись городские соревнования среди старшеклассников и производственных коллективов. Нам, как хозяевам, разрешили и в них принять участие. В результате обе наши команды вновь стали призёрами. Правда, другие команды заявили протест, так как мы, якобы, выступали вне конкурса, но ребят организаторы всё же наградили грамотами.

Естественно, мы с Семёном решили расширить район лыжных прогулок. Посмотрели карту. Напротив посёлка, на противоположном берегу Томи в неё впадал один из правых притоков, в среднем течении которого находился лагерь заключённых. От него, если перевалить через относительно невысокий хребет, можно было попасть в леспромхоз, от которого недалеко и до города Междуреченска, находившегося в 25 км от Мысков. Маршрут показался нам интересным и для начала в зимние каникулы мы решили ознакомиться с финишным его этапом.

Подобрали трёх наиболее подготовленных ребят и рано утром с лыжами вышли на трассу. На попутной машине уже через час были в Междуреченске. Сейчас это один из популярных горнолыжных центров, а в то время город был известен главным образом своими угольными шахтами и разрезами. К вечеру добрались до леспромхоза, где и заночевали в здании школы. На следующий день несмотря на то, что температура упала ниже 30°, успешно добежали до Междуреченска, а оттуда поехали домой.

Ровно через год, в следующие зимние каникулы, отправились в поход по намеченному маршруту. Теперь желающих принять участие в походе оказалось около десятка. Идти на лыжах по лесовозной дороге неинтересно, поэтому мы забрались на поросший лесом увал, идущий параллельно ей. К вечеру оказались на высокой горе над лагерем. Вперёд пустили ребят. Через какое-то время стали появляться их фигурки на дороге. Настала моя очередь. Благополучно миновал

верхнюю часть горы, а ниже на склоне увидел кучу малу. Пришлось сворачивать в сторону. В результате попал в какую-то яму, а, когда выбрался из снега, обнаружил, что носок одной из лыж обломан. В это время уже сверху надвигался Семён. Уступил ему место, и он приземлился в той же яме, правда, без урона для лыж. Возможность подобного ЧП мы заранее предусмотрели – захватили с собой пару запасных лыж.

Как обычно переночевали с комфортом в школе. Попутно получили от охраны лагеря рекомендации о дальнейшем маршруте. Надо было по уходящей в сторону от лагеря долине миновать семь распадков, расположенных слева от направления движения, затем подняться в гору, а там, как нас уверили, уже внизу будет виден леспромхоз. С утра двинулись в путь. Продвигались медленно: снег глубокий, а лыжи у нас обычные. Поэтому приходилось попеременно торить лыжню. Прошли указанное количество распадков, залезли на гору. Вокруг вековые ели и кедры – типичная тайга. А вот леспромхоз не виден, так как было относительно тепло и пасмурно. Спустились с горы. А куда идти – налево или направо? Пошли налево, но вскоре услышали за спиной звук бензопилы. Через полчаса вышли на лесосеку, где стоял трактор с вагончиком на санях, а рядом работала бригада лесорубов. Ребята, конечно, подустали, оккупировали вагончик и затем с комфортом добрались до посёлка. Я же с парой ребят побежал на лыжах своим ходом в посёлок топить печку в школе. На следующий день по уже знакомому маршруту мы вернулись домой.

Подводя итоги походу, мы пришли к неутешительному выводу. Нам просто повезло. Вполне могло так случиться, что до леспромхоза мы бы в тот день не добрались, и пришлось бы заночевать в лесу. Правда, и этот крайний вариант нами рассматривался, как возможный. У нас были палатки, а разжиться сушняком в лесу не проблема. Разложили бы костры, организовали дежурство и спокойно переночевали. Нужно учитывать, что и контингент был особый – дети строителей, привыкшие к кочевой жизни. Однако, было ясно, что планируя этот поход, надо было ещё осенью пройти маршрут от лагеря до леспромхоза и пометить трассу. Как говорится, крепки задним умом. Но приобретённый отрицательный опыт существенно помог мне в дальнейшем при организации и проведении как лыжных агитационных походов студентов по Аткарскому району Саратовской области, так и пешеходных походов по Горному Крыму.

Чрезвычайные происшествия так же случались, но относительно редко. Об этом мы поговорим несколько позже.

Однако вернёмся во вторую зиму моего пребывания в Сибири. Пора было подумать о маршруте летней экспедиции. На сей раз выбирал его я самостоятельно. На территории Горной Шории в то время археологические памятники были практически не известны. Иное дело соседний Алтайский край. Но, судя по литературе, и там были слабо изучены северо-восточные районы, примыкающие к Кемеровской области. Вот я и решил именно здесь провести археологические разведки. А, так как обычно поселения и могильники располагались по рекам, для похода была выбрана долина реки Чумыш, истоки которой находились в Кемеровской области, а дальше река пересекала Алтайский край и впадала в Обь.

Нужно было решить ещё одну проблему – финансовую. Средств, которые обещали выдать в ГОРОНО⁵, явно было недостаточно. Поэтому предложил тем, кто собирался принять участие в экспедиции, подзаработать. Договорился с рядом расположенным участком железной дороги, и мы стали после уроков работать по расчистке железнодорожных путей от снега. Чего-чего, а снега было в избытке. Кроме того, весной обратился к шефам – дирекции ГРЭС – с просьбой выделить машину для заброски нас в исходную точку маршрута.

Утром одного из дней в начале июня к школе подъехал грузовик, мы загрузились в кузов и через несколько часов были уже на месте. А далее передвигались пешим ходом. Уже в первые дни удалось обнаружить и нанести на карту несколько курганов. Для разнообразия я захватил с собой незадолго до этого появившийся томик И. Ильфа и Е. Петрова, и на дневках и по вечерам ребята с интересом знакомились с похождениями героев «12 стульев» и «Золотого телёнка».

К концу третьего дня похода впереди показались окраины районного центра, села Кытманово. Однако в километре от села на высокой надпойменной террасе левого берега Чумыша мы заметили какие-то постройки. Когда подошли ближе, то стало ясно, что мы имеем дело с действующим кирпичным заводом. Бульдозер на базе трактора «Белорусь» подгребал песчанистую глину, из которой была сложена терраса, к глиномешалке с прессом. Рядом находились сараи для сушки кирпича-сырца и углублённая в материк обжигательная печь.

---

⁵ Городской отдел народного образования.

Прежде всего, переговорил с бульдозеристом. Тот сообщил, что довольно часто попадаются человеческие кости. Это подтвердили и остальные рабочие. Походил по отвалам – действительно костей много. В одном месте нашёл кремневый топорик-тесло, явно орудие ещё эпохи неолита. Стало ясно, что в ходе механизированной выборки глины уничтожается грунтовой могильник.

Рядом с заводом разбили лагерь, а утром я отправился в Кытманово. В райисполкоме нашёл чиновника от культуры и проинформировал его об уничтожении археологического памятника в ходе работы кирпичного завода. В ответ он заявил, что нет оснований для беспокойства, так как только затронуто недавнее «татарское кладбище». Показал ему каменный топорик и поинтересовался, видел ли он подобные орудия у местных татар? Но и этот аргумент не произвёл на чиновника впечатление. Стало ясно, что понимания у местных властей получить не удастся.

У меня сложилось представление, что для чиновника от культуры уничтожение данного археологического объекта не было новостью. И это подтвердилось в дальнейшем. Оказалось, что ещё осенью 1959 г., вскоре после открытия завода, в управление культуры Алтайского крайисполкома и Алтайский краевой краеведческий музей поступили сведения о разрушении не состоявшего на государственном учете памятника древности на территории кирпичного завода в Кытманове. Распоряжением крайисполкома районным властям было предписано временно, до обследования и проведения аварийных работ на участках местности, занятых археологическим памятником, разработку карьера и выборку глины приостановить.

Однако местные власти это распоряжение проигнорировали. За его невыполнение в худшем случае они могли получить выговор, а при срыве производства кирпича санкции были бы куда строже. Ну, а краевые власти отдали указание и успокоились. На протяжении следующих двух лет аварийные раскопки в Кытманово не только не были организованы, но крайисполком даже не осуществил проверку того, как его распоряжение было выполнено. Вот здесь то и появились мы.

Вернулся к ребятам. Сообщил им о сложившейся обстановке и предложил прервать разведки и в оставшуюся неделю провести на заводе и попытаться спасти то, что удастся обнаружить. Договорился с бульдозеристом, чтобы он снимал самые, насколько возможно, тонкие слои грунта.

С утра мы с ребятами разместились на отвале и стали наблюдать за работой бульдозера. Вдруг через пару часов в одном месте траншеи появилось белое пятно. Начали зачистку. Показалась деревянная плаха метра два длиной и сантиметров 20 толщиной. Рядом оказалась вторая, а затем и третья. Дерево на воздухе быстро темнело и завивалось кольцами. Видимо, эти плахи перекрывали могилу. Действительно, после того, как они были удалены и материк зачищен, чётко обрисовались контуры могильной ямы прямоугольной формы.

Пришлось воспользоваться навыками, приобретёнными ещё в ходе моего первого полевого сезона в Поволжье. Одновременно методику расчистки погребений стали осваивать и ребята. Где-то на глубине 1,5 метров показался череп, покойный был помещён головой на юго-запад. После проведённой расчистки всего костяка оказалось, что умерший был уложен на левый бок, в скорченном положении: ноги согнуты в коленях, руки в локтях, кисти были подложены под голову. Такая поза характерна для погребений многих народов. Уточнить его принадлежность позволил сосуд, поставленный в изголовье перед лицом умершего. Когда была зачищена верхняя часть горшка, и на его венчике был обнаружен ряд косоугольных треугольников, заштрихованных мелкозубчатой гребенкой, всё встало на свои места. Погребение принадлежало к так называемой «Андроновской культуре», распространённой в третьей четверти II тысячелетия до н.э на огромной степной и лесостепной территории от Нижней Волги до Енисея.

За оставшееся время нами из-под бульдозера было спасено ещё семь погребений. В каждом из них находилось по одному сосуду. В результате было получено три горшка «классической» формы (с отогнутыми венчиком, крутобоким туловом и геометрическим орнаментом) и пять банок грубой выделки с простой невыразительной орнаментацией. Кроме того, в одном женском погребении была зафиксирована пара кольцевидных серёг. Изделия свернуты из тонкой бронзовой пластинки, обернутой золотым листом, и имеют овальное сечение.

По возвращению с каникул я склеил и загипсовал горшки, а затем начал проводить экскурсии по классам, в том числе и начальным. Интерес был небывалый. Да это и понятно. Одно дело увидеть археологический материал на картинке, и совершенно другой эффект появляется тогда, когда вещи, которыми люди пользовались 3,5

тысячи лет тому назад, можно не только увидеть живую, но и даже потрогать.

В зимние каникулы я поехал в Саратов не как обычно через Новосибирск, а через Барнаул. Там отправился в пединститут и встретился с местным археологом А.П. Уманским. Сообщил ему о могильнике, показал фотографии и проинформировал, что собираюсь летом опять появиться в Кытманово.

По возвращению с каникул написал отчёт о проведённых разведках и раскопках и отправил его в Полевой Комитет Института Археологии. Ближе к лету был сформирован отряд и в начале июня 1962 г. мы добрались до Кытманова. Но здесь нас ждал сюрприз – на кирпичном заводе уже работала экспедиция под руководством А.П. Уманского. Я вообще-то не собирался всерьёз заниматься Сибирской археологией и с удовольствием влился бы с ребятами в состав барнаульской экспедиции. Однако какие-либо предложения такого рода не последовали. Напротив, на нас смотрели как на нежелательных пришельцев. Оставалось только подбирать крохи.

Поговорил с рабочими. Они вспомнили, что, когда сооружали обжигательную печь, им при входе попадались кости. Пока печь остывала, заложили в указанном месте раскоп. Действительно здесь было погребение, но от него остались только фрагменты. Занялись зачисткой отвалов и обнаружили остатки нескольких разрушенных погребений и два фрагментированных сосуда. Заложили несколько пробных шурфов за пределами сараев. В одном из них оказалось непо потревоженное погребение. Стало ясно, что могильник распространялся и на эту территорию. На этом наша экспедиция закончилась.

После того, как доставил ребят домой, съездил в Кемерово и передал на хранение в местный музей все обнаруженные в Кытманово материалы.

В дальнейшем при работе в библиотеках интересовался судьбой Кытмановского могильника. Но проходили десятилетия и ничего не появлялось. Но при подготовке этого опуса я обратился к всезнающему Интернету и с удивлением обнаружил, что уже на протяжении последних полутора десятилетий не только материалы Кытмановского могильника, но и ваш покорный слуга упоминались неоднократно.

Прежде всего, мне попала на глаза статья некоего О.А. Попова, опубликованная в сборнике работ молодых исследователей Алтайского университета и посвящённая истории изучения Андроновских

могильников на территории Алтая. В самом начале статьи отмечается, что «в конце 1950-х – начале 1960-х гг. местные исследователи начали более интенсивное изучение памятников археологии Алтая. Так, в 1961 г. группой школьников под руководством В.И. Каца был обследован карьер кирпичного завода около села Кытманово». Так я попал в разряд местных алтайских археологов. Однако куда более важным оказалось указание автора на то, что данная информация была заимствована им из вышедшей в 2007 году монографии, специально посвящённой анализу материала, обнаруженного при исследовании этого памятника⁶.

Монография прекрасно иллюстрирована. В частности, здесь я нашёл цветные фотографии всего материала, переданного мною в Кемеровский музей. Особый интерес вызвал у меня раздел, посвящённый истории изучения могильника, где была дана оценка и моего участия. Правда, необходимо внести ряд уточнений.

Так отмечается, что во время лодочного похода туристы-краеведы из школы № 12 г. Мыски «обследовали карьер кирпичного завода в Кытманово и доследовали 10 древних могил, частично разрушенных при возобновлении работы кирпичного завода». Во-первых, это был не лодочный поход туристов-краеведов, а целенаправленные археологические разведки, проводившиеся исключительно пешком. Во-вторых, все обнаруженные при наблюдении за работой бульдозера могилы были не потревожены.

По данным А.П. Уманского мною было раскопано в следующем году около 20 могил. Откуда появилась эта цифра не понятно. Тем более что в другом месте монографии отмечается, что среди отвала в большом карьере «кемеровскими туристами» в 1962 г. было доследовано девять разрушенных погребений. Последняя информация близка к действительности. Неоднократно отмечается, что отчётов о работах, проведённых В.И. Кацем, авторам монографии обнаружить не удалось. Плохо искали. Отчёт о проведённых в 1961 г. разработках до сих пор хранится в архиве Института Археологии в Москве под № 2289 за 1962 год.

Масштабное археологическое исследование Кытмановского могильника проводилось экспедицией под руководством А.П. Уманского на протяжении двух сезонов. В 1962 г. работы носили аварийный характер, исследовались те участки могильника, которые уже

---

⁶ Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения Андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.

уничтожались, или которым угрожало разрушение в ближайшее время. Здесь было вскрыто 26 захоронений. Однако, видимо, продолжать исследование этого археологического объекта А.П. Уманский не собирался, что вполне понятно, так как эпоха бронзы не входила в круг его научных интересов, которые находились в сфере изучения средневековых археологических памятников Алтая. Поэтому на уцелевшей от разрушения части мыса, где могли находиться не потревоженные погребения был установлен столб с табличкой, на которой было указано, что данный археологический объект находится под охраной государства.

Но весной следующего 1963 г. до А.П. Уманского дошли сведения, что по инициативе администрации завода столб снесли, почвенный слой с участка срезали бульдозером и даже начали на нем выборку глины. К чести А.П. Уманского необходимо отметить, что он не оставил без внимания это сообщение, отложил намечавшиеся на летний сезон работы и вновь появился в Кытманово. В ходе проведения охранных работ на могильнике было обнаружено ещё 11 могил. На этом систематические исследования могильника закончились. Вместе с тем, и после 1963 г. из Кытманово поступали отдельные археологические находки. Поэтому авторы монографии правомерно делают заключение, что, несмотря за два экспедиционных сезона, площадь, занятая древним кладбищем, не была исследована полностью и погребения продолжали уничтожаться в ходе функционирования кирпичного завода.

Ещё один штрих, позволяющий оценить эффективность деятельности чиновников от культуры в области охраны памятников самой культуры. Кытмановский могильник был поставлен на учёт как «вновь выявленный памятник археологии» и отнесён «к категории местного значения» лишь 21 мая 1991 года, ровно через три десятилетия после его открытия. К тому времени он уже практически был полностью уничтожен.

Как мне сообщил в частном письме один из авторов монографии о Кытмановском могильнике С.П. Грушин, в 2005 г. он побывал на его территории. Кирпичный завод уже не функционировал, но в ходе его деятельности была не только скрыта полностью вся терраса, на территории которой находились погребения, но на её месте зиял глубокий котлован.

Вместе с тем, даже тот материал, который был получен в ходе исследования могильника нами и экспедицией под руководством А.П. Уманского на протяжении двух сезонов позволяет считать его

одним из самых крупных некрополей андроновской эпохи в лесостепном и степном Алтае. Особый интерес представляют наборы ювелирных изделий - личных украшений из золота (серьги, кольца, подвески, бляшки и др.), обнаруженных в ходе исследования ряда погребений и которые не так уж часто встречаются в андроновских могильниках. Наиболее ценные из них (110 экз.) были переданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж.

Несомненно, появление полноценной публикации материалов Кытмановского могильника заслуживает положительной оценки. Однако остаётся непонятным, почему потребовалось почти полвека, прежде чем она появилась.

Таким образом, первая детективная история, организатором и участником которой мне посчастливилось быть, закончилась вполне успешно. Не сомневаюсь, что у тех школьников, которые принимали участие в экспедициях, интерес к истории сохранялся независимо от того, какую специальность они выбрали в дальнейшем. Уверен, что знакомство с подлинным археологическим материалом оказало положительное влияние и на других учеников школы. Это я понял, когда после поступления в аспирантуру приехал получать окончательный расчёт. Зашёл в школу. По лестнице через две ступеньки скачет один из шестиклассников. Состоялся интересный диалог:

« - А вы у нас больше не будете вести историю?»;

« - Нет, уезжаю в Москву»;

« - Жалко»;

«- А тебе чего жалеть? Мало тебе двоек наставил»;

«- Так это не важно. Зато интересно было».

Более положительную оценку моей учительской деятельности трудно было придумать. Именно воспитание интереса к истории было главной моей задачей, и она была решена.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 821.14.09:94(38)+929Дионисий Галикарнасский

ИСТОРИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИКО-РИТОРИЧЕСКИЙ АГОН: СОПОСТАВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ЭЛЛИНСКИХ ПИСАТЕ- ЛЕЙ

В «ПИСЬМЕ К ПОМПЕЮ» ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО
(Часть I)¹

А.А. Сеницын²

РХГА

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Аннотация. В трактате «Письмо к Помпею» Дионисий Галикарнасский представил увлекательную дискуссию о риторическом мастерстве и учености. Автор неоднократно отмечает, что настоящие исследования всегда нацелены на то, чтобы установить истину. Сравнение, которое он здесь проводит, – демонстрация соперничества (в понимании самого Дионисия) между выдающимися писателями прошлого. Платон сопоставлен с Горгием, Демосфеном, Фукидидом. Дионисий сравнивает сочинения первых эллинских историков, указывая на соперничество многих мастеров в этом жанре. Главные герои третьей главы – Геродот и Фукидид; первый из них, по мнению Дионисия, превосходит второго. Ксенофонт представлен как последователь «отца истории», а о Филесте, который сравнивается с Фукидидом, говорится, что он выработал свой стиль под влиянием афинского историка. Дионисий превозносит Феопомпа Хиосского. Рассматриваются случаи употребления слов *συγγραφεὺς/συγγραφεῖς* и *συγγραφή* в трактате Дионисия. Античный ритор называет «синграфами» Геродота, Фукидида, Феопомпа, ранних ионийских историописателей Гелланика и Харона и один раз – совокупно греческих историков. Привлекаются и другие риторические сочинения галикарнасского филолога, в которых упоминаются синграфы-историки, противопоставленные поэтам и ораторам. В «Письме к Помпею» рассматриваются труды авторов V–IV вв. до н.э., созданные за три–четыре столетия

---

¹ В основе очерка лежит доклад, прочитанный на конференции «Универсум платоновской мысли»; см.: Сеницын А.А. Платон, ораторы и ранние греческие историки (Об опыте сопоставления в трактате Дионисия Галикарнасского «Письмо Помпею») // XXVIII Международная научная конференция «Универсум платоновской мысли: Платон и риторика». Санкт-Петербург, 25–26 июня 2020 г. СПб., 2020. С. 49–52. Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

² Сеницын, Александр Александрович, к.и.н., доцент кафедры философии, педагогики и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского.

до времени Дионисия Галикарнасского, и критик как бы проводит своеобразный опыт теоретической «археологии». Создается впечатление, что представляя всю эту галерею имен, Дионисий показывает некое состязание – стилей, жанров, тематики и структуры сочинений греческих классиков. При этом сам автор соревнуется с писателями прошлого. Понимая искусность в мастерстве слова как своеобразный агон, растянувшийся во времени, длящийся через века и эпохи, агон риториков, философов, историографов, Дионисий ограничивает круг лучших писателей, и сам вступает в этот круг. Он заявляет, что в ученой риторике «истина дороже», и выдвигает критерии, по которым предлагает судить классических авторов. При этом Дионисий осознавал, что современники и потомки будут также судить и его самого по этим же самым критериям.

Ключевые слова: Дионисий, историописание, риторика, историки, Гелла-ник, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Феопомп, синграфы, Платон, литературная критика, агон.

HISTORIANS, HISTORIOGRAPHY
AND HISTORICAL-RHETORICAL AGON:
ON THE JUXTAPOSITION OF HELLENIC WRITERS
IN THE *EPISTULA AD POMPEIUM* BY
DIONYSIUS OF HALICARNASSUS (I)

A.A. Sinitsyn

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Annotation. *Dionysius of Halicarnassus in his short theoretical treatise entitled “A Letter to Pompeius” presents an exciting discussion on rhetoric mastership and scholarship written in an epistolary genre. The treatise begins with critical remarks Dionysius once addressed to Plato. From the trio of Greek speech-makers who are recognized as the most brilliant in this respect – Isocrates, Plato, and Demosthenes (such was Dionysius’s selection) – the Halicarnassian rhetorician deliberately dwells on Plato. Embarking on the discussion, Dionysius repeatedly points out that these studies are always aimed at establishing the truth. The longest Chapter 3 compares works of the first Greek historians and the mastery of their style. Dionysius points out the rivalry of many masters of the genre, but the main characters of the chapter are Herodotus and Thucydides. The “father of history” surpasses the Athenian historian on all counts examined by the author. This article examines συγγραφεὺς / συγγραφεῖς и συγγραφῆ. The rhetorician, when referring to Herodotus, Thucydides, Theopompus, Hellanicus, Charon and the Greek historians en masse, calls them “syngraphers”. Dionysius uses the word συγγραφῆ only as applied to historical works of Theopompus of Chios. The article also draws upon the Halicarnassian philologist’s other works in which he mentions syngraphers-historians, who are set off against poets and orators. Dionysius regards the words συγγραφεὺς, ὁ ἱστορικὸς, ἱστοριογράφος as equivalent and interchangeable. Here, by examining the works by the authors of the 5th – 4th centuries BC (written three-four centuries before his time) Dionysius seems to be performing a peculiar experiment of theoretical “archaeology”. But the rhetoric and philological “archaeological” study conducted by Dionysius reveals not only his scholarly interest in the analysis of works of the writers of the past, but also his focus on the*

present – both in literary and cultural aspects. Plato is under the influence of Thucydides, but Thucydides is inferior to Herodotus, Herodotus produces works that surpass those of Charon and Hellanicus, while Theopompus is superior in style to Demosthenes himself and surpasses Isocrates – the “most brilliant” rhetoricians of the past. By presenting this gallery of names, Dionysius shows comparison as agon – of styles, genres, authors, they subject matters, intensive narrative – and he himself contends with the writers of the past. Seeing mastery of rhetoric as a peculiar agon stretching over centuries and across the agon of rhetoricians, philosophers and historiographers, Dionysius identifies the circle of best writers, and himself joins it. He claims that in the scholarly rhetoric “the truth is dearer still” and establishes the criteria to judge the classic writers. And the critic realizes that he will be judged according to the same (his own) criteria.

Keywords: Dionysius, historiography, rhetoric, historians, Hellanicus, Herodotus, Thucydides, Xenophon, Theopompus, syngraphers, Plato, literary criticism, agon.

«Лучшим способом исследования является сопоставление»
Дионисий Галикарнасский *Письмо к Помпею*, I. 9.

Dedicatio amicis triumviris

Творчество древнегреческого писателя-эрудита второй половины I в. до н.э. Дионисия Галикарнасского широко и многоаспектно: историк, филолог, ритор, критик. Его труды являются важными источниками для эллинистов и романистов, для историков-антиковедов и филологов-классиков, исследователей античной религии, мифологии и культуры. Эту работу о сопоставлении классических эллинских писателей в небольшом трактате галикарнасского ученого посвящаю своим друзьям А.М. Сморгкову, Е.В. Смыкову и А.В. Махлаюку – научному «триумvirату» в области исследования древнеримской истории и культуры. Каждый из «триумvirов» в конце 2021 г. отметил свое 60-летие. Поначалу эта статья готовилась для сборника, который мы с коллегами планировали в качестве дружеского дара, посвященного тройному юбилею.

Первый из «триумvirов» является одним из переводчиков «Римских древностей». Полный русский перевод фундаментального исторического сочинения Дионисия Галикарнасского вышел полтора десятилетия назад в серии «Историческая библиотека»³. Помню, как осенью 2007-го Андрей Сморгков, разжившись в издательстве

---

³ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т. 1-3 / под ред. И.Л. Маяк. М., 2005; А.М. Сморгковым переведены 10 глав: Т. 2. С. 136-271 (гл. VII-VIII) и Т. 3. С. 167-227 (гл. XII-XIX).

экземпляром трехтомника, привез из Москвы мне в Саратов этот замечательный книжный подарок.

С Евгением Смыковым более двадцати лет тому назад мы принимались за перевод трактата Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде». Этот источник был важен для моих научных нужд, а старший коллега (мой друг и ранее преподаватель) подключился к этому делу из переводческого интереса. Наш «дуэт» на почве Дионисия оказался недолгим (как и переводы сочинения самого Фукидида), но я отлично помню, как для чтения текста Дионисия мы собирались вечерами, после занятий, на кафедре истории древнего мира в IV корпусе СГУ. Золотое было время!

Труды Дионисия Галикарнасского (в первую очередь, конечно, его историческое сочинение «Римские древности») являются важнейшими источниками и для Александра Махлаюка. В аспирантские годы в МГУ он проходил языковую подготовку у О.В. Смыки — переводчицы Дионисиева «Письма к Помпею», о котором пойдет речь в этой статье. Нижегородский «триумвир» обращался к галикарнасскому ученому в своих исследованиях историографии и исторической мысли в эпоху эллинизма и римской истории, в работах по идеологии римской армии, воинской ментальности, римских доблестях и славе в связи с политикой и культурой древних, изучением пространства и времени Римской империи⁴.

Наши юбиляры — первоклассные историки, антиковеды-романисты, чья научная деятельность связана с классическими текстами, все трое являются авторами переводов с древнегреческих и римских источников, публиковавшихся в журналах и выходявших отдельными изданиями. Пусть деятельность «триумвиров» напрямую не сопряжена с археологией, но каждый из них в разные годы поработал в археологических экспедициях (и не один сезон!), о чем я слышал и от А.М. Сморгочкова, и от А.В. Махлаюка, а вместе с Е.В. Смыковым сам лично дважды принимал участие в археологической практике студентов истфака СГУ. Надеюсь, что этот очерк об «археологии» историографии как риторическом агоне у Дионисия

---

⁴ Как в недавней работе А.В. Махлаюка о месте Рима среди великих держав, опубликованной в сборнике, который мы готовили вместе: Махлаюк А.В. Рим в концепции мировых держав древности: пространство и время империи // ПЕНТИКОНТАЕТИА. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И.Е. Сурикова / под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Сеницына. СПб., 2018. С. 276–285 (здесь с. 279–282 — о Риме у Дионисия Галикарнасского).

Галикарнасского покажется интересным чествуемым «шестидесятникам». И хочется, чтобы наш дружеский агон продолжался еще долго.

1. Относительно оптики взгляда на источники

В начале первой лекции по античной философии М.К. Мамардашвили говорит об истории мысли как «истории некой *единой*, хотя и *растянувшейся во времени* (здесь и далее выделения курсивом во всех приводимых в статье цитатах мои. — А.С.), попытки людей философствовать...»⁵ Данный взгляд интересен в плане суждения об отдельной области науки как связном, едином процессе исследования. Путь философствования понимается как синтез разных способов вопрошания тех, кто соучаствуют в общем для них «диалоге», а вернее, «полилоге», ибо речь идет о широком спектре участников-«собеседников». Эта «беседа» растянулась во времени, продолжается столетия и будет длиться до тех пор, пока человека волнуют вечные вопросы, которые, подобно магнесийскому камню⁶, притягивают, словно железные кольца, в единое поле новые и новые поколения мыслителей, ученых и художников.

Конечно, опыт каждого «собеседника» в отдельности — уникален и пределен, но опыт всех участников делает такой полифоничный спор всеобщим и по сути бесконечным со-общением. При этом одним из важных компонентов совокупного интертекстуального «полилога» является *агональный* аспект. Состязательность вопрошающих нацелена не только на то, чтобы каждый, включившись в общий агон с предшественниками, современниками и соучастниками грядущих поколений, попытался познать и осмыслить мир, но главным образом на то, чтобы вопрошающий самоопределился, обрел собственную позицию. Это же относится и к истории риторики, литературоведения, к истории собственно историописания (о чем говорится ниже), к разным областям гуманитарных (да и не только) наук.

Приведенная здесь «формула» Мамардашвили подсказала мне оптику взгляда на один классический источник, к которому

---

⁵ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / под ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1997. С. 7.

⁶ Μαγνήτις / Ἡράκλεια λίθος, если использовать известную метафору Платона (Ion. 533d–e); правда, афинский философ употребляет ее по другому поводу и в ином контексте.

пришлось обратиться в связи с изучением темы рецепции ранних эллинистических историков и философов в античную эпоху.

2. ... sed magis amica veritas:

Древние писатели, Зоилова критика и отыскание истины

В небольшом теоретическом трактате «Письмо к Помпею» (*Epistula ad Pompeium Geminum*; далее – Д.Н. ЕРГ) Дионисий представил в эпистолярном жанре увлекательную дискуссию о риторическом мастерстве и учености древних греков. Сочинение начинается с указания на критические замечания, которые автор некогда высказал в адрес Платона. Мнение грамматика о великом философе вызвало возражение Гнея Помпея Гемина, которому адресовано послание (этот последний, как следует из письма Дионисия, был большим почитателем Платона)⁷. Вот зачин трактата: «Я получил твое ученое послание, премного меня порадовавшее, в котором ты пишешь, что наш общий друг Зенон передал тебе мои сочинения, прочитав и должным образом изучив их, ты восхищаешься ими в целом, однако с некоторыми местами ты не согласен, например, с моими

---

⁷ О Гн. Помпее Гемине: Roberts W.R. *The Literary Circle of Dionysius of Halicarnassus* // CR. Vol. 14. 1900. № 9. P. 439–440; Goold G.P. *A Greek Professorial Circle at Rome* // TAPA. Vol. 92. 1961. P. 168–192; Hidber T. *Das klassizistische Manifest des Dionys von Halikarnass. Die Praefatio zu De oratoribus veteribus: Einleitung, Übersetzung, Kommentar*. Stuttgart; Leipzig, 1996. S. 7–8; Fornaro S. *Dionisio di Alicarnasso. Epistola a Pompeo Gemino. Introduzione e Commento*. Stuttgart; Leipzig, 1997. P. 4; Denys d’Halicarnasse. *Opuscles rhétoriques. T. 4: Thucydide. Seconde Lettre à Ammée / texte établi et traduit par G. Aujac. 3e tirage*. Paris, 2002. P. 145, n. 1; Denys d’Halicarnasse. *Opuscles rhétoriques. T. 5: L’imitation (fragments, Épitomé). Première Lettre à Ammée. Lettre à Pompée Géminos. Dinarque / texte établi et traduit par G. Aujac. 3e tirage*. Paris, 2002. P. 29, 71, 72, 73 s., 161; de Jonge C.C. *Between Grammar and Rhetoric. Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature*. Leiden; Boston, 2008. P. 26, 27, 28, n. 149, 64, n. 85, 265, n. 57; Matijašić I. *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography: Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin; Boston, 2018. P. 67, 70, 72–73; de Jonge C.C., Hunter R. *Introduction // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge*. Cambridge, 2019. P. 8–9, 33, где авторы введения к сборнику о Дионисии Галикарнасском отмечают, что его адресат Гн. Помпей Гемин принадлежал, вероятно, к кругу ученых греков (он мог быть вольноотпущенником римского полководца и политика Гн. Помпея Магна?), “who carried Roman citizenship, a Roman name and a Roman identity” (со ссылкой на мнение Т. Хидбера, у которого представлена дискуссия по поводу этой персоны: Hidber T. *Op. cit.* S. 7).

суждениями о Платоне. Ведь ты правильно делаешь, что относишься с таким благоговением к нему, но в том, как ты понял меня, ты неправ» (D.H. *EPG*. I. 1)⁸.

Автор письма признается своему адресату, что и он сам находится под обаянием Платоновского словесного выражения мыслей (ταῖς Πλατωνικαῖς ἐρμηνείαις). Дионисий утверждает, что всегда относился с почтением ко всем творцам, которые направляли свои помыслы на общее благо (D.H. *EPG*. I. 2). Из троицы древнегреческих писателей, которых галикарнасский грамматик называет «самыми блистательными» (λαμπρότατοι) – Исократа, Платона и Демосфена (таков отбор Дионисия, *ibid.* I. 5), – здесь он специально останавливается на обсуждении стиля Платона⁹. Демосфену, Исократу, Лисию, Исею, Эсхину и другим греческим ораторам он посвятил отдельные литературно-эстетические труды (некоторые из них до нас дошли). Проблемы авторского стиля греческих классиков Дионисий обсуждает в капитальных работах «О соединении слов»¹⁰, «О древних ораторах»¹¹, «О подражании» и других¹².

---

⁸ Цитаты из «Письма к Помпею» приводятся в переводе О.В. Смыки по изд.: Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 222–233 (здесь с. 222); в некоторых случаях в перевод внесены уточнения.

⁹ В *EPG*. II. 1 Дионисий сообщает, что в этом трактате он перескажет то, что ранее написал о Платоне в другом своем теоретическом труде об аттических ораторах; см. D.H. *De Dem. dict.* II–VII.

¹⁰ Это сочинение Дионисия есть в переводе М.Л. Гаспарова: Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 167–221.

¹¹ См. Рушкин И.П. «О древних ораторах» Дионисия Галикарнасского – то же, что его утерянное сочинение «О политической философии»? // *SA*. 2016. Вып. 5. С. 267–275.

¹² Избранно: Christ W. *Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians*. München, 1889. S. 474–479; Roberts W.R. *Dionysius of Halicarnassus on Literary Composition. Being the Greek text of the De compositione verborum / edited with introduction, translation, notes, glossary, and appendices by W.R. Roberts*. L., 1910; Bonner S.F. *The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus. A Study in the Development of Critical Method*. Cambridge, 1939 (= 2013); Sacks K.S. *Historiography in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus* // *Athenaeum*. Vol. 61. 1983. P. 65–87; Fox M. *History and Rhetoric in Dionysius of Halicarnassus* // *JRS*. Vol. 83. 1993. P. 31–47; Hidber T. *Op. cit.*; Reid R.S. *Dionysius of Halicarnassus's Theory of Compositional Style and the Theory of Literate Consciousness* // *RhR*. Vol. 15. 1996. № 1. P. 46–64; Reid R.S. «Neither Oratory nor Dialogue»: Dionysius of Halicarnassus and the Genre of Plato's 'Apology' // *RSQ*. Vol. 27. 1997. № 4. P. 63–90; Weaire G. *The Relationship between Dionysius of Halicarnassus' De Imitatione and*

Epistula ad Pompeium // CPh. Vol. 97. 2002. № 4. P. 351–359; Weaire G. Dionysius of Halicarnassus' Professional Situation and the De Thucydide // Phoenix. Vol. 59. 2005. № 3/4. P. 246–266; Walker J. Dionysius of Halicarnassus // Classical Rhetorics and Rhetoricians: Critical Studies and Sources / ed. by M. Ballif, M.G. Moran. Westport, 2005. P. 137–141; de Jonge C.C. Between Grammar...; Wiater N. The Ideology of Classicism: Language, History, and Identity in Dionysius of Halicarnassus. Berlin; N.Y., 2011; Matijašić I. Shaping...; Burrow C. Imitating Authors. Plato to Futurity. Oxford, 2019. P. 64–73; Hunter R.L. Dionysius of Halicarnassus and the Idea of the Critic // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 37–55; Івашків-Ващук О. Діонісій Галікарнаський: на межі критики і риторики // Наукові записки Українського католицького університету. 2020. Серія «Філологія». Львів. Вып. 1. С. 63–72; Viidebaum L. Creating the Ancient Rhetorical Tradition. Cambridge, 2021; Hanink J. Chimeras of Classicism in Dionysius of Halicarnassus' Reception of the Athenian Funeral Orations // Reception in the Greco-Roman World. Literary studies in Theory and Practice / ed. by M. Fantuzzi, H. Morales, T. Whitmarsh. Cambridge, 2021. P. 145–166; Kirkland N.B. Herodotus and Imperial Greek Literature. Criticism, Imitation, Reception. Oxford, 2022. P. 35–72. О Дионисии Галикарнасском как литературном критике, о проблематике его риторических сочинений и его методе имеется значительная литература; см. библиографический список в новой коллективной монографии, посвященной галикарнасскому ученому эпохи Августа: Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019 (рецензии на это издание: Poletti B. [Rev.:] Richard L. Hunter, Casper C. de Jonge (eds.) Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography. Greek Culture in the Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 2019 // BMCRCR. 2019.12.14. URL: <https://bmcrcr.brynmawr.edu/2019/2019.12.14/>; Nicholson E. Dionysius between Greece and Rome. [Rev.:] Hunter R., De Jonge C.C. (edd.) Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography. Cambridge: Cambridge University Press, 2019 // CR. Vol. 70. 2020. № 1. P. 52–55; Miano D. The Explosion of Dionysius of Halicarnassus: Ghosts of Rhetoric from the Artes historicae to Postmodernist Historiography // Histos. Vol. 14. 2020. P. CLXXV–CLXXXVI; Friedman D.A. [Rev.:] Richard L. Hunter, Casper C. de Jonge (eds.) Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography (Greek Culture in the Roman World). Cambridge: Cambridge University Press, 2019 // JRS. Vol. 110. 2020. P. 289–291). См. также в новой монографии, где исследуются язык, стиль и этос в древней литературной критике: Jónsson S.L. James among the Classicists: Reading the Letter of James in Light of Ancient Literary Criticism. Göttingen, 2021. P. 31–38 (представлен обзор новейших работ о риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского), 39–43, 132–134, 139–144 и др. Из трудов отечественных исследователей о Дионисии и античной теории языка и стиля укажу: Соболевский С.И. Дионисий Галикарнассский // История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. 3. М., 1960. С. 157–166; Лосев А.Ф. История античной эстетики. [Т. 5:] Ранний эллинизм. Харьков; М., 2000. С. 515–525; Строгоцкий В.М. Дионисий Галикарнассский как литературный

Свое разъяснение Дионисий начинает с того, что критиковать классические произведения — не означает негативно относиться к их авторам. Ритор признается, что судит о Платоне «как о великом муже и возвысившемся до природы божественного (ὡς ἀνδρὶ μεγάλῳ καὶ ἐγγύς τῆς θείας ἐληλυθότι φύσεως, II. 2)», и заявляет, что его цель не нападать на Платона или, напротив, создать энкомий в его честь, не обвинять или оправдывать философа, но «исследовать различные виды стиля», указав на сильные и слабые стороны.

Дионисий пишет: «Я признаю свое кощунство, если мне принадлежит хоть одно сочинение, содержащее нападки на Платона, как у ритора Зоила» (D.H. *EPG*. I. 4). Упоминание младшего современника Платона Зоила Амфипольского (ок. 400 – ок. 330 до н.э.) здесь неслучайно. Этот софист, грамматик, историограф и ритор был известен своими нападками на классиков и современников — Гомера, Платона, Исократ; за ним закрепился когномен «Гомеромастик» (Ὀμηρομάστιξ — «Бич Гомера»), и за свою резкую критику он был прозван «риторическим псом»¹³. Здесь Дионисий использует сравнение с Зоилом, но не осуждает его; в той же главе трактата галикарнаец называет амфипольского ритора среди прочих τῆλικούτοι ἄνδρες, которые критиковали учение Платона, находили недостатки в его

критик и историк // ИИАО. Вып. 12. 2009. С. 130–138; Осипова О.В. Древнегреческие историки в риторических трактатах Дионисия Галикарнасского // ИЯКФ. Т. 13. 2009. С. 462–466; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об отступлениях в исторических сочинениях // ИЯКФ. Т. 15. 2011. С. 433–437; Осипова О.В. ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ: Дионисий Галикарнасский о композиции исторических сочинений // АМА. Вып. 16. 2013. С. 71–76; Рушкин И.П. Предисловие [к переводу Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде. С приложением второго письма к Аммею»] // Аристей. Т. 9. 2014. С. 185–189 (+ перевод двух сочинений Дионисия, с комментариями, с. 190–244 и 245–256); Осипова О.В. Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде» // ПИФК. 2015. № 3. С. 22–29; Рушкин И.П. «О древних ораторах»...; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об «историческом» стиле // ИЯКФ. Т. 23. 2019. С. 828–833; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об изложении древнейшей истории // ИЯКФ. Т. 24. Ч. 2. 2021. С. 996–1002; Осипова О.В. Композиция и стиль в риторической системе Дионисия Галикарнасского // ИЯКФ. Т. 26. Ч. 2. 2022. С. 892–897.

¹³ См. Ael. Var. hist. XI. 10: «Зоил из Амфиполя, тот, кто писал против Гомера, Платона и других [авторов]... Зоила прозвали риторическим псом (Κῶων ῥητορικός)». Тут же у Элиана: «Зоил всегда злословил о людях, только и делал, что наживал себе врагов и был удивительно придирчив (ψοφερὸς ἦν ὁ κακοδαίμων)» (Элиан. Пестрые рассказы / Пер., статья, прим. и указатель С.В. Поляковой. М., 1995. С. 82).

произведениях и выставляли философа в смешном виде¹⁴. Однако у филологов именно Зоил стал притчей во языцех¹⁵. Устойчивая

---

¹⁴ D.H. EPG. I. 16: «Аристотель, потом и Кефисодор, и Феопомп, и Зоил, и Гипподамант, и Деметрий и многие другие».

¹⁵ Novokhatko A. *Homeric Hermeneutics on the way from Athens to Alexandria // More than Homer Knew – Studies on Homer and His Ancient Commentators / ed. by A. Rengakos, P. Finglass, B. Zimmermann*. Berlin; Boston, 2020. P. 113. О Зоиле и его методе см. обстоятельную статью И.В. Шталь (Шталь И.В. *Логический предел софистического метода литературной критики (Зоил из Амфиполя) // Древнегреческая литературная критика / под ред. Л.А. Фрейберг. М., 1975. С. 335–360*), где представлена апология принципов литературной критики этого филолога-софиста. Опираясь на свидетельство Дионисия Галикарнасского и схолии (из Порфирия), автор отмечает: «Зоил-ритор мог и должен был дать, как это “привычно” для ритора... критику Гомера, и критика эта подобно критике Зоила и иных по отношению к Платону, преследовала, по-видимому, определенную цель – “установить истину”» (Шталь И.В. Указ. соч. С. 344). Исследовательница приходит к выводу, что своей деятельностью софист Зоил «закладывает основы будущего: александрийской филологии» (там же. С. 356). Деятельность Зоила, прошедшего школу риторического искусства у афинского оратора и софиста Поликрата (V–IV вв. до н.э.), была определенным этапом на пути гомеровской (а также платоновской и не только) герменевтики из Афин в Александрию (ср. в упомянутой статье Новохатько). И.В. Шталь рассматривает свидетельства античных и византийских источников о Зоиле, в том числе и Дионисия (Шталь И.В. Указ. соч. С. 335–344), приводит примеры критики и интерпретации Гомера амфипольским ритором, старательно выискивавшим всевозможные недочеты в «Илиаде» и «Одиссее» (там же. С. 347–356). О Зоиле см. также: Apfel H.V. *Homeric Criticism in the Fourth Century B.C. // TAPhA. Vol. 69. 1938. P. 250–252*; Rademacher L. *Artium scriptores: Reste der voraristotelischen Rhetorik*. Wien, 1951. S. 198–200; Buffière F. *Les mythes d’Homère et la pensée grecque [Collection d’études anciennes]*. Paris, 1956. P. 22–25; Fraser P.M. *Aristophanes of Byzantium and Zoilus Homeromastix in Vitruvius. A note on Vitruvius VII, Praef. §§ 4–9 // Eranos: Acta philologica suecana. Vol. 68. 1970. P. 115–122*; Gärtner H. *Zoilos [4] // KIP. Bd. 5. Sp. 1549–1550*; Gärtner H. *Zoilos (Homeromastix) [14] // RE. Suppl. 15. 1978. Sp. 1531–1554* (обе статьи автора с учетом важнейшей литературы XIX–XX вв.); Branham R.B. *Defacing the Currency: Diogenes’ Rhetoric and the Invention of Cynicism // The Cynics. The Cynic Movement in Antiquity and its Legacy / ed. by R.B. Branham, M.-O. Goulet-Cazé. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. P. 84–85* (здесь Зоил показан как «второстепенная фигура» среди ранних киников: “prototypical or minor figures such as Antisthenes or Zoilus”, “a Cynic as marginal as Zoilus”); Lockwood J.F., Browning R. *Zoilus // OCD⁴. P. 1591–1592 (= OCD³. P. 1639)*; Matthaios S. *Zoilos [1] // NP. Bd. 12. Hbd. 2. 2002. P. 825*; Szlezák T.A. *Homer, oder Die Geburt der abendländischen Dichtung*. München, 2012. P. 18–19; Williams M.F. *Zoilos of Amphipolis (71) // Brill’s New Jacoby / ed. by I. Worthington. BrillOnline, 2013. – [Электронный ресурс] - URL: <https://referenceworks.brillonline.com/entries/brill-s-new-jacoby/zoilos-of-amphipolis-71-a71>*

античная традиция (а следом за ней и дальнейшая европейская) изображает ретивого «риторического пса» образцом радикальной и одиозной критики: злобный, мелочный, придирчивый. Он обличал Гомера за то, что тот изображал богов нечестивыми, героев нелепыми и их поведение нелогичным¹⁶.

Но, согласно хрестоматийной «аристотелевской» сентенции, *amicus (mihi) Plato, sed magis amica veritas*. И приступая к изложению своих взглядов на творчество Платона, Дионисий Галикарнасский неоднократно отмечает, что всякое исследование (разумеется, *подлинное* исследование!) нацелено на то, чтобы *раскрыть истину*¹⁷. «Когда же преследуется цель выяснить, что именно было наиболее достойным в чьей-либо жизни или какое произведение лучше в ряду подобных ему, то тогда нужно прибегнуть к самому точному исследованию (*τὴν ἀκριβεστάτην ἐξέτασιν*), при котором ни одно свойство

(свод фрагментов тестов Зоила и свидетельств о нем античных авторов); Goulet-Cazé M.-O. Zoïlos d'Amphipolis [Z 32] // Dictionnaire des philosophes antiques. T. VII: d'Ulpien à Zoticus avec des compléments pour les tomes antérieurs / ed. by R. Goulet. Paris, 2018. P. 421–436 (наиболее подробный из последних обзоров источников и исследований о Зоиле и тематике его творчества); Pavlova A.V. Arist. Poet. 1461b1–3: A broad hint at Zoilus? // *Philologia classica*. T. 14. 2019. № 1. P. 149–154 (о замечании Аристотеля в предпоследней главе «Поэтики» [1461b], направленном, вероятно, против критики Зоила, основанной на неверном истолковании источников: разбор трех фрагментов, приписываемых Зоилу, в которых амфипольский ритор акцентирует внимание на несоответствующих деталях и пытается высмеять не текст Гомера, а собственные – привнесенные – представления о нем); Novokhatko A. Op. cit. P. 112–120 (с избранной библиографией: p. 112, n. 92). Укажу также публикацию в новом «Бриллевском» ресурсе, где размещены статьи из “Lexicon of Greek Grammarians of Antiquity”: Regali M. Zoilus (1) // *Lexicon of Greek Grammarians of Antiquity*. Brill Online, 2020 / ed. by F. Montanari, F. Montana, L. Pagani. – [Электронный ресурс] – URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/lexicon-of-greek-grammarians-of-antiquity/*Zoilus_1.

¹⁶ См. у А.А. Новохатько обсуждение примеров истолкования эмоций гомеровских персонажей у Зоила, который показан как интерпретатор Гомера (Novokhatko A. Op. cit.). Однако, по мнению исследовательницы, агрессивная критика Гомера, которую Зоилу приписывала античная традиция, не следует из тех фрагментов его сочинений, что до нас дошли (Ibid. P. 124–125).

¹⁷ Ср. замечание Г. Оттоне: “È noto che la ricerca della verità era l'essenza stessa della speculazione platonica, e di quella filosofica in generale...; pur a fronte di questo, nell' Epistola a Pompeo Dionigi impostava l'apologia della propria critica antiplatonica sull'insinuazione che il filosofo avesse falsato la verità” (Ottone G. *La philaletheia come expertise etica dello storico politicamente impegnato. Il caso di Teopompo* // *DHA. Suppl.* 17. 2017. P. 104, здесь с отсылкой к D.H. EPG. I. 14).

предмета, — ни хорошее, ни плохое, — не должно быть обойдено молчанием, ибо *только так можно установить истину*, а ведь это — *самое ценное* (ἢ γὰρ ἀλήθεια οὕτως εὐρίσκεται μάλιστα, ἢς οὐδὲν χρῆμα τιμώτερον)» (D.H. EPG. I. 3).

Только при помощи ἐξέτασις возможно раскрыть ἀλήθεια¹⁸, и ради этой высокой цели, по признанию Дионисия, он намерен «провести сопоставление одних хороших [авторов] с другими хорошими [авторами]» (ἀγαθοὺς ἀγαθοῖς ἀντεξέταζων, D.H. EPG. I. 17). Сравнения, которые здесь использует критик, суть *демонстрация соперничества* лучших писателей прошлого (по примеру τηλικούτοι ἄνδρες, как он сам поясняет).

3. Критика Дионисием писателей от Платона до Феопомпа (обзор D.H. EPG и комментариев к тексту)

Последовательно рассмотрим основные положения «Письма к Помпею» Дионисия Галикарнасского: темы, имена, критерии, метод исследования и прочие элементы.

---

¹⁸ Ср. D.H. EPG. I. 3; 6; и далее в той же главе: «Многие отвергали его (Платона. — А.С.) учение и находили недостатки в его произведениях..., выставляли его в смешном виде не из зависти или недоброжелательства, а из стремления установить истину» (τὴν ἀλήθειαν ἐξετάζοντες, EPG. I. 16; Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею / Пер. О.В. Смыки // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 224). Обсуждение природы исторической истины и практической применимости исторического знания на литературоведческом (риторическом) и историографическом материале Дионисия см. в монографии Ф. Майнса (Meins F. Paradigmatische Geschichte: Wahrheit, Theorie und Methode in den "Antiquitates Romanae" des Dionysios von Halikarnassos. Stuttgart, 2019); сошлюсь на рецензии: Matijašić I. [Rev.:] Friedrich Meins, Paradigmatische Geschichte: Wahrheit, Theorie und Methode in den Antiquitates Romanae des Dionysios von Halikarnassos, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019 // BMCR. 2020.07.14. — [Электронный ресурс] — URL: <https://bmc.brynmaur.edu/2020/2020.07.14/> (с замечаниями, интересным анализом и доброжелательными отзывами); Miano D. Op. cit., особ. p. CLXXX–CLXXXV; Gershon Y. [Rev.:] Friedrich Meins, Paradigmatische Geschichte: Wahrheit, Theorie und Methode in den 'Antiquitates Romanae' des Dionysios von Halikarnassos, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019 // Anabases: Traditions et Réceptions de l'Antiquité [Online]. Vol. 33. 2021. P. 289–290. — [Электронный ресурс] — URL: <http://journals.openedition.org/anabases/12283> (критическая рецензия).

I. Трактат начинается с суждений о Платоне¹⁹. В первой главе говорится о принципах платоновской критики. В качестве примера автор избирает диалог «Федр», в котором афинский философ Сократ (= Платон) полемизирует с оратором Лисием (D.H. *EPG*. I. 10)²⁰. В этом сочинении после трех речей (чтение Федром записанной речи Лисия + две речи Сократа)²¹ дана критика современного

¹⁹ О композиции этого сочинения см. в предисловии Ж. Ожак: Denys d'Halicarnasse. *Opuscules rhétoriques*. Т. 5. Р. 71–75 (здесь о первых, «платоновских», главах: р. 72–73); ср. Fornaro S. *Op. cit.*; Осипова О.В. Композиция... С. 895 слл.

²⁰ Обсуждение в «Федре» λόγος ἐρωτικός Лисия как текст логографа (Plato. *Phdr.* 257c), т.е. сочинителя речей, чей успех зависит от того впечатления, которое эти речи производят на публику (*ibid.* 258a–b), см. новую работу Дж. Брайан «Роль речи Лисия в “Федре” Платона»: Bryan J. *The Role of Lysias' Speech in Plato's Phaedrus* // *CCJ*. Vol. 67. 2021. Р. 1–21. О платоновской критике в «Федре» см. также: Griswold C.L. *Self-knowledge in Plato's Phaedrus*. New Haven, 1986; Adkins A.W.H. *The “Speech of Lysias” in Plato's Phaedrus* // *The Greeks and Us: Essays in Honor of A.W.H. Adkins* / ed. by R.B. Loudon, P. Schollmeier. Chicago, 1996. Р. 224–240; Лосев А.Ф. *История...* С. 524–525; Buccioli E. *Keeping it secret: reconsidering Lysias' speech in Plato's Phaedrus* // *Phoenix*. Vol. 61. 2007. Р. 15–38; Werner D. *Rhetoric and philosophy in Plato's Phaedrus* // *G&R*. Vol. 57. 2010. № 1. Р. 21–46; Глухов А.А. *Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищезанское преодоление платонизма*. М., 2014. С. 269–285; Слезак Т.А. *О значении ключевых понятий платоновской критики письма: филологический подход к «Федру» 274b–278e* // *ПИ*. Т. 3. 2015. № 2. С. 65–79; Галанин Р.Б. *Риторика Протагора и Горгия*. СПб., 2016; Платон. *Федр* / Пер. с введ., интерпретацией, указат. имен, прим. А.А. Глухова. СПб., 2017; Галанин Р.Б. *Риторическое измерение диалога «Лисид»* // *ПИ*. Т. 13. 2020. № 2. С. 96–100; Hartmann L. *Die grosse Rede des Timaios – ein Beispiel wahrer Rhetorik?* // *Plato's Timaeus – Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense* / ed. by Ch. Jorgenson, F. Karfík, Š. Špinka. Leiden; Boston, 2020. S. 22–48 (о специфике философской риторики в диалогах «Федр», «Горгий» и «Тимей»). Специально об анализе стиля платоновского «Федра» в трудах Дионисия Галикарнасского: Hunter R.L. *Plato and the Traditions of Ancient Literature: The Silent Stream*. Cambridge, 2012. Р. 151–184. См. статью Лауры Видебаум «Дионисий и обаяние Лисия»: Viidebaum L. *Dionysius and Lysias' Charm* // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography* / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. Р. 106–124, а также: Yunis H. *Dionysius' Demosthenes and Augustan Atticism* // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography* / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. Р. 90, 91 ff.; Schirren T. *Lysias Ethographos* // *Handbuch Antike Rhetorik* / hrsg. von M. Erler, Chr. Tornau. Berlin; Boston, 2019. Р. 186 f., 189–192 (о Лисии-этографе); и в новой монографии Л. Видебаум: Viidebaum L. *Creating...* Р. 38–55.

²¹ См.: “For instance, in regard to Socrates' first speech on eros in the ‘Phaedrus’, Dionysius famously mistakes Plato's ironic, humorous imitation of grandiose style for sincere but bombastic effect (Dem. 7. 3–7)” (Yunis H. *Op. cit.* Р. 91).

риторического мастерства и излагается взгляд на «истинную τέχνη»²². Платон рассуждает в «Федре» о правилах искусства речи и стремится показать, что подлинный оратор — это философ²³. Но Дионисий осуждает Платона за «поэтические украшения», которые, по мнению ритора, неуместны в прозаическом сочинении²⁴.

Дионисий указывает на то, что Платон высмеивал многих своих коллег²⁵, выдающихся мыслителей: Парменида, Гиппия, Протагора, Продика, Горгия, Пола, Феодора, Фрасимаха²⁶ и других предшественников и современников (Д.Н. *EPG*. I. 12; ср. *ibid.* I. 16 и 17). Галикарнасский критик напоминает своему адресату (и «широкой читательской аудитории», на которую ориентирован этот трактат), что

---

²² См. Plato. *Phdr.* 271c: «...нынешние составители руководств по искусству речи (τέχνας λόγων), они плуты и только скрывают, что отлично знают человеческую душу. Так что пока они не станут говорить и писать именно этим способом, мы не поверим им, что их руководства написаны по правилам искусства» (перевод А.Н. Егунова по изданию: Платон. *Федр* // Платон. *Собр. соч.* в 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 2. М., 1993. С. 182); и далее в том же диалоге: *Phdr.* 271d sq.

²³ О риторике и философии в платоновском «Федре» см., например, у Д. Вернера: Werner D. *Op. cit.* P. 21–46 (с привлечением обширной литературы); здесь, в частности: “Plato’s account of the true τέχνη seems to place rhetoric quite close to philosophy itself, and in particular to philosophical dialectic” (p. 21); “This is because the true orator does not practise speech-making in any traditional sense; the true orator is a philosopher. In other words, the ideal rhetoric merges with philosophy: philosophical inquiry is the necessary precondition for the τέχνη, and philosophical discourse is the nearest approximation of that τέχνη” (p. 45). См. также новую интересную работу М. Эрлера о риторике Платона: Erler M. *Platon und seine Rhetorik* // *Handbuch Antike Rhetorik* / hrsg. von M. Erler, Chr. Tornau. Berlin; Boston, 2019. P. 315–338.

²⁴ Ср. Соболевский С.И. Дионисий Галикарнасский. С. 161–162, и здесь же замечание русского филолога: «в данном случае Дионисий неправильно критикует Платона: в “Федре” Сократ намеренно говорит высоким слогом, и поэтому поэтическая окраска здесь вполне уместна» (там же. С. 162, прим. 16).

²⁵ О смехе и иронии у Платона укажу пару недавних работ, опубликованных в «Платоновских исследованиях»: Прокопенко В.В. Платон, ироник? // *ПИ*. Т. 4. 2016. № 1. С. 11–23; Щербаков Ф.Б. Поэтика смеха у Платона: к вопросу о генезисе философской иронии // *ПИ*. Т. 14. 2021. № 1. С. 32–51.

²⁶ Названные здесь софисты и риторы Парменид, Гипсий, Протагор и Горгий являются главными героями платоновских сочинений, которым они дали наименование. Четверо же других — действующие лица разных диалогов Платона.

Платон предлагал изгнать из своей идеальной политики даже самого Гомера²⁷.

II. Во второй главе автор сопоставляет Платона с известными риториками. Согласно Дионисию, афинский философ подражал Горгию, заимствовал у него «поэтические обороты»²⁸. Платону свойственно многословие, он стремится выражаться красиво, чрезмерно привержен возвышенному и пышному слогу, но не всегда в этом достигает успеха. Галикарнасский ритор снова поясняет свою позицию: «Однако я не хочу, чтобы кто-нибудь истолковал мои слова как осуждение вообще искусно отработанного необычного слога, которым пользуется Платон. ... Но я только хочу показать, что и он допускал промахи (τὰ ἀμαρτήματα) в своих сочинениях и становился ниже самого себя...» (D.H. EPG. II. 7).

И до и после Дионисия в европейской традиции Платон обыкновенно воспринимался как один из классиков аттического наречия и красноречия²⁹. Но, по мнению сурового и беспристрастного галикарнасского критика, образцом для Платона являлось риторическое искусство Горгия. Впрочем, слово «беспристрастный», несмотря на заявления и уверения самого Дионисия в преданности ἀλήθεια, здесь можно поставить в кавычки, поскольку, как будет сказано в конце статьи, критик мог иметь и свои лично-исследовательские интересы в проведении этого риторико-археологического сопоставления. Дионисий отмечает, что Платон находился под влиянием известного софиста-ритора Горгия и его младшего современника, не менее

---

²⁷ Критика Гомера и Гесиода, а также трагедииографов и комедииографов занимает большую часть II и III книг «Государства» Платона. Дионисий же упоминает только о радикальном случае — отрицании Платоном Поэта поэтов. «Ведь было, да, при всех многочисленных достоинствах, было в характере Платона и нечто тщеславное (τὸ φιλότιμον). Особенно это проявляется в зависти, какую он питал к Гомеру (διὰ τῆς πρὸς Ὅμηρον ζηλοτυπίας), изгнанному [Платоном] из его вымышленного государства... тот человек (т.е. Гомер. — А.С.), благодаря которому вообще вся образованность, кончая философией, вошла в нашу жизнь» (D.H. EPG. I. 13–14).

²⁸ D.H. EPG. II. 6; II. 8; II. 13: «я осуждаю его (Платона. — А.С.) за то, что он внес в философские сочинения выпренность поэтических украшательств (ῥυκος τῆς ποιητικῆς κατασκευῆς) в подражание Горгию...»; см.: Fornaro S. Op. cit. P. 8 seg. (“Contro Platone”), 14–16.

²⁹ См.: Марков А.В. Πλάτων ἀττικίζων: кто сделал Платона классиком аттического наречия? // ПИ. Т. 1. 2014. С. 173–184; Семиколенных М.В. Учение Платона об ораторском искусстве в изложении Виссариона Никейского // ПИ. Т. 2. 2015. № 1. С. 172–184.

прославленного историка Фукидида³⁰ («под воздействием их приемов», D.H. EPG. II. 8); что же касается τὸ ὕψος τῆς λέξεως / τῶν λόγων, то «Платон уступал Демосфену»³¹.

III. Самая большая глава трактата — третья, в которой автор сопоставляет сочинения ранних эллинических историков³². Здесь Дионисий называет имена нескольких мастеров историописания,

---

³⁰ О разного рода параллелях и пересечениях в трудах Фукидида и Платона существует обширная литература (в основном историко-политической направленности); избранно: Grene D. Greek Political Theory: The Image of Man in Thucydides and Plato. Chicago, 1967; Barton J. The War That Still Goes On: Adapted from Thucydides' History of the Peloponnesian War and Plato's Dialogue with Alcibiades. London, 2006; Mara G.M. The Civic Conversations of Thucydides and Plato. Classical Political Philosophy and the Limits of Democracy. Albany, NY, 2008; Samons L.J.II. Thucydides and Plato on Democracy // CR. Vol. 60. 2010. № 1. P. 32–34; Светлов Р.В. Платон и Фукидид // Вестник СПбГУ. 2016. Серия 17. 2. С. 34–41; Светлов Р.В., Тантлевский И.Р. «Битвы за историю» в античном мире: от Платона до христианских апологетов. СПб., 2016. С. 53 сл., 55–63; Mara G.M. Political Philosophy in an Unstable World: Comparing Thucydides and Plato on the Possibilities of Politics // The Oxford Handbook of Thucydides / ed. by K.R. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford, 2017. P. 531–547.

³¹ D.H. EPG. II. 16: καὶ καθ' ἓν τοῦτο Πλάτωνά φημι λείπεσθαι Δημοσθένους. О сопоставлении стилей Платона и Демосфена в трактате Дионисия «О Демосфене» см. у Роберта Рида: Reid R.S. "Neither Oratory nor Dialogue" ... Исследователь отмечает, что, представляя речи Демосфена как идеал литературного стиля, Дионисий избирает для сравнения «Апологию Сократа» в качестве образца платоновского стиля. Из недавних работ см.: Hunter R.L. Plato and the Traditions... P. 109–150 (глава 3 «Платон, Лисий и Исократ»); Yunis H. Op. cit.; Viidebaum L. Dionysius and Lysias' Charm. P. 106–124; Viidebaum L. Creating... Passim (особ. pp. 6–10, 176–213 [гл. 7 «Дионисий Галикарнасский о Лисии, риторике и стиле»], 214–244 [гл. 8 «Исократ и философия в риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского»]). Демосфену галикарнасский ритор посвящает «восторженный гимн» (Соболевский С.И. Дионисий Галикарнасский. С. 159); он передает тот восторг, в который его приводят речи афинского оратора: «Когда я беру в руки речь Демосфена, я воодушевляюсь и теряю самообладание. Раздираемый различными страстями, я не верю, терзаюсь, боюсь, презираю, ненавижу, жалею, сочувствую, гневаюсь, завидую: во мне сменяются все страсти, которые когда-либо овладевали человеческой душой» (De Dem. dict. 22; перевод В.Г. Боруховича приводится по изд.: Борухович В.Г. История древнегреческой литературы. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1982. С. 272).

³² С. Йонссон определяет критерии Дионисия Галикарнасского для оценки стиля и содержания произведений древних авторов на основании «Письма к Помпею», где сравнивается язык Геродота и Фукидида (EPG. III); исследователь выделяет 10 факторов, по Дионисию (Jónsson S.L. Op. cit. P. 132 f., хотя здесь ошибочно отмечены 11 пунктов).

творивших в этом жанре в классическую эпоху³³, но главные герои раздела — Геродот и Фукидид³⁴. Почти по всем позициям,

---

³³ Специально о ранних греческих историках у Дионисия см.: Jacoby F. *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford, 1949. P. 86 f., 178–185; Toye D.L. *Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians* // *AJPh*. Vol. 116. 1995. № 2. P. 279–302; Matijašić I. *Shaping...* См. замечания во введении к коллективной монографии о галикарнасском ученом: de Jonge C.C., Hunter R. *Op. cit.* P. 3–4; а также: Pritchett W.K. *Dionysius of Halicarnassus. On Thucydides* / with transl. and comm. by W.K. Pritchett. Berkeley; Los Angeles; London, 1975, ad loc. D.H. De Thuc. V и XXIII; Fornara C.W. *The Nature of History in Ancient Greece and Rome*. Berkeley, Los Angeles; London, 1983. P. 17–20; Gabba E. *Dionysius and the History of Archaic Rome*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991; Joyce C. *Was Hellanikos the First Chronicler of Athens?* // *Histos*. Vol. 3. 1999. P. 1–17; Schultze C. *Authority, Originality and Competence in the Roman Archaeology of Dionysius of Halicarnassus* // *Histos*. Vol. 4. 2000. P. 19 ff., 25 f. (+ дискуссия в п. 53); Laird A. *The Rhetoric of Roman Historiography* // *The Cambridge Companion to the Roman Historians* / ed. by A. Feldherr. Cambridge, 2009. P. 197–213; Scanlon T.F. *Greek Historiography*. Chichester; Malden, MA; Oxford, 2015. P. 146 ff.; Schultze C. *Ways of Killing Women: Dionysius on the Deaths of Horatia and Lucretia* // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography* / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 177–178; Івашків-Ващук О. Указ. соч. С. 68–70. Различные аспекты сочинений историописателей в риторических трактатах Дионисия рассматриваются в работах О.В. Осиповой: Осипова О.В. *Древнегреческие историки...*; Осипова О.В. *Дионисий Галикарнасский об отступлениях...*; Осипова О.В. *ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ...*; Осипова О.В. «Театральность» в древнегреческих исторических сочинениях // *ИЯКФ*. Т. 22. 2018. С. 986–992; Осипова О.В. *Дионисий Галикарнасский об «историческом» стиле...*; Осипова О.В. *Дионисий Галикарнасский об изложении...* О Геродоте и Фукидиде в античной риторической традиции см. диссертацию: Kennedy S. *How to write history: Thucydides and Herodotus in the ancient rhetorical tradition. A Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University, 2018*. URL: <https://etd.ohiolink.edu>.

³⁴ Критический анализ стиля афинского историка представлен в трактате «О Фукидиде» и Втором письме к Аммею (*Περὶ τῶν Φουκυδίδου ἰδιωματῶν*). Русский перевод этих сочинений Дионисия: Дионисий Галикарнасский. *О Фукидиде*. С приложением второго письма к Аммею / Пер. и прим. И.П. Рушкина // *Аристей*. Т. 9. 2014. С. 190–256; см. также: Grube G.M.A. *Dionysius of Halicarnassus on Thucydides* // *Phoenix*. Vol. 4. 1950. № 3. P. 95–110; Соболевский С.И. *Дионисий Галикарнасский*. С. 162–164; Grube G.M.A. *The Greek and Roman Critics*. London, 1965; Pritchett W.K. *Dionysius of Halicarnassus...*; Fornaro S. *Op. cit.*; Denys d’Halicarnasse. *Opuscules rhétoriques*. Т. 4. Укажу также литературу по теме: Weaire G. *The Relationship...*; Weaire G. *Dionysius of Halicarnassus...*; Строецкий В.М. *Дионисий Галикарнасский...*; Lévy M. *L’imitation de Thucydide dans les opuscules rhétoriques et les antiquités romaines de Denys*

рассматриваемым галикарнасским ритором, его соотечественник Геродот превосходит своего младшего коллегу³⁵. Важнейший из пунктов сравнения — это избранные авторами темы исторических сочинений³⁶. Как считает Дионисий, Фукидид неумело избрал ὑπόθεσις для своего труда, поскольку Пелопоннесская война, которую он описал, — это мелкая тема для историка³⁷, да и война эта не являлась предметом гордости греков³⁸. А вот ту войну, о которой рассказал Геродот, следует, напротив, считать славной и победоносной для афинян и спартанцев. Поэтому выбор темы у Геродота правильнее, нежели у Фукидида (D.H. EPG. III. 6). Причем критик указывает на

---

d'Halicarnasse // Ombres de Thucydide. La Réception de l'historien, de l'Antiquité au XXe siècle. Actes des colloques de Bordeaux, les 16-17 mars 2007, de Bordeaux, les 30-31 mai 2008 et Toulouse, les 23-25 octobre 2008 / ed. by V. Fromentin, S. Gotteland, P. Payen. Bordeaux, 2010. P. 51-61; Рушкин И.П. Предисловие...; Irwin E. Dionysius of Halicarnassus' On Thucydides and Thucydides' rhetoric of the episodic // Tecendo narrativas: unidade e episódio na literatura grega antiga / ed. by C. Werner, A. Dourado-Lopes, E. Werner. São Paulo, 2015. P. 121-199; Рушкин И.П. «О древних ораторах»...; Hunter R.L. Dionysius of Halicarnassus...; Осипова О.В. «Наглядность» (enargeia) в «Истории» Фукидида // Аристей. Т. 3. 2011. С. 109-114 (другие ее работы указанные в предыдущем примечании). См. в известном труде С. Боннера о критическом методе Дионисия: Bonner S.F. Op. cit. P. 59-97, а также в новых работах, которые указаны выше, в прим. 12.

35 Ср. "He (Дионисий. — А.С.) has set Herodotus and Thucydides at the top of his personal podium of historians, with a clear preference for the Halicarnassian" (Matijašić I. Shaping... P. 81).

36 D.H. EPG. III. 3, 8-10; ср. D.H. De Thuc. VI, X, XII.

37 Замечание У.К. Притчетта: "Merely local history made little appeal to Dionysius. In Ep. ad Pomp. 3, he prefers the sort of subject treated by Herodotus, the story of a struggle that was epic in its character and afforded the fullest scope for the historian's power, over that of Thucydides" (Pritchett W.K. Dionysius of Halicarnassus... P. 56-57, n. 35 ad loc. D.H. De Thuc. V. 5).

38 См.: «Фукидид же описывает только одну войну, и притом такую, которая не была ни славной, ни победоносной, не случись которой, было бы гораздо лучше, но раз уж она все-таки произошла, то потомкам лучше о ней не вспоминать, предав ее забвению и обойдя молчанием (sic! — А.С.)» (D.H. EPG. III. 4). NB: здесь Дионисий Галикарнасский высказывает свое отношение не как историк, но как филолог. Его занимает избранная тема, красивое описание (расположение материала и соединение слов), а не прошлое per se, не важно, какими бы не были события прошлого: страшными, позорными, губительными, проигрышными, жуткими, бесславными катастрофическими и т.п. См.: Matijašić I. Shaping... P. 73-78 (Геродот vs. Фукидид), 97 ff., 123-128; Wiater N. Experiencing the Past: Language, Time and Historical Consciousness in Dionysian Criticism // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 80 ff.

соперничество «отца истории» со своими современниками³⁹. «Геродот поступил совсем иначе, его не остановило то обстоятельство, что

---

³⁹ Две значительные фигуры, названные здесь Дионисием, обычно относят к предшественникам Геродота, «праотцам истории» (которых устойчиво, но ошибочно именуют «логографами»). Харон из Лампсака был его старшим современником (он жил и творил в первой половине V в. до н.э.; о Хароне + перевод фрагментов его сочинений см. Суриков И.Е. Три ранних историка: Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Дамаст Сигейский // *Аристей*. Т. 22. 2020. С. 168–170, 193–204); а вот Гелланик из Митилены на Лесбосе был современником Геродота, вероятно, его ровесником (тоже родился в 480-х гг.), причем, пережил «отца истории» на пару десятилетий (умер в конце 400-х гг.). О весьма плодовитом и знаменитом митиленском историописателе см.: Niese B. *Die Chroniken des Hellanikos* // *Hermes*. Bd. 23. 1888. Hft. 1. S. 81–91; Perrin B. *The Iepeiai of Hellanicus and the Burning of the Argive Heraeum* // *AJPh*. Vol. 22. 1901. № 1. P. 39–43; Jacoby F. *Hellanikos (7) von Lesbos* // *RE*. Bd. 8. Hbd. 1. 1912. Sp. 104–153 (= Jacoby F. *Griechische Historiker*. Stuttgart, 1956. S. 262–287 – с обзором предшествующих работ о Гелланике); Бузескул В.П. *Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в.* / вступ. ст. и общ. ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2005 (1915). С. 104–105; Pearson 1939; Jacoby F. *Atthis...*; Gärtner H. *Hellanikos [1]* // *KIP*. Bd. 2. Sp. 1004, 1005; Fornara C.W. *Hellanicus and an Alcmaeonid Tradition* // *Historia*. Bd. 17. 1968. Hft. 3. P. 381–383; Mosshammer A.A. *The Apollodoran Akmai of Hellanicus and Herodotus* // *GRBS*. Vol. 14. 1973. № 1. P. 5–13, особ. p. 7–9 (обсуждается дата акмэ жизни Гелланика, 456/5, засвидетельствованная Аполлодором: FGrHist 244 F 7); Ambaglio D. *Opera storiografica di Ellanico di Lesbo*. Pisa, 1980; Fowler R.L. *Herodotus and his contemporaries* // *JHS*. Vol. 116. 1996. P. 62–87; Joyce C. *Op. cit.*; Möller A. *The Beginnings of Chronography: Hellanicus' Hiereiai* // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus* / ed. by N. Luraghi. Oxford, 2007. P. 241–262; Sánchez Jiménez F. *Helánico en su Historia Ática (FGrHist 323 a T 8): Aspectos de la 'Pentecontecia' de Helánico e influencia sobre el relato de Tucídides* // *Hormos*. T. 9. 2007. P. 443–455; Lenfant D. *Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide. Fragments édités, traduits et commentés*. Paris, 2009. P. 9–24; Строгецкий В.М. *Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт*. Ч. 1: Геродот. Н. Новгород, 2010. С. 105–107, 121–122 (здесь встречается парадокс; ср. с. 105: «[Гелланик] родился около 490/480 гг.» и с. 122: «Но Гелланик был моложе Геродота...» – sic!); Ottone G. *L'«Ἀττικὴ χρονογραφία» di Ellanico di Lesbo. Una Lokalgeschichte in prospettiva eccentric* // *Storie di Atene, storia dei Greci. Studi e ricerche di attidografia* / ed. by C. Bearzot, F. Landucci. Milano, 2010. P. 53–111; Alganza Roldán M. *Hecateo de Mileto, "historiador" y "mitógrafo"* // *Florentia Iliberritana: Revista de estudios de antigüedad clásica*. Vol. 23. 2012. P. 23–44; Irwin E. *The hybris of Theseus' and the Date of the Histories* // *Herodots Quellen – Die Quellen Herodots* / hrsg. von B. Dunsch, K. Ruffing, K. Droß-Krüpe. Wiesbaden, 2013. P. 7–84; Alganza Roldán M. *Historiadores, logógrafos o mitógrafos? (Sobre la recepción de Hecateo, Ferécides y Helánico)* // *Polymnia*. Vol. 1. 2015. P. 3–24; Baurain-Rebillard L. *Thésée, le rapt*

до него историописатели и Гелланик, и Харон выпустили сочинения (τῶν πρὸ αὐτοῦ συγγραφέων γενομένων Ἑλληνικοῦ τε καὶ Χάρωνος) на ту же тему, напротив, он верил, что может создать нечто лучшее (κρείσσον τι) — и он это сделал» (EPG. III. 7).

Геродот включает в свое эпическое историописание различные экскурсы, как это делает «первоисторик» Гомер, и «отец истории» здесь назван его «подражателем»⁴⁰. По Дионисию, все отступления

---

d'Hélène et Hellanicos: les origines politiques d'une réprobation morale // Héros grecs à travers le temps: autour de Persée, Thésée, Cadmos, et Bellérophon. Actes du colloque de Metz, 28-30 mai 2015, Centre de recherches universitaires Lorrain d'histoire. 58 / éd. L. Baurain-Rebillard. Metz, 2016. P. 213-232; Condilo C. Agonistic Intertextuality: Herodotus' Engagement with Hecataeus on Genealogies // JAH. Vol. 5. 2017. № 2. P. 228-279; Matijašić I. Shaping... P. 182 f., 218 ff.; Polychronis T. Hellanicos de Lesbos: Histoire des Origines, origines de l'Histoire. Paris: Thèse de doctorat... Université d'Aix-Marseille. URL: <https://www.theses.fr/2018AIXM0075> (с переводом сохранившихся фрагментов и комментарием к ним); Tufano S. Boiotia from Within. The Beginnings of Boiotian Historiography. Münster, 2019. P. 40-49, 59-67, 75-129, 444-452; Суриков И.Е. Гелланик и Афины // ПИФК. 2021. № 3. С. 176-196; Суриков И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // ВДИ. Т. 81. 2021. № 4. С. 837-862; Суриков И. Е. Гелланик и Андокид // ВДИ. Т. 82. 2022. № 2. С. 303-318.

⁴⁰ D.H. EPG. III. 11: «Геродот стремился придать своему сочинению пестроту (ποικίλην), следуя в этом Гомеру». Дионисий указывает, что историк являлся подражателем (ζηλωτής) великого эпического Поэта; ср.: “en bon imitateur d’Homère” (Denys d’Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 5. P. 90). См. “Readers of Herodotus both ancient and moderns have found the imprint of Homeric epic on all levels of his text, from the occasional use of special poetic words, to literary tropes such as set speeches and dialogues, to overall range and purpose. Herodotus occasionally refers to epic characters and deeds; moreover, story patterns familiar from myths emerge from time to time in the Histories” (Boedeker D. Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill’s Companion to Herodotus / ed. by E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 97). См. у В.Г. Боруховича: «Дионисий Галикарнасский превозносит Геродота как наиболее “гомерического” писателя и утверждает, что его прозаический стиль оказался весьма близким к поэзии» (Борухович В.Г. История... С. 242). Влияние гомеровского эпоса на труд Геродота подчеркивалось многократно. Сошлюсь на коллективную монографию Myth, Truth, and Narrative in Herodotus / ed. by E. Baragwanath, M. de Bakker. Oxford, 2012. См. также: Бузескул В.П. Указ. соч. С. 108 (+ прим. 1); Denniston J.D., Pearson L. Herodotus [11] // OCD². P. 509: “To Homer he undoubtedly owes much, in cast of thought as well in language” (и множество других работ по теме). Античные авторы сравнивали историческую прозу Геродота с поэзией Гомера; например: Strabo. I. 3. 18; Luc. Hist. conscr. XIV; Quint. Inst. Orat. X. 1. 73-74; Ps.-Long. De subl. XIII. 3 (μόνος Ἡρόδοτος Ὀμηρικώτατος ἐγένετο). О Геродоте-Ὀμηρικώτατος сошлюсь на статьи Кристофера Пеллинга

Геродота от генеральной темы умело вплетены в текст его «Муз»⁴¹, так что создается впечатление, будто военно-исторический труд Фукидида, несмотря на его заикленность на одной теме, кажется раздробленным, а геродотовский, напротив, целостным. Показательно, что о «Музах» Геродота автор трактата говорит как о законченном и цельном произведении. Он считает, что историк смог удачно завершить свой труд о великой войне эллинов и варваров: в финале говорится о победах эллинов, изгнании персов и освобождении Эллады⁴²: «...дойдя в конце истории до бегства Ксеркса (τῆς Ξέρσου φυγῆς

(Pelling C.B.R. *Homer and Herodotus // Epic Interactions: Perspectives on Homer, Virgil, and the Epic Tradition. Presented to Jasper Griffin by Former Pupils / ed. by M.J. Clarke, B.G.F. Currie, R.O.A.M. Lyne. Oxford, 2006. P. 75–104*) и Джона Маринколы (Marincola J. Ὀμηρικώτατος? *Battle Narratives in Herodotus // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 3–24*). Подборка литературы по теме см.: Sinitsyn A.A. τὰ ὄπλα τῶν γεφυρέων of the Persian War: Herodotus on the Banishment of the Barbarians out of Europe and the issue of the Completeness of the First the History // *AAL. 2019. Vol. 65. P. 84, n. 2*. Из новых работ: Pelling C.B.R. *Herodotus and the Question Why. Austin, 2019*; Pelling C.B.R. *Herodotus and the Question Why // Shaping Memory in Ancient Greece: Poetry, Historiography, and Epigraphy / ed. by C. Constantakopoulou, M. Fragoulaki. Newcastle Upon Tyne, 2020. P. 11–35*; Fragoulaki M. *Introduction – Collective Memory in Ancient Greek Culture: Concepts, Media, and Sources // Shaping Memory in Ancient Greece: Poetry, Historiography, and Epigraphy / ed. by C. Constantakopoulou, M. Fragoulaki. Newcastle Upon Tyne, 2020. XXI–XXII, XXIV–XV, XXXII, XXXVIII*; Fragoulaki M. *Thucydides Homericus and the Episode of Mycalessus (Thuc. 7.29–30): Myth and History, Space and Collective Memory // Shaping Memory in Ancient Greece: Poetry, Historiography, and Epigraphy / ed. by C. Constantakopoulou, M. Fragoulaki. Newcastle Upon Tyne, 2020. P. 37–38, 39, 42, 52 f., 67 ff.*; Kirkland N.B. *Op. cit. P. 15 f., 64, 67*; статьи в сборнике, подготовленном И. Матьяшичем и вышедшем в приложении к журналу “Histos”: *Herodotus – The Most Homeric Historian? / ed. by I. Matijašić. Oxford; Edmohton; Tallahassee, 2022* (работы К. Пеллинга, Т. Харрисона, Я. Хэйвуда, М. Фрагулаки, К. Таплина и др.).

⁴¹ Примеры собраны в работе Яна Хэйвуда: Haywood J. *Homeric Allusions in Herodotus’ Histories // Herodotus – The Most Homeric Historian? / ed. by I. Matijašić. Oxford; Edmohton; Tallahassee, 2022. P. 59–90* (с литературой по теме).

⁴² Обсуждение вопроса о завершенности Геродотовой «Истории» см. в моих работах: Синицын А.А. *Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (По поводу одного «интересного нюанса») // АМА. Вып. 16. 2013. С. 39–55*; Синицын А.А. *Канаты и мосты греко-персидской войны // Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. / под ред. О.Л. Габелко, Э.В. Рунга, А.А. Синицына, Е.В. Смыкова. Казань, 2017. С. 137–171*; Синицын А.А. *Геродот об изгнании варваров из Европы и проблема завершенности первой «Истории» // Метаморфозы истории. Вып. 10. 2017. С. 35–92*; Sinitsyn A.A. τὰ ὄπλα... *К дискуссии по проблеме из недавних публикаций*

τὴν ἱστορίαν), Геродот нигде не разбивает повествования. Таким образом, получается, что Фукидид, избрав своей темой только одно событие, расчленил целое на много частей, а Геродот, затронувший много самых различных тем, создал гармоничное целое (σὺμφωνον ἔν ὁῶμα πεποικέναι)» (EPG. III. 14; Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею. С. 229)⁴³.

укажу: Herington J. The Closure of Herodotus' Histories // ICS. Vol. 16. 1991. P. 149–160; Boedeker D. Protesilaos and the End of Herodotus' 'Histories' // CJA. Vol. 7. 1988. № 1. P. 30–48; Lateiner D. The Historical Method of Herodotus. Toronto, 1989. P. 45, 46–50, 119, 243, 244, 257; Moles J. Herodotus Warns the Athenians // Roman Poetry and Prose, Greek Poetry, Etymology, Historiography / ed. by F. Cairns, M. Heath. Leeds, 1996. P. 259–284; Гаспаров М.Л. Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 483–489; Dewald C. Wanton Kings, Pickled Heroes, and Gnostic Founding Fathers: Strategies of Meaning at the End of Herodotus' Histories // Classical Closure: Reading the End in Greek and Latin Literature / ed. by D.H. Roberts, F.M. Dunn, D. Fowler. Princeton, 1997. P. 62–82; Desmond W. Punishments and the Conclusion of Herodotus' Histories // GRBS. Vol. 44. 2004. № 1. P. 19–40; Welser C. Two Didactic Strategies at the End of Herodotus' Histories (9.108–122) // CJA. Vol. 28. 2009. № 2. P. 367–372; Rosen K. Herodots Schlusskapitel: Ein kritischer Blick auf Athen // Studien zur antiken Geschichtsschreibung / hrsg. von M. Rathmann. Bonn, 2009. S. 1–12; Grethlein J. How Not to Do History: Xerxes in Herodotus' Histories Grethlein // AJPh. Vol. 130. 2009. № 2. P. 195–218; Суриков И.Е. Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности его труда // Gaudeamus igitur: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / под ред. Т.Н. Джаксон, И.С. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 356–363; Hamel D. Reading Herodotus: A Guided Tour through the Wild Boars, Dancing Suitors, and Crazy Tyrants of The History. Baltimore; London, 2012. P. 286–290; Irwin E. The hybris... P. 7–84; Raaflaub K.A. Die große Herausforderung: Herodot, Thukydides und die Erfindung einer neuen Form von Geschichtsschreibung // Historische Zeitschrift. Bd. 302. 2016. S. 596–598; Irwin E. The End of the Histories and the End of the Atheno-Peloponnesian Wars // Interpreting Herodotus / ed. by T. Harrison, E. Irwin. Oxford, 2018. P. 279–234; Sheehan S. A Guide to Reading Herodotus' Histories. London; N.Y., 2018. P. 243–249 (замечания к «Путеводителю по Геродоту» Ш. Шиэна см.: Sinitsyn A.A., Surikov I.E. A chaotic tours of the 'Halls' of the Logoi of the Herodotus Muses: Review of the English historiography on the 'father of history' and his work in the new guidebook // AAL. Vol. 66. 2020. P. 151–167; Синицын А.А., Суриков И.Е. [Rev.] S. Sheehan. A Guide to Reading Herodotus' Histories. London–New York: Bloomsbury Academic, 2018 // ВДИ. Т. 81. 2021. № 2. С. 520–528).

⁴³ Говоря о тематике труда Геродота, сформулированной им в проэмии (Hdt. I. Prooem), критик отмечает (EPG. III. 4): «Ибо это вступление есть и начало, и конец истории [Геродота]» (τὸ γὰρ αὐτὸ προοίμιον καὶ ἀρχὴ καὶ τέλος ἐστὶ τῆς ἱστορίας)». См.: Pritchett W.K. Dionysius of Halicarnassus...; Строецкий В.М. Становление... С. 121–122, 130–133.

Даже о достоинствах хронологического метода Фукидида, который был предметом гордости афинского историка⁴⁴, Дионисий судит сугубо критически: «Фукидид следует хронологии, а Геродот стремится схватить ряд взаимосвязанных событий. В итоге у Фукидида получается неясность и трудно следить за ходом событий. Поскольку за каждое лето и зиму в разных местах происходили различные события, то он, бросая на полдороге описания одного дела,

---

⁴⁴ Труд Фукидида структурирован «анналистически»: вся война делится на периоды — годы, а каждый год разделен на полугодия — летний и зимний сезоны (военные кампании). Считается, что он первым обосновал этот хронологический принцип и положил его в основу описания исторических событий (избранно о структуре «Истории» и фукидидовской системе периодизации: Thukydides [Der Peloponnesische Krieg] / Erklärt von J. Classen, bearb. von Ju. Steup. Bd. 5. 4. Aufl. Bibliographischer Nachtrag von R. Stark. Berlin, 1912 (repr. 1963). S. 54 ff., 257 ff., ad loc. V. 20. 2 sq.; Соболевский С.И. Фукидид // История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. 2. М., 1955. С. 78–87; Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 2. Oxford, 1956. P. 1, ad loc. Thuc. II. 1 + Appendix, p. 699–715, 716–721; Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 3. Oxford, 1956. P. 685 ff., ad loc. V. 20. 2–3; Meritt B.D. The Seasons in Thucydides // Historia. Bd. 11. 1962. Hft. 4. P. 436–446; Pritchett W.K. Thucydides V. 20 // Historia. Bd. 13. 1964. Hft. 1. P. 21–36; Luschnat O. Thukydides // RE. Suppl. 12. 1970. Sp. 1132–1146; Rawlings III.H.R. The Structure of Thucydides' History. Princeton, 1981; Hunter V. The Composition of Thucydides' History. A New Answer to the Problem // Historia. Bd. 26. 1977. Hft. 3. P. 269–294; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1991. P. 38; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 2. Oxford, 1996. P. 490–493, ad loc. V. 20, в комментариях — с обзором литературы по проблеме хронологии Фукидида; Sonnabend H. Thukydides. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2004. S. 69 ff.; Dewald C. Thucydides' War Narrative. A Structural Study. Berkeley; Los Angeles; London, 2005; Irwin E. Dionysius of Halicarnassus... О своем особом способе историк сообщает (II. 1): «Мною записаны события в том порядке, в каком следовали они одно за другим, по летам и зимам (κατὰ θεῖρον καὶ χειμῶνα)» (перевод цитируется по изданию: Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко, С.А. Жебелева, под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. С. 87). Показательно, что Фукидид неоднократно (II. 1; V. 20. 2 sq.; V. 26. 1, 3) проговаривает значение принципа историописания κατὰ θεῖρον καὶ χειμῶνας, утверждая правильность такового. «Анналистически-посезонный» метод Фукидид подает как свое новшество (ср. Hornblower S. A Commentary... Vol. 1. P. 235: "Such an arrangement was a novelty (Фукидида. — А.С.)..."; Rengakos A. Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // Brill's Companion to Thucydides / ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden; Boston, 2006. P. 284: "a Thucydidean innovation"), с помощью которого он намерен обеспечить точную датировку военных событий, поэтому он так настойчиво разъясняет значимость разработанной им системы хронологии.

хватается за другое, происходившее одновременно с ним. Это, конечно, сбивает нас с толку, и становится трудно следить за ходом рассказа, когда внимание то и дело отвлекается» (EPG. 12–13)⁴⁵.

Галикарнасский искатель истины отказывает фукидидовскому принципу историописания за дробление событий на периоды, временные циклы, по причине чего историк Пелопоннесской войны постоянно отвлекается от одного рассказа, переключаясь на другой, третий, ... потом возвращается к прерванному сюжету, но снова прерывает повествование, чтобы перескочить к другому...⁴⁶ Все это, по мнению Дионисия, создает впечатление разорванности повествования, что трудно для читательского восприятия⁴⁷. Хотя эти претензии галикарнасского филолога к Фукидиду, не кажутся убедительными.

---

⁴⁵ О критике Дионисием хронологического метода Фукидида см.: Wille G. *Zu Stil und Methode des Thukydides* // *Thukydides* / hrsg. von H. Herter. Darmstadt, 1968. S. 683–716; Лосев А.Ф. *Античная философия истории*. М., 1977. С. 108–110; Gabba E. *Op. cit.* P. 65 ff.; Toye D.L. *Op. cit.*; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский о речах в «Истории» Фукидида // *Вопросы классической филологии*. Вып. 15: ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ [Пещера нимф]: Сборник статей в честь А. А. Тахо-Годи / под ред. А.И. Солопова. М., 2010. С. 323–329; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об отступлениях...; Wiater N. *The Ideology...* P. 132–154 (здесь § 3. 2. 1 — о сопоставлении галикарнасским филологом принципов первых историков: p. 132 ff.); Осипова О.В. ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ...; Irwin E. *Dionysius of Halicarnassus...* P. 121–199, 125, 127 f. (+ n. 11), 170 f.

⁴⁶ О «технике переплетения», которую Фукидид использует в «Истории Пелопоннесской войны», см., например: Hornblower S. *A Commentary...* Vol. 2. P. 256–257, 403; Dewald C. *Thucydides' War Narrative*; Rengakos A. *Op. cit.*; Синицын А.А. В августе 424-го... С. 56–58 (с обзором литературы).

⁴⁷ Ср. подобным образом в другой его работе: «Желая пойти по новому и неиспробованному пути, Фукидид расчленил свою историю по летам и зимам. Но вышло из этого ровно обратное тому, на что он рассчитывал. Членение по временам года оказалось не яснее, а запутаннее. Нужно удивляться, как он не видел, что разделенное на мелкие кусочки повествование не приводит к ясности...» (D.H. *De Thuc.* IX) Далее с примерами «разрывов повествования» из III книги «Истории Пелопоннесской войны» и суровым приговором относительно хронологического нововведения Фукидида: «Вся книга изрезана на куски подобным образом, и связности повествования в ней нет никакой. Совершенно естественно, что читатель запутывается и с трудом следует изложению... Историческому исследованию следует быть связным и уравновешенным... А то, что способ Фукидида плох и не подходит для истории, — ясно. Ведь ни один из последующих историков не членил историю по летам и зимам, но все вернулись к испытанным и надежным способам ради понятности» (*ibid.*). После этого Дионисий приводит дополнительные примеры «отвлечений» афинского историка от генеральной темы и неверного распределения им материала: *De Thuc.* XIII–XVII; обсуждение этих глав трактата «О Фукидиде» и замечания к критике

В области содержания, как считает Дионисий, Фукидид по всем позициям слабее «отца истории», но «в области стиля он в чем-то хуже, в чем-то лучше, в чем-то равен ему» (*ibid.* 16). В финале III главы ритор использует «формулу» сравнения двух классических историков, на которую часто ссылаются современные исследователи Дионисия и исследователи раннегреческого историописания: «Подводя итог, я говорю, что поэтические произведения (αἱ ποιήσεις ἀμφότεραι, т.е. Геродота и Фукидида. — А. С.) — я без стеснения называю их поэтическими (ποιήσεις) — оба прекрасны (καλαί), но весьма различаются между собой только в том, что красота Геродота приносит радость (ἰλαρός), а красота Фукидида вселяет ужас (φοβερός)» (*EPG.* III. 21)⁴⁸.

Сопоставляя прозаические тексты с произведениями поэтического искусства (ποιήσεις), Дионисий указывает на значимость эстетического аспекта исторических сочинений. В своем труде по истории Рима он акцентирует внимание на важности «красивых тем» (καλαὶ ὑποθέσεις, *Ant. Rom.* I. 2. 1) для историописания, неоднократно подчеркивает — как в «Римских древностях», так и в риторических трактатах, — необходимость использования «красивых примеров» (καλὰ παραδείγματα)⁴⁹.

IV. Две следующие части относительно краткие. В четвертой главе с Геродотом сравнивается Ксенофонт, которого Дионисий преподносит как подражателя (ζηλωτής) «отца истории» — «и в плане содержания, и в плане стиля» (D.H. *EPG.* IV. 1). Афинский историк

афинского историка галикарнасским филологом: Oakley S.P. *The Expansive Scale of the Roman Antiquities* // ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography*. Cambridge, 2019. P. 128–130; Осипова О.В. Композиция... (с литературой).

⁴⁸ Относительно риторики и поэтики в теоретических сочинениях от Аристотеля и Феофраста до Филодема (а отчасти и Дионисия) см. Beer V. *Rhetorik des Hellenismus: Von Theophrast bis Philodem* // *Handbuch Antike Rhetorik* / hrsg. von M. Erler, Chr. Tornau. Berlin; Boston, 2019. P. 378–379. О поэтических влияниях и реминисценциях у Дионисия Галикарнасского см. работу К.К. де Йонге (главным образом на материале поэзии Горация): de Jonge C.C. *Dionysius and Horace: Composition in Augustan Rome* // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography* / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 242–266. Де Йонге отмечает близкое сходство между одним конкретным разделом горациевой «Ars poetica» и обсуждением задач историка в Дионисиевом «Письме к Помпею» (*Ibid.* P. 245).

⁴⁹ См. гл. 3 монографии Ф. Майнса (Meins F. *Op. cit.*), где обсуждается значение красоты (κάλλος / Schönheit), которую, согласно Дионисию, должно отображать историческое сочинение.

назван здесь ἀνὴρ φιλοσοφός⁵⁰, поскольку он «выбирал прекрасные и величественные темы для своих исторических сочинений (τὰς ὑποθέσεις τῶν ἱστοριῶν ἐξελέξατο καλὰς καὶ μεγαλοπρεπεῖς)». Дионисий снова отмечает, что удачные темы он избирает в подражание Геродоту (IV. 2), хотя стиль Ксенофонта уступает Геродотовскому. «У Геродота были к тому же величие, красота и пышность, и то, что называется πλάσμα ἱστορικόν⁵¹, чего Ксенофонт... не мог перенять [у него]...» (IV. 3).

---

⁵⁰ Об историке Ксенофонтe как princeps philosophorum см. Matijašić I. Shaping... P. 58–65.

⁵¹ Использованную в данном случае ритором характеристику стиля Геродота как πλάσμα ἱστορικόν О.В. Смыка передает по-русски изящным словосочетанием «историческая жилка». Сходный вариант мы встречаем и у У.Р. Робертса: “and what is specifically called the ‘historical vein’” (Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters (Ep. ad Ammaeum I, Ep. ad Pompeium, Ep. ad Ammaeum II) / the Greek text edited with English translation, facsimile, notes, glossary of rhetorical and grammatical terms, bibliography, and introductory essay on Dionysius as a literacy critic by W.R. Roberts. Cambridge, 1901. P. 119) – в старом английском издании «Письма», с которым работала русская переводчица (об этом сказано в примечании к переводу «Письма к Помпею»: Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 331). У Дионисия говорится о мастерстве Геродота, особой манере исторического письма, присущей ему. В словаре LSJ приводится одно из значений слова πλάσμα: “formed style in writing or speaking”, в качестве примера авторы словаря поместили как раз интересующее нас выражение из IV главы Дионисиева «Письма Помпею» (LSJ. P. 1412, col. 1, s.v. πλάσμα, III. 1); ср. Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus on Literary Composition. P. 317, s.v. πλάσμα (также с примером из D.H. EPG. IV). См. английский перевод Стивена Ашера в «лойбовском» издании: “and what is called by the special name of «the historical cast of style»” (Dionysius of Halicarnassus. Critical Essays: in 2 volumes / with an English transl. by S. Usher. Vol. 2: On Literary Composition. Dinarchus. Letters to Ammaeus and Pompeius. Cambridge; L., 1985. P. 389); ср. в старой латинской версии: “suavem conformationem historicam, quemadmodum Herodotus, non habet (Ксенофонт. – А.С.)” (Dionysii Halicarnassensis opera omnia. Graece et Latine / cun annotationibus H. Stephani, F. Sylburgii, F. Porti, I. Casauboni, F. Ursini, H. Valesii, I. Hudsoni et I.I. Reiske. Vol. 6: Ex scriptis rhetoricis et criticis Epistolam Primam ad Ammaeum, Epistolam ad Cn. Pompeium, Epistolam Secundam ad Ammaeum, Iudicium de Thucydidis historiis, et Librum de Admiranda vidicendi in Demosthene / cur. I.I. Reiske. Lipsiae, 1777. P. 779); ср. также французский перевод Ж. Ожак в серии «Budé»: “et ce qu’on appelle proprement le mode d’écriture historique” (Denys d’Halicarnasse. Opuscles rhétoriques. T. 5. P. 94), см. пояснение к этому слову в лексиконе Дионисия: “forme d’écriture, style (mot du vocabulaire stoïcien); fiction” (Denys d’Halicarnasse. Opuscles rhétoriques. T. 5. P. 261, s.v. πλάσμα).

Эта глава заканчивается дополнительными критическими замечаниями в отношении мастерства Ксенофонта, который, как и Фукидид, проигрывал Геродоту.

V. В пятой главе историк Филист Сиракузский сравнивается с Фукидидом. По мнению Дионисия, Филист выработал свой стиль историописания под влиянием знаменитого афинского предшественника⁵². Один из существенных упреков Дионисия Фукидиду и Филисту состоит в том, что эти историки избирают для описания частные, местные, мелкие темы, их интересует лишь локальная история, причем суженная до исследования одной конкретной *ὑπόθεσις*: у Фукидида — это Пелопоннесская война, а у Филиста — история Сицилии. Оба они не создают масштабных сочинений по «всемирной» истории, которые бы описывали международные дела и охватывали длительный промежуток времени, как это у Геродота и некоторых других историков.

Дионисий судит строго: распределение материала у Филиста оставляет желать лучшего, а за изложением событий у него проследить еще труднее, чем у Фукидида. Как показывает ритор, по многим позициям сиракузский историк уступает афинскому (D.H. *EPG*. V. 2–3)⁵³. «Как и Фукидид, он (Филист. — А.С.) не допускает ничего не относящегося к теме и потому *однообразен* (*ἰσοειδής*)» (V. 2). И чтобы продемонстрировать однообразие и скудость языка сицилийского историописателя (у которого часто следуют «подряд несколько предложений, совершенно одинаково составленных», V. 4), Дионисий приводит отрывок из его труда «О Сицилии», где идет перечисление этнонимов и повторяются предложения со сходными конструкциями (V. 5)⁵⁴. Процитированный здесь филологом фрагмент в

---

⁵² Об историке Филисте как подражателе Фукидида: Fromentin V. *Philistos de Syracuse, imitateur de Thucydide? Réexamen du témoignage de Denys d'Halicarnasse // Ombres de Thucydide. La réception de l'historien depuis l'Antiquité jusqu'au début du XXe siècle. Actes des colloques de Bordeaux, les 16–17 mars 2007, de Bordeaux, les 30–31 mai 2008 et de Toulouse, les 23–25 octobre 2008 / ed. V. Fromentin, S. Gotteland, P. Payen. Bordeaux, 2010. P. 103–118* (“Philistos de Syracuse, imitateur de Thucydide”); Matijašić I. *Shaping*. P. 78–82, 146 f., 169–172 (“imitator of Thucydides”).

⁵³ Ср. “At Ad Pomp. 5 Thucydides appears as a kind of benchmark for taxis that is difficult to follow, Philistus being ‘worse than Thucydides’ in this respect” (Irwin E. *Dionysius of Halicarnassus*. P. 128, n. 11).

⁵⁴ FGrHist 556 F 5. См. Schindel U. *Der Historiker Philistos von Syrakus und die rhetorische Figurenlehre // ΕΓΚΥΚΛΙΟΝ ΚΗΠΙΟΝ (Rundgärtchen). Zu Poesie, Historie und Fachliteratur der Antike / hrsg. von M. Janka. München; Leipzig, 2004.*

стилистическом отношении, в самом деле, выглядит монотонным, казенным, простоватым, сухим и скучным⁵⁵ — он лишен той поэтичности, которую Дионисий отмечает в αἱ ποιήσεις исторических трудах Геродота и Фукидида (III. 21; см. выше цитированный пассаж). Он критикует Филиста: писатель льстивый, раболепный, низменный, у него выражения (φράσις — «оборот речи») «все жутко однообразны и бесформенны (ὁμοειδῆς πᾶσα δεινῶς καὶ ἀσχημάτιστος⁵⁶ ἐστὶ, V. 4)». Филист мелок и несовершенен (μικρὸς ... καὶ ἀτελής) (V. 6, с пояснениями и примерами), так что филолог признается, что все это ему противно (ταῦτα δὲ ἀηδῆ πάνυ ὄντα ἐμοὶ φαίνεται, V. 5).

Завершает Дионисий этот раздел добавлением в бочку дегтя ложки меда: он отмечает свойственное сочинениям Филиста благозвучие (εὐστομία), чувство меры и риторичность. Суть последней «похвалы» (здесь, возможно, *cum grano salis*) заключается в том, что, по мнению галикарнасского филолога, стиль Филиста больше подходит для составления речей, предназначенных для дебатов в собраниях, нежели стиль Фукидида (πρὸς δὲ τοὺς ἀληθινοὺς ἀγῶνας ἐπιτηδειότερος Θουκυδίδου (V. 6)⁵⁷. Дионисий указывает на то, что Филистов слог более пригоден в словестном состязании, в судебных

S. 163–169; Tober D. Greek Local Historiography and its Audiences // CQ. Vol. 67. 2017. № 2. P. 463–464. К обсуждению этого сюжета о casus belli Сиракуз и соседнего города Камарины, о союзниках сиракузян и камаринян см.: Di Stefano G. Indigeni e greci nell'entroterra di Camarina // Kokalos. Vol. 34–35. 1988–1989. № 1/1. P. 89–105; Domínguez A.J. La colonización griega en Sicilia. Griegos, indígenas y púnicos en la Sicilia Arcaica: Interacción y acculturación. Vols. 1–2. Oxford, 1989. P. 547 sig.; Di Stefano G. Il relitto di Punta Braccetto (Camarina), gli emporia e i relitti di età arcaica lungo la costa meridionale della Sicilia // Kokalos. Vol. 39–40. 1993–1994. № 1/1. P. 111–133; Di Vita A. Siracusa, Camarina, Selinunte: quale frontiera? // Confini e frontiera nella Grecità d'Occidente, Atti del trentasettesimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia. Taranto 3–6 ottobre 1997. Napoli, 1999. P. 368, 369–370; Domínguez A.J. Greeks in Sicily // Greek Colonisation and Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas / ed. by G.R. Tsetschladze. Vol. 1. Leiden; Boston, 2006. P. 289–290, 340; Sudano N. La συμμαχία fra Camarina e i siculi (Filisto, FGrHist 556 F5) // SAnt. 2016. Vol. 13. P. 193–200.

⁵⁵ См. Matijašić I. Shaping. P. 79 ff. (и здесь же: “Dionysius quotes a passage..., which does actually appear rather dull”).

⁵⁶ В данном предложении Дионисий противопоставляет форму повествования Фукидида (σχηματισμός и πλήρης σχημάτων) — бесформенности (ἀσχημάτιστος) выражений Филиста.

⁵⁷ Обсуждение этой главы трактата: Matijašić I. Shaping. P. 79, 80–82. См. также: Fromentin V. Philistos de Syracuse.; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об «историческом» стиле. С. 830, 832.

прениях, воздействие которых рассчитано в конкретный момент на публику; а это уж и вовсе не согласуется с Фукидидовскими принципами, изложенными в методологических главах его «Истории Пелопоннесской войны»⁵⁸.

VI. Феопомпу Хиосскому посвящена последняя, шестая, глава трактата⁵⁹. Дионисий сравнивает Ксенофонта с Геродотом, а

---

⁵⁸ Приведу хрестоматийные строки Фукидида: «И все же не ошибется тот, кто ... в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам (λογογράφοι), сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха» (I. 21. 1; перевод по изд.: Фукидид. История. С. 40).

⁵⁹ Избранная литература о Феопомпе и характеристике этого историка Дионисием Галикарнасским: Laqueur R. Theopompos (9) aus Chios // RE. Bd. 5 (A/2). 1934. Sp. 2176–2223; Борухович В.Г. Политические взгляды Феопомпа // УЗ ГГУ. Т. 46. 1959. С. 189–197; Anderson W.S. Pompey, his Friends and the Literature of the First Century B.C. Berkeley, 1963; Connor W.R. Theopompus and Fifth-Century Athens. Cambridge, 1968; Lane Fox R. Theopompus of Chios and the Greek World, 411–322 BC // Chios. A Conference at the Homereion in Chios 1984 / ed. by J. Boardman, C.E. Vaphopoulou-Richardson. Oxford, 1986. P. 105–120; Pédech P. Trois historiens méconnus, Théopompe, Duris, Pylarque. P., 1989; Shrimpton G.S. Theopompus the Historian. Montreal; Quebec, 1991; Gabba E. Op. cit. P. 73–79; Christ M.R. Theopompus and Herodotus: A Reassessment // CQ. Vol. 43. 1993. № 1. P. 47–52; Flower M.A. Theopompus of Chios. History and Rhetoric in the Fourth Century BC. Oxford, 1994; Hornblower S. The fourth-century and Hellenistic Reception of Thucydides // JRS. Vol. 115. 1995. P. 47–68; Sanders L.J. Theopompus and the Dionysian Empire // Echos du monde classique: Classical views. Vol. 39. 1995. Iss. 14 (3). P. 337–353; Бузескул В.П. Указ. соч. С. 187–189; Bearzot C. Polibio e Teopompo: osservazioni di metodo e giudizio morale // The Shadow of Polybius. Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography: Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 21–22 September 2001 / ed. by G. Schepens, J. Bollansée. Leuven, 2005. P. 55–71; Ottone G. L'«Ἀττική συγγραφή»; Ottone G. Scrivere la storia dopo Tucidide: Teopompo di fronte all'Ateniese dalla prospettiva di Polibio e Dionigi di Alicarnasso // Ombres de Thucydide. La Réception de l'historien, de l'Antiquité au XXe siècle. Actes des colloques de Bordeaux, les 16–17 mars 2007, de Bordeaux, les 30–31 mai 2008 et Toulouse, les 23–25 octobre 2008 / ed. by V. Fromentin, S. Gotteland, P. Payen. Bordeaux, 2010. P. 307–326; Chavez-Reino A.L. À l'affût des rapports Théopompe-Thucydide: quelques éléments de repérage // Ombres de Thucydide. La Réception de l'historien, de l'Antiquité au XXe siècle. Actes des colloques de Bordeaux, les 16–17 mars 2007, de Bordeaux, les 30–31 mai 2008 et Toulouse, les 23–25 octobre 2008 / ed. by V. Fromentin, S. Gotteland, P. Payen. Bordeaux, 2010. P. 327–342; Parmeggiani G. Introduction // Between Thucydides and Polybius: The Golden Age of Greek Historiography / ed. by G. Parmeggiani. Washington, DC, 2014. P. 1–4; Vattuone R. Looking for the Invisible: Theopompus and the Roots of Historiography // Between Thucydides and Polybius: The Golden Age of Greek Historiography / ed. by G. Parmeggiani. Washington, DC, 2014. P. 7–34; Parmeggiani G.

Филиста с Фукидидом, Феопомп же не имеет пары для сопоставления⁶⁰, он как бы стоит особняком, и ритор превозносит этого историкописателя. «Как историк он стоит похвал... за выбор тем... распределение материала... тщательность и трудолюбие... многогранность сочинения (τὸ πολύμορφον τῆς γραφῆς)» (D.H. EPG. VI. 1–3)⁶¹. Однако дело не только в кропотливом сборе сведений и умелом распределении материала, но и в философском осмыслении Феопомпом событий и поступков действующих лиц⁶². Поэтому он представлен у Дионисия *философствующим* историографом, да к тому же еще и «психологом», непревзойденным никем другим из всех творцов в этом жанре.

«О наиболее характерном свойстве его работ, которое с такой силой и тщательностью не развито ни у одного писателя ни старших, ни младших поколений. ... А свойство это состоит в том, что Феопомп видит и говорит не только то, что очевидно многим, но изучает неявные причины поступков, побуждения и движения души тех, кто их совершает, которые большинству увидеть нелегко; он всегда разоблачает все тайны мнимой добродетели и нераскрытых пороков» (D.H. EPG. VI. 7).

Homeric Overtones and Comic Devices in Theopompus' Criticism of Philip's Companions // *Ktèma: Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*. T. 41. 2016. № 1. P. 393–406; Hau L.I. *Moral History from Herodotus to Diodorus Siculus*. Edinburgh, 2016. P. 258–270, 271–277; Ottone G. *La philaletheia*; Matijašić I. *Shaping*. P. 4–5, 20–21, 51 ff., 59–61, 70–73, 78–86 (параграф 3.4. «Достойные и недостойные историки: Ксенофонт, Филист, Феопомп» через призму Дионисия Галикарнасского), 120–122 (здесь специально «феопомповский» раздел 4.5 «Идеальный историк Дионисия: Феопомп»), 165–172, 183 ff. и др.

⁶⁰ Исследователи отмечали, что расхождения Феопомпа с Фукидидом были преднамеренными: Connor W.R. *Op. cit.* P. 106, 119–120; Hornblower S. *The fourth-century*. n. 47 (“Theopompus’ (surely deliberate) divergencies from Thucydides”, со ссылкой на У.Р. Коннора). О параллелях в трудах Фукидида и Феопомпа и «поиске отношений» между двумя историками см. в работе: Chavez-Reino A.L. *Op. cit. Passim*.

⁶¹ На важность разнообразия исторического сочинения Дионисий обращает внимание и в другом месте этого «Письма» (III. 11–12), где мастерство Геродота противопоставляется мастерству Фукидида (причем, как было сказано, не в пользу последнего). О противоположностях *πολύμορφον* — *μονοειδές* см.: Oakley S.P. *Op. cit.* P. 138 ff. (+ n. 31).

⁶² См. Vattuone R. *Op. cit.* P. 16 ff.; Parmeggiani G. *Homeric Overtones*. P. 400–402.

Говоря о мастерстве Феопомпа, Дионисий сравнивает историка с афинскими ораторами⁶³. «В отношении стиля он весьма сходен с Исократом»⁶⁴ (VI. 9), хотя «он отличается от Исократа по остроте и напряженности» (*ibid.*), но при этом «ничуть не уступает силе Демосфена» (VI. 10)⁶⁵. Отметив многие достоинства хиосского историописателя, Дионисий сдержанно критикует его за неуместные вставки (*παρεμβολαί*), которые, по мнению ритора, Феопомп зачастую помещает ни к месту и ни ко времени, к тому же многие из них представляются ему наивными, ребячливыми (*τὸ παιδιῶδες*) (ср. Cic. *De leg.* I. 1. 5). В финале главы приводятся примеры таких вставок «пайдиод»: с Силеном в Македонии и каким-то морским чудищем, напавшем на корабль; указывается, что у Феопомпа можно встретить немало других рассказов такого же характера⁶⁶. Хотя Дионисий признает, что в сочинениях Феопомпа есть много удивительного или странного (*θαυματοῦν ἢ παράδοξον*, VI. 4)⁶⁷, но все эти элементы — своего рода забавные анекдоты — хиосский историк помещает в текст не ради развлечения, а для практической пользы.

(Продолжение статьи в следующем выпуске сборника)

---

⁶³ Flower M.A. *Op. cit.* P. 52–57.

⁶⁴ Об Исократе и эллинской историографии из новых работ: Marincola J. *Rethinking Isocrates and Historiography // Between Thucydides and Polybius: The Golden Age of Greek Historiography / ed. by G. Parmeggiani. Washington, 2014. P. 39–61* (с дискуссией и библиографией); Matijašić I. *Shaping. P. 82–83, 120–121, 128–135, 145 f. и др.*; Viidebaum L. *Creating.* (с обширной библиографией).

⁶⁵ Проанализировав сохранившиеся фрагменты Феопомпа, М. Флауэр считает, что хиосский историк пользовался умеренным стилем (Flower M.A. *Op. cit.* P. 184 ff.); ср. Нау L.I. *Op. cit.* P. 270, n. 64.

⁶⁶ Бузескул В.П. Указ. соч. С. 189: «...[Феопомпа] интересовал и элемент чудесный: в его сочинении целый отдел был посвящен “удивительным вещам” (*περὶ θαυματοῦν*)». См. Matijašić I. *Shaping. P. 81.*

⁶⁷ Относительно обоснования в D.H. EPG. VI. 4 важности включения в исторический труд эпизодов с *θαυματοῦν* и *παράδοξον*, и об опыте историописания самого Дионисия Галикарнасского в «Римских древностях» сошлюсь на замечание Стивена Оукли: “In the Ant. Rom. Dionysius is in fact relatively restrained in his reporting of the marvellous, coupling these words or their cognates to describe events or people at Ant. Rom. 3. 13. 3, 21. 1, 22. 10, 47. 4; 4. 2. 3; 5. 8. 6; 6. 13. 4” (Oakley S.P. *Op. cit.* P. 137, n. 15).

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АМА –	Античный мир и археология. Саратов
АВПРИ –	Архив внешней политики Российской империи
ВДИ –	Вестник древней истории, Москва
ВПР –	Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы
ГА РФ –	<i>Государственный архив Российской Федерации.</i>
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАКО –	Государственный архив Калужской области
ГАПК –	Государственный архив Пермского края
ГЖУ –	Главное жандармское управление
ГКО –	Государственный Комитет Оборона
ГОЭЛРО –	Государственный план электрификации Советской России
ЖПУЖД –	Железнодорожное полицейское управление Закавказских железных дорог
ИЯКФ –	Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Санкт-Петербург
КГЖУ –	Калужское губернское жандармское управление
МВТУ –	Московское Высшее техническое училище
МГУ –	Московский государственный университет
НМ РБ –	Национальный музей Республики Башкортостан
НОЦ –	Научно-образовательный центр
ПИ –	Платоновские исследования. Москва; Санкт-Петербург
ПСС –	Полное собрание сочинений.
РГАЛИ –	Российский государственный архив литературы и искусства.

РИО	Российское императорское общество
РСДРП –	Российская социал-демократическая рабочая партия
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи
РГВИА –	Российский государственный военно-исторический архив
СГПИ	Саратовский государственный педагогический институт
РПЦ –	Русская православная церковь
ФГОС –	Федеральный государственный образовательный стандарт
УЗ ГГУ -	Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 25

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ № 00000.

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru